

Н. В. Буценин

ЧЕТАНКА

Сургако, 1995 г.

Н.В. БУДЫЛИН

"ЧАПАНКА"

Роман

Деду моему -
Герою Советского Союза
Будылпашу Николаю Васильевичу
посвящаю.

Часть 1

МИРНЫЕ ДНИ

1

Купец первой гильдии Бузин Иван Сергеевич, средних лет, слегка пополневший, с начинающейся залысиной, возвращался из Самары на своем пароходе "Дружба" домой, в Новодевичье. Позади остались Ставрополь, Жигулевские горы с вершинами, покрытыми почти сплошь лесами. Вот уже показался Белый Ключ, а там Елшанка и до Новодевичья рукой подать. Иван Сергеевич стоял у окна своей каюты, скрестив на груди руки, молчал, смотрел вперед. Мимо сновали пассажиры, суетились, готовились к высадке. Иван Сергеевич приоткрыл окно, в лицо ударил теплый июньский ветер. Пароход дал короткий, нутряной гудок, приветствуя встречную баржу. Монотонно работали двигатели: чух-чух, чух-чух раздавалось где-то за коромыслом. Вшел слуга Филипп Прохоров, шустрый малый с рыжими вихрами.

- Как почивали, Иван Сергеевич? Не изволите ли в ресторан послать?

- Нет, Филька, хватит по ресторанам харчиться, я, чай, нас и дома накормят. Впрочем, стакан чаю с лимоном принеси-ка мне...

- Слушаю-с...

Филька скрылся за дверью, вскоре явился с подносом, аккуратненько накрытым белоснежной салфеткой. Поставил поднос на стол.

- Все, гуляй...

Филька продолжал суетиться у стола, ставил тарелочку с лимонными дольками, поправлял скатерть.

- Кому сказано?..

Фильку как ветром сдуло.

Больше месяца Бузин был в разъездах, заключал договора на поставку хлеба и шерсти с нижневолжскими купцами и фабрикантами. Добрался аж до самой Астрахани, последнюю неделю жил в Самаре. Не за горами уборочная. Судя по приметам, урожай должен быть добрый, так что не мешало заранее обговорить все с прошлогодними покупателями, пока конкуренты не опередили.

Иван Сергеевич выпил стакан чаю с лимоном, достал гаванскую сигару, с наслаждением закурил. Потом взял маленький чемоданчик

с документами, который не доверял никому, и вышел на палубу прогуляться. Люди кланялись ему, торопились быстрее скрыться: как-никак, а хозяин парохода, да не одного, шутка ли в деле. Бузин ни на кого не обращал внимания, прошел на нос, обвел взглядом волжскую гладь. Вдали, средь дымки, уже показалась Елшанская гора, здесь любил он в юности бродить среди березок со своей первой любовью Надей Фроловой, хрупкой и очень тихой девушкой.

Давно это было, так давно, что кажется, как будто и не с ним. Иван Сергеевич часто вспоминал Надю, жалел. Умерла она в 19 лет от чахотки, а и если б не умерла, разве б позволил отец жениться на ней, дочке простого сельского буличника. Так что, может быть, и правильно она сделала, что умерла. Поплакал купчик Ваня по ней разок и все, а то б скребло душу всю жизнь: где, да как она? Вот из-за горы показался позолоченный купол церкви, чуть правее, за церковью выделялся двухэтажный из красного кирпича дом Бузина, самый большой и красивый в селе. Его начинал строить еще отец Ивана Сергеевича. Вот и родное село... Справа на бугре Завраг, слева Бутырки, а в центре само село с главной, Красной улицей. Как приятно после хлопот, трудов праведных возвращаться к себе домой, знать, что тебя здесь ждут!

Пароход дал три протяжных гудка, приветствуя встречающих. Люди с мешками и узлами засуетились, готовясь к выходу. Тут уж на Ивана Сергеевича никто не обращал внимания, каждый думал о своем, у каждого свои заботы. Многие пассажиры метнулись на пристанской базар, где виднелась толпа людей. Иван Сергеевич спустился с палубы на корму - для него подали отдельный трап - осмотрелся. Среди встречающих с радостью заметил свою любимицу, тринадцатилетнюю дочку Лизу, худенькую, как тростиночка, в голубеньком, под цвет глаз, платьице, на голове косички. Увидела отца, запрыгала весело, замахала рукой. Рядом с ней степенно стоял пожилой управляющий Поляков Алексей Степанович, коренастый, плотный, с кривыми ногами. Этого даже не улыбнулся, стоял себе и стоял, думал что-то свое.

Бузин осторожно сошел по трапу на пристань, обнял дочку, ощущая трепет ее еще не сформировавшегося тельца.

- А я уж кой день хожу тебя встречать, и вчера и третедня была. Сегодня и не ждали вовсе, думали, уж до той недели, а тут слышу три гудка - я и прибежала. А к нам Сергей приехал...

Еще от отца Бузины завели порядок, что если возвращается на пароходе хозяин, капитан дает три гудка.

- Да дела, дочка, задержали, я уж и сам спешил... Ну вы как тут?

Слуга Филька унес чемоданы, Поляков стоял рядом, ждал своей очереди.

- Да ладно все... Мамынька вот только приболела, на днях ходила по ягоды, вот солнышко и напекло, теперь ей примочки на голову делают.

- Ну, это дело поправимое. Ты побегай давай, скажи, пусть столоваться накроют, да за кваском пошли кого, а я вот пока с Алексеем Степановичем поговорю.

Лиза побежала было.

- Да, Лизавета, - закричал Иван Сергеевич вдогонку, - чемодан-то красный разбери, там много чего для себя сыщешь, а другой не открывай пока. - Бузин ласково проводил дочку взглядом, пока она, чуть склонившись, бежала по мосткам и по берегу. Усмехаясь, потом как бы очнулся, обернулся к Полякову.

- Ну, Алексей Степанович, рассказывай... Давай-ка с тобой прогуляемся, а то я засиделся в каюте-то за сутки.

Сошли с пристани на берег, подались в сторону Садка, ближе к Завражью. Поляков степенно рассказывал:

- Амбары на Елшанке начали строить, думаю, вокурат к уборочной достроим. Теперь так... Сговорился я с мужиками насчет хлеба, пшеничку, значит, по рупь восемь копеек, а рожь - по рублю с семишником. Думаю, не обманут. В Шигонах и Усолье был, там тоже пудов чуть больше тысячи сторговал по тем же ценам. Такожды был в Тереньге, да припозднился малость, там уж от Башкирова побывали, пудов на полтысячу только сговорился, на том и разошлись.

- Почем Башкиров сторговался?

- По рупь с гривной ржицу да по рупь двенадцать копеек пшеничку, так, вроде, сказывали.

- Завтра же поезжай в Тереньгу, накинь по семишнику, мне Тереньгу терять нельзя, да и Захару Гавриловичу лакомый кусок оставлять негоже. Слыхал, небось, элеватор-то он какой в Самаре отгрохал?

- Слыхал, как не слыхать...

- Это тебе не амбары на Елшанке. Хитер Захар Гаврилович, ох, хитер, ну да и мы не лыком шиты...

- Амбары, конечно, не элеватор, но и без них нельзя, хлеб-то попридержи иной раз, дак он в цене и взыграет. Ну ладно... Так что еще? Как ярмарку проводим, думаю я в Сызрань податься, может, там чего сышу.

- После ярмарки раскатываться некогда будет, косить надо, вот в Тереньгу поедешь и в Сызрань заверни, оно хоть и крюк большой, но все ближе.

Поляков что-то прикинул про себя, усмехнулся.

- Ин и так ладно...

Шли по улице вдоль оврага, прошли съезжую, за ней стоял шатровый дом, крытый черепицей. За домом виднелся большой сад с яблонями, вишни только-только начали буреть. Перед домом на лавочке сидели двое: учитель сельского училища Фомин Федор Назарович, лет пятидесяти с бородкой седенькой, в пенсне, и доктор волостной больницы Нустрев Алексей Герасимович, чуть помоложе, с тросточкой. Оба в довольно широких шляпах.

- Мир вашему сидению, - приветствовал их Бузин. Поздоровались за руку.

- Садитесь с нами, я, чай, не надышитесь воздуха-то новодевиченского? Истинно говорят: "И дым отечества нам сладок и приятен...", - приветствовал его Нустрев. Фомин молча пожал руку.

- Да уж, куда ни кинь, а лучше нашего края нет, одни сады чего стоят, а Волга...

- Дак ведь оно известно, - вступил в разговор Фомин, - всяк кулик свое болото хвалит. Я вот в степях вырос, казалось бы, что за красота: ковыль да кизяк, ан, тоже любо, по весне особенно.

Из уважения Бузин присел к ним на лавочку, Нустрев подвинулся.

- Какие новости на белом свете? Где побывали? Чего повидали?

- Бывал, почитай, во всех городах и веснях по Волге, что ниже Новодевичья, люди живут себе, суетятся. А новости такие, что как бы нам вместо кос да грабель скоро за ружья не взяться. Так-то...

- И откуда теперича беды ждать, никак опять от японца? - спросил Фомин, закуривая сигарету.

- На этот раз немцы чего-то бузят, Вильгельм с англичанами погулялся, ну а русский Ваня везде притыка.

Нустрев внимательно слушал, чертил тросточкой на земле какие-то знаки.

- Ну, немца один ленивый не был, об этом еще Лев Толстой, помнится мне, сказывал...

- Так оно и про японцев так говорили, - возразил ему Фомин, - мол, шапками закидаешь, а на деле получилось наоборот. И верно говорят: "Не хвались, идя на рать, а хвались, идя с рати". Так-то...

Все это время Поляков стоял в сторонке, в разговор не вступал, слушал, однако, с большим вниманием.

Изредка с Волги то тут, то там раздавались протяжные пароходные гудки, будоража тишину. Шутка сказать, одних пристаней по берегу больше десятка и на всех постоянная суетня.

День только начинался, пахло печеным хлебом, незрелыми яблонями, парным молоком. Люди поднимались и шли навстречу очередному рабочему дню.

2

Дома Ивана Сергеевича уже ждали, был накрыт в столовой стол на шесть персон. Жена Дарья Лукинична встретила его причитаниями:

- А мы уж все глазыньки проглядели, сколь телеграмм в Самару да Саратов отправили, а тебя все нет как нет!

Дарья Лукинична, несмотря на солидный возраст, была женщина статная, высокая. Следила за собой, наряжалась со вкусом. Вот и сейчас, видно, специально к приезду мужа, надела светло-розовое платье с кружевными узорами на груди и рукавах. Лицо белое, гладкое, слегка подрумянены щеки, только морщинки у глаз да в уголках рта.

- Мне уж, матушка моя, Дарья Лукинична, Лиза давеча попеняла, ну да ведь волка ноги кормят. Ты уж не серчай, Дашенька, а прикажи-ка винца доброго пару бутылочек достать, я, чай, сына-то надо встретить...

- И то... Он уж расстраивался, приехал на две недели, сокол наш ясный, а тебя нет.

В прихожую вышел сын Сергей в легком летнем костюме. Был он высок ростом, стройный в матерь, черноволосый; с маленькими подкрученными по-модному усиками. Вот уже пятый год служил офицером драгунского полка в Костроме. Отец с сыном обнялись, троекратно поцеловались.

- Ну-ка, дай на тебя взглянуть - grenadier, grenadier. Один или с супругой к нам пожаловал? А то сейчас родителей не спрашивают, женятся и ставят перед фактом, прошу, мол, любить и жаловать. Это раньше, нас вот с матерью родители сосватали и живите, сейчас не то...

Дарья Лукинична смотрела на мужа и сына с умилением.

- Ну а ты и жалеешь, поди, что сосватали?

- Жалеть не жалею, да и поздно уже. Ну дак ведь хорошо, что мне такая красавица досталась, а как нет...

- Моя невеста еще не выросла, под стол, поди, во весь рост ходит, шутя возразил Сергей.

- Ну это ты напрасно, как говорится, всякому овощу свое время. Нам с матерью стариться, а тебе жениться да в пору входить. Ну да ладно, поговорим еще, умоюсь пойду с дороги.

Помолодевший после купания в ванной, Иван Сергеевич вышел в столовую в атласном халате и в тапочках на босу ногу. Его уже ждали. За столом была еще теща, вдовая Авдотья Карповна Мешкова. Она гостила уже больше месяца, приехала из Сызрани еще до отъезда Бузина в низовье и, видно, уезжать не больно торопилась. Впрочем, старушка она была не вредная, хотя и недолюбливала Ивана Сергеевича, он это чувствовал. Был еще некто Тяглов Иван Иванович, разорившийся в пух и прах мелкий помещик, дальняя родня Бузина по отцовской линии, как говорится, нашему забору двоюродный плетень. Бузин его держал при себе единственno из жалости да как напарника для игры в бильярд.

На первое подали стерляжью уху. Мужчины выпили по рюмке смирновской водки, закусили бальском из осетрины. Женщины пригубили вишневой настойки. Иван Сергеевич окинул всех веселым взглядом: ему было радостно видеть вокруг всех своих близких, даже Тяглова он готов был расцеловать.

- Ну, про хозяйские дела мне Поляков поведал, а дома что? Все ли ладно?

- Слава богу, Ванюша, все идет своим чередом: наварили земляничного варенья, я и сама ходила...

- Да мне уж сказывала Лиза, что ж это, матушка, или сходить некому, не то купила б где?

- Да это верно, но уж больно охота по лесу побродить, почти до самой Мазановой поляны дошли пешком, оттуда только уж на трантасе вернулись. Вот... Рыбки насолили да накоптили, завтра думаю за маслятами послать.

- Не рано ли? - Ивану Сергеевичу казались никчемными и этот разговор и интересы жены, но он поддерживал его, чтоб не обидеть Дарью Лукиничну.

- Коли рано, носят уж, третедня видала, девушки несли из Глинницы по полному лукошку.

- Их ладно, ты уж, матушка, тут сама управляйся, мне тебя не учить. Ну а ты, егоза, чего молчишь?

Лиза уже нарядилась в новую белую кофточку, подарок отца, надела простенькие бусы.

- А мы с Малашкой Беляевой бегали угощениника смотреть с неделю как. Он весь синий-синий, только глаза белые, а здоровенный, как наш кузнец Алеша Трегубов.

- Это еще что за притча? - Иван Сергеевич вопросительно посмотрел на окружающих.

- Да, сказывают, крючники в Сенгилее перепились на Николу вешнего, поплыли на лодке на остров, вот один и кувыркнулся за борт, - пояснил Тяглов, уплетая за обе щеки лапшинник.

- Его, говорят, один схватил было за волосы, да не удержал, - продолжил Сергей, - это нам один тут приказчик из Сенгилея рассказывал, а мужик, видать, и впрямь крепкий был.

- У нас-то тут, слава богу, все по-прежнему, а что в мире деется, расскажи-ка нам, мил Иван Сергеевич, а то мы окромя Мазы да Кузькина и нос никуда не суем и то по великой нужде, - вступила в разговор теща.

- В мире что, мамаша, суета сует, как наш отец Иоанн говорит. Все снуют, ругаются, воруют, как будто конец света. Купцы настоящие и те, видать, перевелись на святой Руси. Раньше как: сказал слово - железно, а сейчас так и норовят надуть, держи ухо востро.

- Бога забыли, вот и помутился разум-то...

- Истинно, истинно сказать изволите, - поддержал Тяглов. Авдотья Карповна смерила его презрительным взглядом, тот стих. Он заметно побаивался властолюбивую родственницу, листил ей при случае.

После лапшинника подали пироги с сущеными грибами, любимое блюдо Бузина. Он благодарно посмотрел на жену. Ели пироги, заливая холодным, ядренным квасом из березового сока с солодом. По весне, во время сокогона, Бузин специально посыпал двух-трех людей в лес за соком. На зиму заготавливали бочек пять, пили так, пока не забродит, делали квас, иногда и настойки разные на соку.

Улеглись в этот вечер в доме Бузина поздно, почитай, последними на селе. Уже запели первые летухи где-то в Загудаловке, а на верхнем этаже бузиновского дома все горел свет. Ночь над Новодевичьем наступила темная, тихая.

3

Крестьянин-середняк Василий Матвеевич Гудов проснулся на зорьке, кряхтя, сел на деревянную кровать, почесал накусанную за ночь клопами шею. Вышел во двор. Сухонькая, болезненная жена его Александра, только что подоив корову Зорьку, выгоняла ее вместе с овцами в табуны. С улицы слышно было, как вдали хлопал для острастки кнутом пастух, кричали маленькие ягнята. Александра поставила ведро на крыльце, пошла отворять ворота, на ходу обтирая руки о фартук.

- Совсем бросает доить, запускать уж пора бы...

- Ну и запускай!

- Запускай, а есть-то чего будем, орава ведь целая?
- Найдем чего...
- Найдем... С тобой поговоришь...

Александра, продолжая ворчать, выгнала скотину со двора. Василий ступил с крыльца, ополоснул лицо у бочки, пошел под навес, где стояла гнедая старая кобыла Машуха.

Завидев хозяина, Машуха заржала слегка, Василий любовно похлопал ее по спине, приговаривая: " Ну-ну, застаялась, сейчас разминаешься, в лес сейчас поедем, тя там слепни-то пожучат, это те не под навесом стоять". Напоил Машуху из той же бочки деревянной бадьей, стал запрягать. Вернулась Александра, пошла в дом, Василий крикнул ей вдогонку:

- Побуди-ка там Микольку-то с Митькой, будя спать, ехать пора пока по холодку, да перекусить дай чего ни на то.

Когда Василий вошел в дом, парни уже поднимались, протирали заспанные глаза, шли умываться в межуимок к рукомойнику. Дочь Татьяна, простоволосая и улыбчивая, месила тесто в кадке.

- Чего ранель-то такую, чай, успели бы, не на пожар, - возмутился старший сын Дмитрий, ему шел уже восемнадцатый год. Был он низкорослый, но плечистый, с кучерявыми светлыми волосами.

- Покалякай мне, отцу будет указывать. Гулять по ночам меньше надо, а то, поди, с петухами пришел, - приструнил его отец, - давай, мать, давай, ехать-то не близкий свет.

Александра засуетилась у щестка, наложила в большую деревянную миску вчерашней пшеничной каши, подала по кружке кислого молока.

- Мама, а хлеба ржаного не клала в этот раз? - хрипловатым со сна голосом спросил Николай, утираясь застиранной тряпкой. Он уж больно любил, когда в кислое молоко клали пеклеванный* хлеб. Хлеб от этого становился ядренным, ароматным.

- Клала, клала, да уж некогда поди, вот уж ужо приедете...

Выехали чуть засветло, у окопицы их обляли собаки, сбежавшиеся от всех двенадцати ветряных мельниц, что в ряд стояли ближе к Бутырскому оврагу, за ними виднелась паровая мельница Беляева, по правую руку сельское кладбище или мазарки, как их звали на селе.

Митька взял у отца кнут, спрыгнул с телеги и яростно отбивался от собак. Раза два по-хорошему жогнул двух-трех, те заскутили, отбежали, прочие продолжали преследовать чуть не до леса. Василий на ходу оглянулся, крикнул:

* Пеклеванный - ржаной хлеб, очищенный от отрубей.

- Митька, брось дурачье дело, поспешать надо, может, ходки-две за день-то успеем.

По биринской дороге направились к Поворотову бугру. Здесь прошлым летом бригада купца Башкирова рубила лес на делянке, потом его свезли на берег Волги, подсушили и белянами* отправили в низовье. Вот Василий и сторговался с управляющим Башкирова заготовить здесь сучки, пришлося и на четвертную раскошелиться, ну да овчинка стоит выделки. Шесть возов сучков уже свезли, Василий торопился до покоса еще два-три заготовить. Справа остался поворот на Рябинку. Дорога стала песчаной, Машуха пошла шагом, тащила телегу с напряжением, ее потрескавшиеся копыта глубоко утопали в сером с золотистым отливом песке.

- Вот ведь, где каменя урезные, как вон на Бутырской горе, а тут песку наворочено, только картошку сажать. Во сколько явился-то, жених сопливый? - Василий ткнул старшего сына в бок кнутовищем. Тот молчал.

- Поди, опять с Катькой Галкиной ухажорился? Ты мне смотри, оно, конечно, бабье дело себя блести, но и ты думай, не позорь девку-то, нас, родителей, не позорь. Нам здесь век жить. Не то свяжем с Петром Трофимычем вас вожжами да силком поведем в церкву, а наперед всыпем обоим по заднему месту вот этим кнутом, чтоб не баловали раньше времени, не при Микольке будь сказано.

- Да ты что, тятя?

Братья рассмеялись, подмигивая друг другу и толкаясь в бока.

- Смейтесь, смейтесь покудова, - улыбнулся Василий, глядя на сыновей, - я вот вас не бью, но вы и не ждите, если уж возьмусь за ремень, то уж держи, барин, шляпу.

- Тятя, а когда в Самару поедем? Ты обещал балаган показать, - спросил Николай.

- Покажу, покажу, сынок, вот с покосом управимся и, даст бог, махнем с тобой в Самару, надо и кума Ивана навестить, какая ни есть, а все родня.

Приехали на делянку, распрягли Машуху, привязали ее к дубку на вожжах. Василий среди валежника выбирал сучки поздоровее, топором обрубал ветки, складывал сучки в кучу. Митька с Николаем, голые по пояс, брали их с одной стороны в охапку и стаскивали к телеге.

К вечеру, уже по-темному, со вторым возом Гудовы, утомленные, вернулись домой.

* Беляны - временное сооружение из бревен для сплава леса.

Рано утром, едва Колька успел встать, ополоснуть лицо из бочки, стоявшей возле капустных грядок, к нему забежал друг, Алексей Дубовов. Был он сухощавый, рослый, постоянно ворочил и без того взлохмаченные волосы.

- Ну ты куда запропастился? Мы уж тебя с Васькой вчера целый день ждали. Огольцы сейчас идут гужом, Беляев Панька целыми корзинами носит.

- Да мы с отцом за дровами ездили, по темну уже приехали. Что братъ-то с собой?

- Садок возьми, или мешок какой лучше, я вон ведро взял.

Колька забежал в избу, быстро надел портки, вышил кружку кислого молока. Мать еще стряпала у шестка, ворочала ухватом чугуны в печке. В сумерках на ее лице отражались языки пламени, иногда она прикрывала лицо рукой, гляделась внутрь печки.

Пахло постным маслом, луком, дымом. Из кухни вела дверь в переднюю, там еще не прибраны три деревянные кровати с лоскучными одеялами, видны бревенчатые стены.

- Сядь, поешь по-людски...

- Меня Лешка ждет, за огольцами мы...

- Ничто ему, подождет.

В избу вошел отец.

- Собери-ка и я, мать, чего жевну, до Яшки надо дойти, насчет сенокоса покалывать, а то уж Троица на носу.

- Ну ты чисто дите. Я чего тебе соберу, когда еще печь не истопила, подожди маленько, сейчас щи будут готовы.

Василий присел на табуретку у печки, свернул самокрутку, взял у жены ухват, достал из печки уголь, голой рукой ухватил его, прикурил. Колька все время удивлялся, как он только руки не обжигает, спрашивал не раз его об этом, отец только усмехался. "Руки, - говорит, - у меня такие нечувствительные...". Руки, и правда, у отца были грубые и твердые, как дубовый сук, но ласковые. Колька как-то заболел в детстве крепко, горло перехватило, метался в беспамятстве на кровати и сквозь пелену забытья чувствовал, как гладил его отец по голове шершавой рукой. То, что это был отец, Колька не сомневался, у матери руки другие, тоже ласковые и шершавые, но теплые и постоянно пахнут луком.

Колька с Алексеем попутно забежали за Васькой Бешановым. Жил тот на Садке, сразу за мостом. Дом, крытый тесом, стоял на бугре. Доски от времени почернели, кое-где погнили. Васька ждал их уже, выбежал из дома, едва свистнули.

По подвальской дороге направились в сторону Суходола. Вдали виднелась Волга, ее водная гладь играла на ярком солнце. Над рекой

дымка, через нее едва виден левый берег, село Ягодное на высоком обрывистом берегу, чуть левее Хрящевка. Дорога укатана, выбита, только вдоль дороги зеленеет трава. Все мальчишки босиком, Колька с Васькой голые по пояс, на Лешке полинявшая рубаха-косоворотка. Ноги задеревенели, покрылись мозолями, не болят ужे, даже если наступишь на острый камень.

Шли ходко. Вдали показались Подвальские горы, тянущиеся далеко на север. Вдоль них расположены села - Подвалье, дальше Сенькино, Платоновка и Бектишка. Но это уж очень далеко, верст за тридцать, там ребятишки еще и не бывали, знали только со слов взрослых. Вот и Суходол виднеется, справа остался Красный поселок на бугре. Быстро спустились с крутой каменистой горы. Впереди шагал Лешка.

- Глянь-ка, опоздали, уже Беляев с оравой тут, говорил, раньше надо...

- Тихо, пацаны, - Колька присел за бугор в ложбинку, - давай назад, чтоб нас не видели, мы чуть вверх уйдем, там за поворотом и побродим, огольцы-то далеко уходят, а они пускай тут лазят.

Быстро, крадучись, вновь поднялись на бугор, обогнули его и спустились к ручью, на ходу достали сетку. Ручей бежал широкий, бурлил по камешкам, холодил ноги.

Забрели раза три сеткой, попалось десятка два огольцов с палец.

- Сеть бы помельче, проскальзывают огольцы-ти, - шмыгая носом, прошептал Бешанов.

- Ты чего шепчешь? Не бойся, не услышат. Надо было помельче взять, Лешка. - Колька вышел на берег, вынул из сетки траву.

- Где ее взять мельче-то и за эту от бати достанется, я ее от старого бредня отхватил, он не видал, поди, еще. Эх, была, не была... Да-вайт-ка вот чего...

Лешка на ходу снимал рубаху, завязывал рукава.

- У вас булавки нет?

Булавку не нашли, связали воротник у рубашки проволокой, стали забредать ею.

- Это другое дело, - обрадовался Лешка, довольный своей сообразительностью.

За три захода загребли полведра огольцов, и тут откуда-то сверху раздался крик.

- Тута они, Панька, Гудов Колька с шантрапой рыбалит.

Это кричал карагуз Степка Беляев. Вскоре подошла ватага пацанов во главе с Павлом Беляевым. Среди них и веснушчатый Ванька Поляков, сын управляющего купца Бузина.

- Вам кто велел тута рыбальть? - Панька угрожающе выступил вперед, держа в руке палку, - мы тут раньше заняли...

- Ты его купил что ли, ручей-то, или батя твой толстопузый тута крестидся? - Колька вышел из ручья, исподлобья смотрел на противника.

- Мы еще вчера здесь рыбалили, а за толстопузого по сусалам схлопочешь.

- От тебя, что ли?

- Да хоть и от меня.

- Смотри, как бы сам не схлопотал...

- Чур, палками не драться, - закричал Васька, с опаской глядя на Беляева, отступая за спину Кольки.

Был Колька среднего роста, большеголов, цепкий какой-то и упрямый. Сколько уж раз они дрались с Беляевым, попервости и доставалось ему крепко, но он никому не жаловался, дрался отчаянно.

Беляев, ухмыляясь, шел на Кольку, вертел угрожающе палкой. Колька поднял с земли камень. Беляев остановился. Все притихли.

- Брось палку, Павло, ты его и так побьешь, - посоветовал Поляков. Тот бросил. - А ты камень брось. Так, деретесь до первой крови.

Пацаны сошлись, раза по два звезданули друг другу по уху и голове, потом обнялись, кряхтели. Беляев - повыше ростом и слегка полноват, да и посильнее, пожалуй, норовил ухватить поперек и опрокинуть через ногу. Колька выворачивался. Вокруг шумели:

- По шее его, по шее...

- Панька, за штаны ухвати...

- Ты ему подножку поставь и крути.

- Руки не вывертывать, такого уговору не было.

Лешка приседал и кряхтел, стонал даже, будто сам дрался. Один Степка Беляев, виновник потасовки, плакал, присев в сторонке, ему жалко было брата. Любой ненавистью он ненавидел Кольку, боялся его и вообще боялся всех тех крестьянских пацанов, которые дразнили его толстопузиком.

... День над Суходолом наступил жаркий. Небо синее-синее, с утра и до обеда чистое как лазурь. Только к обеду откуда-то из-за Волги покажется одинокое облачко, за ним другое. Редкий день пройдет теплый дождь, после которого и без того яркая сочная зелень заблестит на солнце, заиграет. Известно: "Божья капля до Троицы, что золотая гора".

5

Доктор волостной больницы Нустрев Алексей Герасимович собирался утром на работу. Он заведовал больницей вот уже лет пятнадцать. Прижился здесь, обосновался, можно сказать. К нему привыкли.

Человек он был трезвый, спокойный, добрый к людям. Сам родом из-под Пензы, сын дьячка. Приехал в Новодевичье после окончания Казанского университета. Пока учился, отец подыскал ему невесту, дочь отставного майора. Нустрев и видел-то ее всего раз до свадьбы, и не приглянулась она ему попервости. Отец, видя разочарование сына, успокоил его: "Красота-то только до венца, а потом уж ум да сердце нужны, а и потом, Леша, красивая жена всем на зависть, а себе на разорение. Так-то...". Жена Нустрева, Мария Николаевна, была года на три помоложе его, простоволоса, среднего росточка, круглица и только глаза черные, как угли, украшали ее, да душой была чиста. Первое время она дичилась Нустрева, потом пообвыкла, да и Алексей Герасимович приглядился к ней, понял, что за внешней неброскостью стоит добрая душа и по-женски проницательный ум. Иногда он замечал за собой, что любуется женой, наблюдая, как она ловко вышивает, склонившись над пяльцами, или с каким достоинством, ничуть не заискивая, ведет себя в обществе. Жили они скромно, из прислуги держали одну домработницу Домну, которая переничила поочередно их детей, да так и осталась с ними жить, идти-то ей было некуда.

Старший сын их, Владимир, служил по финансовой части в Саратове. Пять лет тому назад, во время эпидемии дифтерии, умерла пятнадцатилетняя дочка Ксения. Пока Нустрев ездил по волости, помогая таким же дифтерийным больным, Ксения тоже заболела и за сутки свернулась. Жена Мария с полгода ходила как помешанная, потом помаленьку отошла. Сам Нустрев поседел, почернел как-то, но и на день не оставил своих больных. И вообще он принял за правило - воспитывать подчиненных на своем примере. Вот и сейчас, завтракая, достал часы и заторопился.

- Машенька, солнышко, мы уж с тобой чайку-то вечерком попьем, спешу я.

- Успеешь, Леша, вот откушай еще сливок да и поспешай.

- А ты, голубушка, больно-то не утомляйся, а сядь да напиши письмецо Владимиру, ему на стороне нелегко, должно, вот он и обрадуется весточек, а я вечером от себя чего подпишу.

- Напишу, напишу, Леша, да он нам и на те два еще не ответил, запамятовал, видать.

- Ну, дело его молодое и забыть не мудрено, а нам с тобой ему напомнить надо, может, в гости соберется, чай, уж пора бы.

Вскоре Нустрев вышел из дома, направился в сторону Заврага. Проходя мимо кузницы, привычно услышал звуки ударов молота, пахнуло резко окалиной. На секунду из кузницы вышел кузнец Алеша Трегубов, здоровенный, плечистый детина. Потная шея, крутая как у быка, блестела на солнце. Взял, играючи, в руки стальной прут и снова скрылся в темноте кузни, даже не заметил Нустрева. "Вот ведь, уродит же земля русская", - с восхищением подумал Нустрев, проходя через деревянный мост.

Волостная больница на тридцать коеч расположалась в Завраге близ моста. Кирпичное одноэтажное здание с деревянным пристроем. Рядом хозяйственные постройки: конюшня, сараи, кладовая. Ровно в восемь Нустров приступил к приему больных. Ему помогал пожилой фельдшер Крупнов Илья Степанович - старейшина этой больницы.

Приняли человек пятнадцать из простолюдин, в конце уже явился на прием владелец хлебной лавки Напалков, все лицо в бородавках, сам коренастый, будто квадратный.

- Доброго здоровьяца, Алексей Герасимович. К вашей милости, уж не откажите, - заискивающе запричитал он, снимая шляпу и кланяясь.

- Рад служить, Петр Поликарпович, в чем нужда? Что вас беспокоит?

- Да вот чирьяки одолели, то тут, то там вскакивают. Я уж и дегтем мазал и керосином, тут пройдет, там вскочит.

- А давно ли?

- Да, почитай, с весны, как промок в половодье, понес меня нечистый в Тереньгу, так с тех пор и маюсь.

Нустров осмотрел больного, на спине и ногах красовались с десяток гнойников с красными ободками вокруг.

- Так, дело понятное, одевайтесь. Вот я вам выпишу йодную настойку, будете ею прижигать, а эту микстуру пить по столовой ложке до еды три раза в день, да еще пивных дрожжей попить...

- На солнышке по уграм надо греться, - порекомендовал Крупнов.

- Вот спасиочки, век не забуду вашей милости.

Напалков ушел. Крупнов выглянул за дверь, вернулся.

- Больше никого, Алексей Герасимович, и перекурить пора.

Закурили, пуская клубы дыма в раскрытое окно.

- Вот ведь, как лиса Напалков-то, все "спасиочки", да "извините", а дочерей, говорят, поедом ест, - возмутился Крупнов, - к старшей-то, к Антонине, сватался, слыхать, из Усолья сын урядника, так отказал старый черт: она, говорит, еще отцовский хлеб не отработала.

- На то воля отца, как скажет, так и будет.

- Это уж так, какая б, может, и убежала, дак без приданого кто возьмет. Дочерей не будет, надо работников нанимать, а им плати. То-то и оно...

У Напалкова было три дочери, старшей Антонине уже за двадцать, двум другим, Наталье и Полине, лет по шестнадцать-семнадцать. Содержал он крупную булочную с пекарней на Красной улице недалеко от церкви. Кроме дочерей, черновую работу выполнял у него только батрак Пронька, молодой и крепкий, придурковатый детина. Сам Напалков пек хлеб, сам и продавал, зато уж и дух от пекарни разносился на версту.

После обеда доктор Нустров сделал обход в стационаре, назначил

больным лечение и с сознанием выполненного долга пошел домой.

Яков Матвеевич Гудов, младший брат Василия, жил в Завраге. Маленькая его хибарка стояла прямо на берегу Волги, небольшой садик спускался оттого к берегу. Во время половодья пароходы чуть ли не задевали за угол сарая. Тихим летним вечером или в полночь явственно слышен был даже разговор на палубе парохода.

В отличие от Василия, Яков был высок ростом, грузный даже. В свои сорок с лишним лет не хварывал по-серьезному, по праздникам свободно выпивал литр водки, никогда не пьянел, но куражился над домочадцами, поругивал их крепко и пугал побоями, хотя здоровенные кулаки в дело пускал крайне редко. Жена его Антонина из соседнего села Камышенка, такая же дородная, смотрела на его пьяные чудачества спокойно, приговаривала:

- Поозоруй, поозоруй, Яша, вот мы тебя сейчас со Степкой да Андрюшкой свяжем, да всыпем в задние ворота - это тебе не прежние времена. Сама посмеивалась.

"Для того и щука в пруду, чтоб карась не дремал, - объяснял Яков причину своего куража, - вас не ругай, толку не видать".

Сыновья, шестнадцатилетний Андрей и подросток Степан, рослые и кудрявые, только плечами поводили, не боялись они отцовских угроз, но, однако, слушались - так уж заведено было. Была еще у Якова дочь Анисья, погодки с Андреем. В отличие от братьев - крутого нрава, молчаливая, сама вся сухая, как палка. Яков все время удивлялся, глядя на детей: "Вот ведь, все от одного отца-матери, а будто и не одной крови. И в кого дочка уродилась и видом и характером, ни в мать, ни в отца, как говорится, а в проезжего молодца". Иной раз Яков ловил себя на мысли, что побаивается Аниью: как глянет она своими черными глазищами, так не по себе становится. Уж когда больно обидится на нее, да в подпитии, кричал, как камни бросал:

- Ты на меня искры-то не мечи, мои хлеб-соли ешь. У других девки как девки и дело делают и песни поют, а эта отцу родному слова ласкового не скажет, орясина...

Анисья молча уходила, чаще к старушкам-староверкам, что жили на краю села. Яков провожал ее глазами, потом долго, уже по-трезвому ругал себя за несдержанность, заискивал перед дочерью, та еще больше озлоблялась. Принесла от староверов лествицу*, по утрам, перебирая ее пальцами, отвещивала долго поклоны перед образами.

На другой день, как привезли последние дрова, Василий утром пошел к Якову договориться о сенокосе. Известно, в июнь-разноцвет

* Лествица - бусы для молитвы

дня свободного нет. Отдыхать некогда, не успеешь оглянуться, а и жатва подоспевет, надо успеть сенца накосить.

Через мосток мимо больницы, мимо большого дома местного бояча Зимина, мимо огромного сада Вырыпаевых, что тянется на полверсты вдоль Волги, Василий направился в Завраг. Отец с сыном Вырыпаевы жили тут в двух домах с семьями. Трудились в саду день и ночь, по летам особенно, успевая только отправлять яблоки, вишню и прочие фрукты с местными торговцами то вверх, то вниз по Волге. Редко ездили продавать сами - не до того. Иные годы сдавали часть сада в аренду приезжим татарам, получая за это немалые деньги. Так делали многие на селе. Иные сдавали сады и под дачи горожанам.

Якова нашел Василий во дворе, тот тесал под навесом новое оковицо. Нет-нет да протянет его на вытянутых руках, прищурив левый глаз, присмотрится - верно ли получилось. Тут же, в углу, стояли прислоненные к конюшне отремонтированные деревянные грабли, вилы-трезубцы.

- Здорово, Яков, ты чего не откликаешься? Вошел в избу - пусто, а смотрю - открыто...

- Здорово, Василий... А мне не слыхать, я вот тут примостился в тенечке. Мои-то с утра в поле подались; картошку подокучить, я один хозяйствую.

Присели на бревно, закурили. Яков принес из сеней жбан с квасом.

- На-ка, хлебни с устатку, запыхался, поди...

- С чего запыхался, чай, за мной не гнались. Я чего зашел-то... Люди за Волгу подаются, косить начинают, вот сегодня, слыхать, от Бузина уж уплыли, не припоздниться бы...

- Ну, нам за Бузинным не угнаться, не того замесу.

- Так-то оно так, а косить надо.

- Да у меня уж, почитай, все готово, третедня ребятишки лодку просмолили, давай и мы тронемся. Куда подадимся?

- Мужики говорят, на острове трава больно богатая. Поехали, посмотрим.

Сговорились отплывать наутро, чуть свет, женщин пока не брать, подобрать место, скосить часть, а там видно будет.

7

Антонина Гудова, жена Якова, высокая и миловидная, по-уличному Краля, утром рано выехала с детьми прополоть и подокучить картошку. Справная кобылка Цыганка шустро семенила по пыльной дороге. Солнце еще только-только собиралось подниматься из-за левобережья Волги. Зарозвел край горизонта, потом стал серебриться слегка, словно кто-то там, за бугром, играя, бросал кверху угольки. Природа притихла в ожидании, даже птицы молчали до поры. Вот

показался край солнца, без лучей уже, потом медленно, величаво стало подниматься все солнце. По Волге с левого берега на правый перекинулась розовая дорожка, слегка играя на волнах.

Андрей сидел на телеге сзади, свесив ноги, постукивал по пыльному лаптию вишневым прутом, посматривал в сторону Волги, дремал в полглаза. Антонина с Анисьей сидели сбоку, лузгали семечки. Обе в холщовых кофтах с юбками, Анисья еще и в телогрейке - по утрам было зябко. Правил лошадью, сидя на доске, прибитой к боковинам телеги, младший Степан, поглядывал по сторонам, посвистывая себе. Спустились ходко в Бутырский овраг к ручью, телегу затрясло на камнях, мать обернулась к Степану, велела:

- Ты больно-то не гони, не на пожар.

Степан натянул вожжи.

- Она сама бежит...

- А ты на что, придержи, говорю, маленько, да это... пусть попьет в ручье, до вечера ей терпеть придется, там воды нет.

Прямо среди ручья встали. Цыганка долго пила прозрачную воду, клацая зубами и подрагивая время от времени крутыми боками. Была она жеребая. По этой причине последнее время больно-то ее не нагружали, берегли. Наконец, кобыла напилась вволю, тряхнула головой, сама тронулась. Поднялись в гору по мазинской дороге. Картофельный загон у Гудовых в четверть десятины был у Мазановой поляны, среди леса. Ползагона чернозем, другая половина сплошь каменья - мелкие и большие. В несколько волов по весне свезли их в ближайший овраг, навозу подвозили, а они будто росли - чуть ковырнешь поглубже, тут и камни.

- Ну, приехали, - Степан спрыгнул с передка, стал разгружать барабах. Картофельное поле ровными рядами раскинулось широко, на сколько глаз видел. Ботва крепкая, кое-где начинал набираться цвет. Харчи и одежду сложили под деревом. Андрей распряг лошадь, привязал ее к одиноко стоящему в стороне дубу.

- Пусть пока отдохнет да подкормится. Давай-ка, Степка, соху достанем, чтоб потом не корячиться.

С трудом сняли с телеги соху, бросили возле. Первой шагнула к картофельному загону Антонина: "Ну, господи благослови", - перекрестилась, глядя на восток. Женщины подвязали платки по-бабы, концами сзади. Взяли все по мотыге и начали пропальывать траву в картофельном кусту, где не возьмешь сохой. Больше попадались березка и жирнуха, как на дрожжах росли. Солнце высоко уже поднялось, нещадно палило спины. Нудно вилась и шумела мошкова, лезла в глаза, нос, рот, иногда жалили больно слепни. К обеду прошли больше половины загона. Антонина разогнула занемевшую спину, посмотрела на ребят, рубашки у всех промокли.

- Иди-ка, Степка, принеси кваску, а то в горле пересохло.

- Я сбегаю, мама, - предложила Анисья, бросила мотыгу на ряду, побежала, только грязные пятки засверкали.

- Ты бы запрягал, Андрюха, и начинал окучивать, мы и без тебя тут добьем,

Андрей остановился, окинул взглядом поле, прикинул, посмотрел на солнце.

- Давайте-ка перекусим сначала, а то что-то живот подвело, уж потом и начнем. Пока запрягу, пока то да се, и снова прерываться. Мне работы-то тут на два часа.

- Ишь, какой прыткий...

- Дай я буду окучивать, - предложил Степан.

- У тебя еще под носом мокро, поли знай, - Андрей подмигнул ему, усмехнулся. Степан обиделся, отвернулся.

- Ну, поругайтесь мне, братовья называются. Ладно, пойдемте перекусим малость, крикните Оньке-то, чтоб не шла сюда.

После обеда работать стало еще тяжелее. Солнце палило нещадно, ботва от жары поникла, босые ноги жгло от земли. Вокруг стеной стоял лес, ни ветерка. Небо чистое, как голубое блюдце, ни облачка на горизонте.

Домой возвращались, когда гнали уже табуны с Бутырской горы. На дороге тут и там овечий помет и коровы лепехи. Пыль столбом, пронзительные крики затерявшихся ягнят, утробное мычание коров. Сзади коровьего стада плется пастух - местный юродивый Коля Поплевин, время от времени хлопая кнутом. Хозяйки выходят из дворов с кусками хлеба, наперебой кричат: "Мань, Мань, Мань". "Жукалка, Жукалка, Жукалка". "Ночка, Ночка...", - кто во что горазд.

8

Вечером, чуть стало темнеть, Дмитрий Гудов сполоснулся у бочки по пояс, надел свежевыстиранную косоворотку, пригладил гребешком вихры, спрятал, озираясь, в карман кисет с махоркой, собрался на улицу. Отец только что пришел с Волги, гдечинил дощаник и смолил лодку, счищал с сапогов под навесом прилипший гудрон, окликнул сына:

- Ты куда намылился?

- Да прогуляюсь пойду, - Дмитрий нетерпеливо мял в руках фуражку, выжидал, что скажет отец.

- Гуляй, да не загуливайся, утrosь на остров подадимся, косить пора начинать. По темну побужу...

- Ладно, чай, не впервой.

- Ладъ, да не дуди, мне работники нужны, а не сонные мухи.

- Ты чего, тятя, я что, недоумок что ли, понимаю, поди.

- Ну а коль понимаешь, то и говорить не о чем.

За Дмитрием захлопнулась калитка. Василий посмотрел сыну вслед: "Эхма, и когда дети выросли, вот только без штанов бегали, а сейчас уж по вечеркам. Танька, поди, уж ухлысталася, тоже уж, поди, снохалася с кем. Надо будет у матери спрашивать, загодя узнать, а то и до беды недалеко, как ни крути, а уж ей девятнадцатый год попер".

За ужином, хлебая постные щи, крепко сдобренные красным перцем, спросил у жены:

- А Миколька где?

- Да к Бешановым я его послала, может, завтра за ягодами с Наськой сходим. Ты говорил, нас-то не возьмешь пока на косьбу.

- Надо обсмотреться сперва, уж согребать ежели дня через три четыре, а так пока дома побудьте. Я тебе чего сказать хочу... Ты за Танькой приглядывай, а то, смотри, принесет в подоле. Может, слыхала, якшается с кем уж? Ай нет?..

- Да ты что, отец, чай, она ща дите...

- Дите, дите, а уж титъки за пазуху не помещаются. Ты смотри, мать, нам загодя надо знать, с кем они хороводятся, а то вон как у Мазановых-шабров сыскала пропойцу, обрюхатилась. Вот и мотай теперь сопли-то на кулак. Жизнь-то такая до-о-лгой покажется.

- Уж и не знаю. Говорили бабы, как-то у мазинских Калевых ее видали.

- Это у каких?

- Ну у панов, каких...

- А... Ну дак там дочь ей ровесница.

- Дочь-то дочь, да, бают, племянник Афони-то Калева из Мазы по неделям живет.

- Ты узнай, узнай, мать, стороной...

Дмитрий по пути зашел за другом-соседом Владимиром Ушаковым и вместе направились в сторону Хохловки. Владимир - низкорослый, полный, мешковатый слегка. Перешли через мостик. На бугре ватага ребятишек играла в "гуси и волки". Невольно остановились, закурили, присмотрелись. Из всех узнали только Степку Беляева, который изображал волка. Да среди "гусей" - Полю Ушакову, двоюродную сестру Владимира, худенькую, светловолосую девочку. "Матка" переговаривается с "гусями":

- Гуси, мои гуси, а где, гуси, были?

- А мы были в поле, на синем на море.

- Кого, гуси, видели?

- А серого волка, унес волк гусенка

За ручку, за ножку, за белый рукавчик.

"Волк" бежит из хоровода, пытается вытянуть одного "гуся" из ряда, "матка" мешает ему, кричит:

- Гуси, мои гуси,
Щиплите волка
Да гоните:
По лхам, по болотам,
По крутым поволокам!

"Гуси" набросились на Степку Беляева, стали его щипать, тот отбивался, отбивался, потом бросился бежать.

Парни посмотрели, посмотрели, усмехнулись и подались себе.

- Вот мелкота, все наши игры переняли, - Дмитрий шагал чуть впереди.

- Все, да не все... Это что за игра, они бы еще в "воробыи" да "мельницу" поиграли или в "соловьи и разбойники". Помнишь, Димка, как ты к Трегубовым-то на сеновал спрятался, Алеша чуть тебя на вилы не поддел.

- Я тогда в сено зарылся, слышу, вышел кто-то из избы, по дыханию слыхать - мужик. Ну, думаю, Алеша по нужде, а он как ширнет вилами в сено - корму решил на ночь задать, чуток мне не в брюхо.

Солнце уже село, наступили сумерки. Кое-где в окнах виднелись огоньки, лаяли собаки. Где-то в стороне Загудаловки заиграла гармошка, слышно, подались вниз к пристаням, запели ладно: "Ой, мороз, мороз..."

- Колесниковы, наверное, к пристаням пошли, - Ушаков прислушался, - может, туда махнем?

- И туда успеем, мне на вечерку сегодня нужно, - взразил Дмитрий.

Ушаков понимающе усмехнулся, зашагал следом за другом.

9

На краю Хохловки, в небольшой шатровой избе с соломенной крышей, жила вдова средних лет Нина, по прозвищу Курилка. Жила с пятнадцатилетней дочерью Марусей и престарелой матерью. Муж ее погиб на японской, не прислав ни одной весточки. Похоронку-то получила почти через два года после его гибели. В ней было написано: "Уважаемая Нина Терентьевна Львова, ваш муж, фельдфебель Н-ского полка Поликарп Кузьмич Львов, погиб смертью храбрых 2.04.1904 г. под Ляояном". Где этот Ляоян, неизвестно. Сгинул человек, как и не было.

Нина переживала крепко. За неделю-две из молодой и миловидной женщины превратилась в старуху. Хотела наложить на себя руки, но уж больно стало жалко оставлять дочку одну-единешеньку на белом свете. Потом, у всех самоубийц лица становятся безобразными, не как у простых покойников, будто господь бог специально их метит.

Как представила себя Нина в таком неприглядном виде да еще и с высунутым языком, так и мерзко стало, а уж когда вообразила, как по ней будут черви ползать, так и совсем устрашилась. Потом, это грех великий - руки на себя накладывать. Первое время Нина вроде как умом тронулась, но отошла помаленьку, курить только пристрастилась. Пробовала выпивать - не понравилось, да и на пьяных смотреть противно, на баб особенно, насмотрелась она на них в Сызрани на вокзале, когда провожала мужа на войну.

Иная упадет где под забором, юбка задерется - срамота. Много таких в ту войну появилось, да калек много, кто без руки, кто без ноги, иные и без обеих.

Иной раз долго не может заснуть на жесткой вдовьей кровати, думает: "У других калеки, а домой вернулись, все хозяйствский глаз да совет, а тут... Вот привезли бы сейчас Попинична без рук, без ног и, истинный бог, стала бы ухаживать, слова о глупого не сказала, не попрекнула бы ничем. А чего бога гневить - жили справно, мужик он трезвый, редко выпивал, в компании если когда. Вот только ревнивый был больно уж, царство ему небесное". Через это и страдала Нина, почитай, через неделю с синяками ходила. То на того не так взглянула, то этому улыбнулась. Ну дак ведь люди говорят, значит, крепко любил. Может, и так. Чудной он тоже был. Уж потом жалеет, жалеет, все в глаза засматривает, "лапушкой" называет. Руки-то вроде и грубые от крестьянской работы, а нет, теплые да ласковые, когда приголубит. Да... Дом без хозяина осиротел, разваливался помаленьку, подлатать его не было сил. Жила Нина тем, что ходила в найм к местным богачам то жать, то избу убрать, то овец стричь. Последнее время и дочь Марусю брала с собой. Да еще... Еще пускала на вечерки молодежь, по зимам особенно. За это ей приносили кто картошки, кто бутылку масла постного, кто крупы горсть, а то и просто луковицу. И не столько пускала из-за этих принощений, сколько любо было смотреть, как молодые хороводятся, юность свою вспоминать. Парни и девки и не стеснялись уж ее. По летам молодежь веселилась целыми ночами больше на улице, но начинали с ее избы.

Вот к Нине Курилке и направились Дмитрий с Владимиром. Поднялись на крылечко. На ощупь прошли через сенцы, вошли. В нос шибанул спертый запах людского пота, постного масла, табака. Горели две керосиновые лампы. Полна изба парней и девчат. Большинство сидели на лавках вдоль стен. Тут уже был Андрей Гудов, выделялся ростом и кругизной плеч Назар Трегубов - сын местного кузнеца, Зимин Павло щеголял в новых ботинках и атласной рубахе, сестра Татьяна лузгала семечки с подругами. Дмитрий, к радости своей, заметил среди девчат и Катю Галкину - среднего росточка, ладная, коса русая до пояса, нос слегка с горбинкой.

Играли в "барина". Один садился спиной к остальным, на табуретку. Ведущий вызывал в середку избы парня или девку, спрашивал:

- Барин, а барин, что прикажешь ему сделать?

Тот, подумав малость, отвечал, по возможности смешище: то сплясать, то себя дураком назвать, то удариться лбом об пол, то петухом прокукарекать. Все смеялись. Время от времени ведущего и "барина" меняли.

Затем начались танцы, сначала под гребешок - самая бойкая из девок, Ушакова Клава, сестра Владимира, такая же маленькая и толстая, приложила к гребешку кусок слюдяной бумаги и давай выводить "Кадриль" на все лады. Все повскакивали с мест, танцевали большинство парами. Иные озорники-парни танцевали друг с другом, один изображал "даму", другой "кавалера". На них посматривали, смеялись.

Появилась балалайка, заиграли плясовую, потом модный "Тустеп". В избе стало жарко, открыли окна. Иногда парочки выходили на улицу. Ушел и Андрей Гудов с Марусей Львой, хозяйской дочкой. Та хоть и мала была росточком, но миловидная, румянец на щеках, только на носу чуть веснушки виднелись.

После танцев начали петь частушки. В круг вышла Клава Ушакова и затараторила, притопывая каблучками:

Как подвальские ребята
Как лягушки квакают,
Целоваться не умеют -
Только обмусляют.

Ты, гребенка-чисты зубы,
Не дери головушку,
Не ходи, мил, на работу
На чужсу сторонушку.

Подхватила на ходу с лавки Катю Галкину, та заголосила звонко, похаживая мелко вокруг подружки, поводя плечами:

Милый в городе живет,
Я в деревне маюсь,
Письмо долго не шлет,
А я сомневаюсь.

Не усидела Татьяна, тоже вышла в круг, запела, обращаясь к другим:

Что вас, девки, только две,
А третья-то у вас где?

Ей ответили:

У нас третья-то пропала,
Во Саратов жить попала.

Последнюю частушку запели уже все:

Много ласточек летает
В поднебесной высоте,
Много девушек страдает
На чужой на стороне.

Совсем уж собирались расходиться, как тут в избу вбежала Трегубова Верка, закричала заполошно: "Ванька Вырыпаев с Зиминым Андрюшкой Гудова бывают..."

Все выбежали на улицу. Где-то за ветряными мельницами, за окольцей раздавались крики. Бросились туда. При лунном свете под ветлами дрались, иногда похабно ругались. В стороне стояла Маруся Львова, плакала, громко кричала:

- Бросьте, не бейте, кобели поганые...

При виде бегущей толпы двое бросились наутек, скрылись в темноте.

С земли с трудом поднялся Андрей, из носа его текла кровь. Его окружили.

- Кто тебя, Андрюха? - Дмитрий участливо склонился над ним.

- Кто, кто, дед Пыхто. Ну ладно, мы еще с вами встретимся, - Андрей погрозил кому-то в темноту, отряхнул брюки, поправил на груди разодранную рубаху, что-то искал.

- Ты чего ищешь-то? - к нему подошла Маруся.

- Да фуражка упала куда-то...

- Да вот она, у меня, ты же сам мне ее дал...

Андрей усмехнулся разбитыми губами, кровь из носа вроде больше не текла.

- Представление окончено, гражданин-господин, можно расходиться...

Снова обернулся к Марусе:

- Ладно, пойду я...

Вскоре все разошлись, кто по домам, а кто еще бродить по селу, искать любовь и прочие приключения, которых на этой земле несть числа для тех, кто их ищет.

10

Артель самарских крючников в обеденный перекур присела отдохнуть на бережку у причала. Загружали баржу купца первой гильдии Башкирова бочками с селедкой, работы оставалось еще на полдня. Бугор, Ерема Струмин, угрюмый, звероподобный детина с взлохмаченной, давно нечесанной бородой потираливал, дело не ждало. Чуть в стороне, ближе к Самарке, ватага бурлаков тянула через затон груженную солью баржу. Слышно было, как кричал время от времени коренной: "Табак... Под табак... Разом взя-а-ли...".

Платили крючникам хорошие деньги, особенно при погрузке хлеба, тут уж купцы потираливали да деньгой заманивали. Понятное дело, чем раньше загрузишься, тем больше шансов попасть на ярмарку в числе первых и, соответственно, выгодно продать товар. Работали крючники на совесть, себя не жалели. В артель сбивались прямо на

пристанях, но иной раз такие артели складывались и на несколько лет. Только в одной Самаре десятки миллионов пудов перетаскивались на плечах крючников. От Рыбинска до Астрахани на причалах горбатились десятки тысяч крючников. В Самаре на двух причалах ежедневно работало от 600 до 800 человек. Случались среди крючников и волнения. Так, в памятном апреле 1905 года ранним утром началась погрузка муки на баржах компании Дрейфуса, того же Башкирова, Батюшкова и других. Нанимались артелями по 100-120 человек на баржу, всего, таким образом, попало человек семьсот. Прочие оказались не у дел, двинулись к зданию биржи, просили отменить артели и нанимать поденно. Переговоры на бирже ни к чему не привели, толпа и недовольство возрастили и только вмешательство губернатора несколько успокоило крючников.

Труд крючников очень тяжелый, рубаха не высыхает от пота за весь день. Если бурлачество наблюдалось почти только на Руси, то крючники известны во всем мире. Однако, на Руси эта тяжкая работа часто переходила в игру - нечто вроде циркового представления и привлекала множество зрителей. Работали с прибаутками и песнями, как бы играючи. Условно существовало несколько категорий крючников в зависимости от физической силы. Самых мощных называли "ломовыми". По всей Волге их знали наперечет. Для них громоздкие грузы в 30-40 пудов - посильная, обычная ноша.

"Ломовые" таскали огромные пятидесятиведерные бочки, лари с мороженой рыбой и прочие грузы. Таскали и потехи ради. Нередко случались и трагедии. Так, в том же 1905 году в Самаре знаменитый "ломовой" крючник Мустафа взвалил на себя 28 пудов и 18 фунтов и сломал бедренную кость.

Поразительно, но среди крючников встречались и женщины, в одной Самаре их насчитывалось несколько десятков.

О забавах крючников ходили легенды - подкрадется эдак дюжий детина сзади к повозке, ухватится за колесо и держит. Извозчик ошалеет, побагровеет от досады, стегая коня, а то и пару, те хрюпят, а повозка ни с места. Вокруг хохот. Сообразив, наконец, извозчик обернется и хлестанет озорника кнутом. Все смеются, детина тоже, хотя и потирает рубец, поеживается - однако знает, будут вспоминать об этом случае долго, его нахваливать.

Наскоро похлебали окрошки, выпили по кружке чаю вприкуску с комовым сахаром. Ерема Струмин достал трубку, прочие свернули по цигарке, задымили, глядя на ровную волжскую гладь, на правобережье, где средь дымки виднелись нестройные ряды домов села Рождествено. Баржа слегка покачивалась на волнах, поскрипывали сходни.

- Ну, будя, мужики, пора и честь знать, - первым поднялся Ерема. Все повскакивали, засуетились, набрасывали за спины баланки*.

* Баланки - приспособления для переноски груза на спине.

Вскоре ходко, почти бегом, стали сновать вверх-вниз по качающимся сходням, легко удерживая равновесие.

Не так давно прымкнул к этой артели и георгиевский кавалер Казимиров Андрей, сорокалетний кряжистый мужик, так сказать, горожанин в первом поколении. Несмотря на немалую силу, к вечеру он уставал до дурноты, видно, еще не приспособился - в каждом ведь деле сноровка нужна.

Солнце еще высоко стояло над горизонтом, когда артель завершила погрузку, получила тут же расчет. Дружно, гурьбой подались по кабакам. Это уж так принято испокон веку.

На Волге наступали сумерки. На ребристой водной глади играли последние солнечные лучи, чуть выше и дальше извилистая тень прибрежного кустарника, за ним вдали виднелись покрытые лесом холмы. Над всем этим заходит солнце. По горизонту груды багрово-оранжевых облаков, словно снеговые горы. Чуть солнце спрячется за ними, по краю образуется золотисто-оранжевый ободок, как кайма на рубашке, вышитой золотошвейкой. Над грудами облаков еле виднеются два-три маленьких, одиночных облачка, словно игрушки на новогодней елке. За облачками яркое сияние заходящего солнца. Кажется, что вот-вот из-за этих глыб выплывет сказочный великан на могучем коне, сойдет на нашу грешную землю и даст волю своему праведному гневу. Скажет громоподобно: "Что же вы, люди, деете?". И что мы ответим? "Живем...". "Нет, не живете, а блуд творите... Кайтесь...".

11

Изрядно выпивший Андрей Казимиров брел по ночной Самаре домой. На улицах хоть глаз выколи, только на Дворянской светили газовые фонари. Изредка проезжали извозчики, предупреждая окриками редких прохожих: "Поберегись..."

Иной раз откуда-то из темноты слышались возня и призывы на помошь - это самарская шпана зарабатывала себе на жизнь, обирая зазевавшихся прохожих. Последнее время таких лихих ребят развелось много, способствовала тому и безотцовщина, выросшая значительно после японской войны. К Андрею подходит боялись: завидя его могучую фигуру, обходили стороной. Хотя были случаи, раза два и нарывались, не знаючи, редко кто уходил потом на своих ногах, больше уползали на карачках. Андрей драться не любил и не умел, не мудрствуя лукаво, он просто хватал подвернувшегося налетчика и слегка ударял об стену, после чего тот оседал, становился послушным. Иных, особенно бойких, вешал за шиворот на сук, если поблизости оказывалось подходящее дерево. Ну это так, для забавы.

Андрей вышел на Пансскую улицу. Вдали, за железнодорожной насыпью, в Запанском поселке, виднелись редкие огни в окнах,

громко лаяли собаки. Это был самый бандитский угол во всей Самаре, да еще Постниковский овраг, как два чирья на мягком месте.

Дом вдовой купчихи Куксиной, где Казимировы снимали комнату, стоял на краю Панской улицы. Сама Куксина по летам жила на даче в Царевщине и только по осени приезжала в Самару, занимала флигель дома. Кроме Казимировых, здесь квартировали еще сапожник Маслов с женой и двумя дочерьми-подростками и жестянщик Назар Круглов, вдовий шестидесятилетний мужик.

Входная дверь была закрыта изнутри на задвижку. Андрей пошарил рукой, нашел у притолоки крючок, отомкнул дверь, прошел через сени в избу. На стене коптила притушенная лампа, было душно, сырьо, пахло хозяйственным мылом - жена Андрея, худенькая и тихая Марфа, подрабатывала тем, что обстиривала приезжих господ из гостиницы.

Андрей тяжело сел на лавку возле стола-тумбочки, поставил рядом с собой кирзовую сумку с продуктами, что купил в кабаке на оставшиеся после гулянки деньги, достал бутылку самогона. Снял лапти, развязал онучи. Пошарил глазами по комнате, громко чертыхнулся, стукнул по столу кулаком. Из-за перегородки вышла Марфа, на ходу надевая юбку поверх ночнушки. Ее рано поседевшие, когда-то красивые, густые волосы были взлохмачены, глаза смотрели затравленно, с испугом.

- Ты что, так твою мать, так ждешь хозяина... Я горбачусь, зарабатываю копейку, а и поесть раз в день нечего.

- Ты бы еще к утру пришел, вон они щи-ти в чулане.

- Покалякай мне, я из тебя дурь-то выбью, - Андрей привстал, распалившись от собственного крика. Марфа замерла испуганно, прижалась к шкафу. В проеме двери показался шестнадцатилетний сын Владимир. Был он в отца высок ростом, широк в плечах, иссиня-черные волосы мелкими завитушками вились на висках и затылке.

- Ты чего, батя, шумишь-то, погулял и будя, нечего и шуметь.

- Поучи еще меня, мелкота, - Андрей притих, сел снова за стол, продолжая бурчать, - будут еще учить меня, коли надо, тогда и пришел.

Видно было, что сын отца не больно-то боится, да и жена Марфа, чувствуя защиту, иной раз что и поперек скажет. "Вот дожил, яйца курицу учат... Да..."

- Нарежь-ка сала хоть, - попросил уже миролюбивее жену. Сам налил себе граненый стакан самогонки, разом выпил, стал грызть баранку, изредка бросая в рот куски сала. Рукавом рубахи вытер губы, погладил бороду. Сын постоял, постоял, пошел досыпать.

- Ну будя, пора и на боковую. Ты как, мать, микитиши?

- Ляжись, ляжись, отдохни, кормилец ты наш...

- То-то, кормилец, ну и цыц тогда...

Андрей заметно захмелел, прошел в каморку, брякнулся прямо в одежде на тюфяк в углу. Марфа потушила лампу, крадучись, прилегла рядом, притихла.

12

Владимир Казимиров в ту ночь тоже пришел поздновато, да и не только в ту, а и раньше за ним такое наблюдалось частенько. Мать к этому уже привыкла.

Днем он подрабатывал грузчиком и подсобным рабочим на железнодорожной станции, получая за день девяносто копеек. Итого за месяц выходило чуть больше двадцати рублей. На такие деньги больно-то не расшикуешься. Сколько раз уж он хотел бросить эту работу, но другого подходящего места не находилось. Впрочем, последнее время Вовка вроде бы нашел источник дохода. В соседнем Запанском поселке водились многочисленные маленькие и большие воровские шайки. Много раз его туда заманивали да и не мудрено - постоял на шухере и за какой-то час заработал больше недельного заработка, а уж если сходит на дело, то и того больше, как повезет. Правда, каждая шайка отстегивала из своего кармана немалый кусок местному авторитету по прозвищу Бобер. Нашли ребята и более простой способ наживы: подкараулят эдак у ресторана подвыпившего мужичка, а то и купчик попадется, и обчистят до нитки. Тут уж Вовкина основная работа, иной пьяный, пьяный, а начнет брыкаться, как молодой жеребец. Такому - тюк по лбу, и копыта в сторону. Били, однако, так, для порядку, на мокруху не шли.

На этиочные деньги Вовка купил себе ботинки со скрипом, атласную рубашку, фуражку. Избыток денег объяснял тем, что срочно получил заказ на разгрузку товара, ну и хозяин расщедрился. Отец на такие аргументы посмотрел с подозрением, сказал только:

- Ты б матери чего купил, мне-то уж ладно, вахлак...

Когда же Вовка купил и принес домой хромовые сапоги, сказал, как отрубил:

- Не по средствам живешь, смотри я... Ты нам байки про доброго хозяина не калятай. Вот что я тебе скажу, заверни-ка все свои наряды в рогожу да спрячь куда подале, не то вместо них тебе придется цепи носить. У нас в роду воров век не было. Плотники были, кузнецы были, а воров нет. Не бросишь свое поганое ремесло, своими руками сверну тебе шею, как гусенку, чтоб не поганил ты нашу фамилию.

Мать всплакнула, приговаривая:

- Неужто я для того тебя родила, дитятко ты мое ненаглядное. Сколько вор не ворует, а острога не минует.

И не столько угрозы отца, сколько слезы матери повлияли на Владимира, в душе его что-то перевернулось. Для себя он решил: "Все, надо завязывать, пока не поздно...". Сложил краденые вещи в

кучу, отдал Бобру, себе оставил только сапоги. Бобер дело раскусил, подослал как-то к нему на станцию ребят, те поуговаривали малость, потом набросились разом. Сильно поколотили. На том дело и кончилось.

13

Было еще темно, когда Гудовы на дощанике и с прицепленной лодкой отчалили от берега. Предрассветная темень сгустилась над рекой, только узкий серпик луны маячил где-то над лесом за селом. Было душно, томно. В борт дощаника мерно била легкая волна. Вода в Волге теплая, даже за ночь не остывала. Братья взялись за весла, по двое на весло, Василий у руля, Яков стерег и успокаивал лошадь, гладил ее по боку. Машуха заржала, тревожно перебирала копытами.

- Но, но, стой, Машуха, стой. Чай, тебе не впервой в Заволжье-то, путь-то, поди, известен. Ты не брыкайся, не брыкайся, - разговаривал Яков с лошадью как с человеком.

- Надо огородить было лошадь-то, - с кормы крикнул Василий, сам что есть силы налегал на рулевое весло, норовя направить дощаник в разрез течения, - я ща подумал вчера, сделать бы загон-то...

- Ничо, ничо, она попривыкнет сейчас, я вот ей хлебца дам, стой, стой, милая...

Парни налегали на весла, кряхтели, переговаривались:

- Правее, правее берем, батя, правее... Ты куда рулишь? - Колька запыхался, обернулся к отцу.

- Ты греби знай, не то снесет вмиг.

Нехотя стал светлеть край неба за левобережьем, сумерки рассступились. Со стороны Новодевичья закукарекали петухи. Кое-где появились огни в домах. Совсем уж стало светать, когда вышли на середину Волги тутъ ниже Красной речки. Теперь можно и чуть отдохнуть, грести в пол силы. Парни сняли мокрые рубашки. Андрей отвернулся, смотрел куда-то в сторону верховья. Яков присматривался к нему, норовил заглянуть в лицо.

- Чего разнагидались-то, оно хоть ветер и теплый, а просквозит ненастоком, Андрюшка...

- Да ладно, теплынь такая...

- Ты чего это морду-то воротишь, ну-ка обернись, обернись!..

Дмитрий усмехнулся, переглянулся с Колькой.

- Вот привязался, как банный лист к мягкому месту.., - зло пробурчал Андрей.

- Ты мне поворчи, поворчи. Я вот возьму вожжи да выбью дурь из башки, вырос, дубина стоеросовая. Опять по сусалам получил? Кто же это тебя седня так? - чуть насмехаясь, допрашивал Яков сына.

- Нашлись люди...

- Люди... Поди, и зубов не досчитался?
- Пока еще целые.
- Целые... А вы чего щеритесь, - возмутился Василий, глядя на сыновей, - не умеете драться, сидите дома, у мамки под юбкой.
- Мелкота пошла народишко, мелкота, - проговорил Яков, обращаясь теперь уже больше к Василию, - не нам с тобой чета, сосунки.
- А ты сам-то забыл, как тебе нос на сторону своротили в прошлом году, вон теперь вместо Ягодного на Подвалье смотрит, - огрызнулся Андрей, поворачиваясь к отцу. И тут все увидели его разбитые в кровь губы и большой синяк под правым глазом.
- Крепко они тебя обработали, - не утерпел Василий, - поди, и ребра пересчитали.
- Ребра на месте. Ничо, мы ща с ними покалякаем, дай время...
- Дурак человек, упрекнул - отцу нос разбили, дак кто разбил-то, сам Алеша Трегубов...

Всем было известно, как на масленицу, во время драки Алеша невзначай свернул Якову нос, признав его за чужака. Уж потом Алеша приходил к Якову с мировой четвертью.

- Нос чего, он, Алеша-то, и башку свернет вмиг, ему только попадись под горячую руку.

По селу ходили слухи, будто жил раньше Алеша в верховьях Волги, аж под Нижним Новгородом. И как-то по молодости и пьяному делу налетели на него трое подвыпивших мужиков, один и кол из плетня выломал. Ну Алеша и осерчал, от кола-то увернулся, да как даст нападавшему в лоб, у того кровь потекла из уха, и упал он у забора. Двое других убежали. Алеша донес незадачливого драчuna до дома, уложил на крыльце спать, думал: "Проспится, мол, чего там...". А тот взял да и помер. На другой день вызвали Трегубова на съезжую, повели допрос: "С кем был, да чем бил?"

- Чем, чем, - отвечает Алеша, - вот этой штукой, - и показывает огромадный кулак. А кулак и правда у него как полупудовая гиря, да еще вроде как с сучками. Не поверили ему, стали раскручивать дело. Тяжело б пришлось, должно, Алеше, а тут как раз у коновязи чья-то лошадь разбушевалась. То ли заболела, то ли подштирил кто чего - рвется, на вожжах никак ее не удержат. Ему становой пристав и говорит:

- Ну, если ты такой сильный, успокой-ка ее...
- Это можно, - ответил Алеша и пошел к коновязи, взялся за вожжи. Тянет кобылу, она упирается, а он знай свое, тянет. Подтянул, да как даст меж ушей, та и с копыт долой. Через малое время очухалась, присмирела. Так-то... Судья покрутил, покрутил головой, осудил-таки на полгода за то, что удар не рассчитал по силе, отмстили заодно. Однако, считай, легко отдался. С тех пор Алеша в драки вступал только в крайнем случае и из родной деревни уехал,

жил в Новодевичье уж около двадцати лет, забавляя сельчан своими придумками.

14

Издавна эти средневолжские плодородные, изобильные земли привлекали людей. Жили тут вятичи, булгары, подвергаясь постоянным набегам степных кочевников. Булгары ушли, притесняемые крепнущей Москвой, стали образовываться русские поселения вперемешку с чувашами, мордвой да татарами Казанского и Астраханского ханств. Образовывались чисто чuvашские селения, такие как Малячино, Байдеряково, Тайдаково. Однако из-за отдаленности защитницы-Москвы все так же подвергались набегам кочевников, теряли людей убитыми и уведенными в полон, теряли нажитое богатство. Землепашец вынужден был брать с собой в поле оружие и при первой опасности бросать соху, брать в руки копье. Не раз доведенные до крайней степени озлобления хаживали и походами на кочевников. Но поди, поймай его, кочевника-то в степи, все равно как ветра в поле. Стремление к мирному труду родило в сознании людей легендарных защитников своих, как та Усолка-лихая, могучая женщина на коне, от вида которой враги когти падали, коги бежали прочь без оглядки.

Набеги кончились только тогда, когда на берегу Волги выросли сначала крепости, а потом и крупные русские города: Самара, Симбирск и Сызрань, а потом и селения поменьше, такие как Ставрополь, Сенгилей, Шигоны, Тереньга, Усолье. В 1683 году во времена царствования Петра Великого, Ивана V и царевны Софьи образовалась на правом пологом берегу, между двух оврагов и гор за ними, Новопредченская слобода. Вскоре слободу эту и земли вокруг скупил Московский Новодевичий монастырь - отсюда и дивное название - Новодевичье. В последующие годы землями этими владел граф Орлов-Давыдов, и теперь часть земли, ближе к Мазе, принадлежит ему, прочая - купцам разным и мелким землевладельцам. Новодевичье - село крупное, насчитывает более тысячи домов и до пяти тысяч людей разного пола, две церкви, одна каменная на берегу Волги, другая деревянная у кладбища. В них несут божью службу два священника: престарелый и набожный отец Сергий и молодой, своевольный отец Иоанн. Последний и от чарки доброго вина или браги редко когда откажется, но дело свое, однако, знает, что крестить, что в путь последний проводить. Оба живут с попадьями, многочисленными чадами и домочадцами.

Еще в середине прошлого века знаменитый писатель Мельников-Печерский облюбовал эти хлебные и лесные места, не раз бывал здесь и описал в знаменитом романе "В лесах" и "На горах".

Никогда проживающие здесь скотоводы не страдали от недостатка сена. Один остров посреди Волги снабжал сеном сел десять, включая

Усолье, Тукшум, Ягодное, даже иной раз и Тереныгу. За умеренную плату можно было арендовать неплохой пай. Коси знай, не ленись. Понятное дело, луговое сено отстает от лесного, но зато в достатке и рождается каждый год, даже в засуху. Каждый хозяин накашивал не по одному стогу, огораживал от зверя забором из жердей. Увозили большей частью на санях по льду уже, мало кто перевозил на дощаниках, муторно уж больно, да и ни к чему. Для первой надобности подкосят где в лесу, кормят этим до морозов, ну а уж потом с лугов возят.

Самый большой остров прямо против Новодевичья тянется верст на десять-двенадцать да шириной верст пять. Его отделяет протока Атруба, здесь самое любое место для рыбалки да охоты. Чтоб в нее попасть, нужно почти до Подвалья подниматься, а это верст восемь, хорошо коль караван барж подвернется. На острове много больших и малых озер, баклуж: Барковское, Теплое, Лебяжье, Щучье да мало ли. Вокруг них и вдоль берега лес сплошной стеной, в основном осокори, ивы да кустарник шиповника.

Вот к этому острову и направлялись Гудовы, когда из-за лесных зарослей показалось ярко-красное солнце, осветив волжскую гладь.

15

Выбрали небольшой заливчик с отлогим песчаным бережком, тут и раньше часто приставали. От берега, в глубь острова тянулась извилистая дорога. Яков с Василием с трудом отцепили рулевое весло, опирались теперь им как шестом на мелководье об дно.

- Ты, Василий, Машуху-то переведи на корму - нос чуть поднимется, я тут один управлюсь, - попросил Яков, внимательно наблюдая за приближающимся берегом.

- Левее, левее берите, парни, вон к тому заливчику правьте.

Колька поплевал на руки, обернулся.

- Мы уж здесь ставили как-то дощаник-то, помнишь, тятя, в прошлом году, кажись.

- Это мы тот раз у Бузина батрачили, года три уж как, - откликнулся Василий, сам крепко держал Машуху под уздцы, поставив ее поперек дощаника. От такого маневра дощаник стал зыбко покачиваться на волнах, нос слегка приподнялся, обнажились смоляные бревна. Мягко ткнулись в берег. Дмитрий на ходу выпрыгнул, озирался по сторонам.

- К чему цеплять-то, тут одни коряги?

- Цепляй вон к бревну, подвой маленько песок, - приказал ему Василий, - потом еще укрепим.

- Ты, Василий, упрись пока веслом, мы скарб повытаскиваем, - Яков ухватил две корзины, выпрыгнул на берег, - а то не ровен час

перевернемся, потом уж лошадь-то сведем, в последний черед. Ну-ка, снеси окосива, слышь, Степка...

Осторожно снесли косы, завернутые в рогожу. Машуху сводили вдвоем, слегка понукали, хлопая по крупу.

- Ну, считай, прибыли, - Яков снял фуражку, вытер ладонью пот со лба, - давайте теперь дощаник крепить.

- Перекурить бы, батя, - Андрей с трудом напяливал на себя влажную рубаху, нехотя отбивался от комаров.

- Некогда курить, до места еще шагать да шагать! Ты обмой лицо-то, а то как с тяжелого похмелья...

Достали топор, у кормы и по бокам вбили в дно по березовому колу, крепко привязали веревкой. Тут же смастерили волокуши, часть скабра погрузили на них, другую взяли на руки.

- Ну, трогаем, - Василий осмотрелся, - все ли взяли-то?

- Да вроде все...

- Ну, тогда с богом.

По дорожке гуськом тронулись в путь, направляясь к Утиной пади.

По прямой рукой подать, но, петляя вокруг многочисленных бакуш и заводей, добрались до места не скоро.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, нещадно палило. На небе ни облачка. День обещал быть жарким, знойным. Оно б и как раз к сенокосу-то, ну а к жаре русский мужик привык, точно так же, как и к холоду. Словом, люба ему всякая погода, какую ни даст бог.

16

Стоянку определили под малой березой близ Утиной пади. Пока парни бултыкались в воде, смывая пот и усталость, Василий с Яковом начали строить шалаш. Наложили жердей, связали их у верха лыком. Василий наладил косу. Стал обкашивать стан, с наслаждением вдыхая еле уловимый запах только что скошенной травы, чувствуя силу в плечах, а на душе восторг от предстоящего трудового праздника. Обернулся к Якову.

- Трава-то, трава-то, не прокосишь, не ленись только. Но не только лодырь не накосит. Ты, Яшка, рогулину под котел наладь, чтоб уж потом не думать.

- Где костер-то будем ладить? - Яков достал топор, направился в чащобу вдоль пади. Василий осмотрелся.

- Да возле шалаша и мастери, обкопай а то от греха.

Со стороны пади раздавались веселые крики. Слышен был Колькин голос:

- В рубаху их, в рубаху заверни...

- Парней-то зови, - крикнул Василий вдогонку брату, - некогда сейчас прохладиться.

Пока Василий покрывал шалаш только что скошенной травой, пришли парни, Колька нес в руках сверток.

- Во, батя, раков наловили, их там под корягой уйма. Куда сложить-то?

- Да в ведро и сложи, до ужина уж.

После обеда, когда чуть спала полуденная жара, наладились косить. Спервоначалу обкосили луговину, на глазок верных две десятины.

- Для начала хватит, а там видно будет, - оценил Яков, протирая косу рукавицей. У него одного из всех коса была с граблями, чуть потяжелее других, но острага, как дамасская сабля. Выбирал он себе косу обычно на ярмарке подолгу у ятских купцов - по комплекции чтоб подходила, а главное... главное качество косы Яков определял по звону - возьмет эдак косу в руки, щелкнет пальцем и долго прислушивается. У хорошей косы звон долгий и ядреный, как у хорошего колокола.

Обкосив луговину, перекурили малость и пошли рядами, впереди Василий. Замыкающий Яков нет-нет да подзовет Кольку, идущего чуть впереди него:

- Иди-ка, Миколай, тут ягод тьма.

Колька со Степкой бросали косы, встав на четвереньки, ели ягоды, бросая их в рот полными горстями. Солнце нещадно палило спины, косоворотки от жары и пота потемнели, липли к телу.

К вечеру откуда-то из-за Волги нанесло туч, погромыхало, погромыхало, пару раз сверкнули молнии, упало десятка два крупных капель дождя и все. Дмитрий разделся по пояс, наслаждаясь небесной прохладой, задрал голову.

- Эх, сейчас ливанет, должно...

- Ливанет, не ливанет, а косить надо, не прохладиться приехали. Вы обутку одели б, не ровен час поранитесь, - посоветовал Яков.

Парни ходили босиком. Загрубевшие, в мозолях, ноги боли не чувствовали, даже если шли по стерне, змей только опасались, падались они тут иногда.

Дождь брызнул всего ничего, а косить стало вольнее, даже когда показалось из-за тучки солнышко - не так пекло. Косили, считай, без перекура до позднего вечера. Солнце давно уже спряталось за вершины липовой рощи, застремкотали кузнечики, на вершине могу-чего дуба проснулся от дневной спячки филин, а мужики все махали косами, все ниже и ниже склоняясь от усталости.

Наступили сумерки. Откуда-то с низовья раздался утробный пароходный гудок. Из зарослей ольшаника на противоположной стороне луга наладился ухать филин, а то птица какая-то начнет вроде рыдать по-женски. Одному, так и испугаться можно.

Только что перекусили перловкой кащей, круго приправленной жирной солониной - приберегали специально для покоса, а то и барабашка забывают, прихватят с собой кусок побольше, присолят слегка да подвесят на сук, где ветром обдувает. Дня три-четыре едят варево со свежатиной. Косьба - дело радостное, но тяжелое, тут без хорошего харча не сработаешь. Как говорится "каков едок, таков и работник". Попили из котелка чай, заваренный ежевикой, наслаждались терпким ароматом, ощущая во рту чуть кисловатый, пряный вкус. Обычно с ежевики свежей во рту вяжет, а в чае нет. Колька со Степкой нализгались вареных раков, завалились спать. Дмитрий с Андреем, таясь, перекурили в кустах и тоже залезли в шалаш. Старшие, сидя у костра, наблюдали за пламенем и летающими вокруг ночными бабочками, закурили. Яков поправлял длинной коряжиной костер.

- Поди, тоже курить бегали охламоны-то?
- Вроде не замечал за своим, все б пахло, - Василий повернулся на другой бок, поправил рогожу под собой, - да и закурят, ничего не скажешь, вон какие вымахали...
- Не замечал... Рази заметишь, коли сам дымишь. Ты Александру спроси.
- Да ладно, пускай курят, чай, мужики... Они не сегодня-завтра жениться сберутся, слыхать, уж женихаются...
- Я ему женюсь, оглоблю-то обломаю об хребтину. Это ведь ему, Андрюшке-то, сусалы за Маруську Курилкину разбили. Нашел поганец безотцовщину...
- Ну ты, Яков, напрасно, она девка видная. Оно ведь как говорят, дерево-то надо по себе рубить, мы с тобой тоже не князья.
- Князья, не князья, а без штанов не ходим и кусок на столе не переводится.
- А я так думаю: большой достаток он тоже во вред, как это про Башкирова-то калякают... Слыхал?..
- Про что это? - Яков бросил окурок в костер, заинтересованно поднял голову.
- Как это... Это он сейчас Захар Гаврилыч-то остынился, а то покуролесил по молодости, погулял вволюшку. Мне еще отец покойный рассказывал. Как его папаша-то, Гаврила..., как бишь его?
- Василий на минуту задумался, почесал затылок.
- ...Ну да бог с ним. Как, значит, его папаша-то богу душу отдал, так оставил ему, Захар Гаврилычу-то, в наследство три парохода,

баржей пять ли шесть ли да деньжат полмешка. Тут он и взыграл... Похоронил батю чин-чинарем и давай потом гулять, еще девяти ден не справили. Съехались к нему со всего околотка удальцы, кого только тут не было: гусар, бают, какой-то, становой из Усолья, артисты прибыли. Да... Погуляли... Вот с одной кралей, из артисток что ли, он, нагулявшись, и махнул куда-то на юг, к морю дугуливать, батя-покойничек его к деньгам не подпускал, строгий был мужик, царство ему небесное. В черном теле держал сынка. Да... Месяц-второй гуляет Захар Гаврилович по югам да заграницам, знай только управляющему депеши шлет - высытай, мол, денег. А управлял у него еще Поляков Степан - дядя бузиновского-то управления.

- Это Бегунок что ли?

- Ну да, он самый, они, Поляковы-то, вокруг богатеньких вертятся больше... Это он счас ногами шаркает, а молодой шустрый был, не напрасно Бегунком прозвали. Как утром встанет, бабе своей: "Ты, говорит, ставь самовар, Авдотья, а я до Подвалья сбегаю".

- Эк, до Подвалья целых семь верст..., - усмехнулся Яков.

- Ну, может, брешут люди, ну шустрый, словом, был...

- Постой... Ты мне про Бегунка-то зачем рассказываешь, ты про Башкирова начал...

- Да... Вот гуляет, значит, Башкиров по белу свету со своей бабой, шлет депешу за депешей - мол, высытай деньги. Ну ему и слали года два, а потом все, нету, говорят. Он, Поляков-то, и сам, поди, тут руки погрел немало. Словом, все, кончились денежки. Продавай, говорит, баржу или пароход... И пароходов нету, уже продали. Ну, Башкиров не поверил, естественно, сам прикатил, смотрит, а и правда, почитай, все с молотка спустили. Почесал он эдак себе затылок, удивился, а потом к бабе своей подходит и подол ей задирает, заглядывает. Та вроде брыкается для видимости. "Ты, - говорит, - чего это, Захарик (так она его называла полюбовно), чего это при людях-то, неудобно, ай давно не видел чего там?..." Тот говорит: "Видеть-то видел, но, - говорит, - помню, у бати баржа на Волге потонула, а мачта торчала, а тут три парохода и пять баржей уплыло и ничего не видать...".

Братья засмеялись разом, спугнув какую-то птицу на ближней березе.

- Все уплыло и не видать?.. - сквозь смех и слезы переспросил Яков.

- Так и уплыло, уж потом он очухался, видать, маленько, да и давай снова сбирать. Это у них в крови деньги-то зашибать, кому чего, как говорится.

Костер догорал, тихо тлели угольки, слегка иной раз раскаляясь при легком ветерке. Слышино, звонко стрекотали кузнечики. Филин притомился, перестал ухать.

- Ну что, Василий, на боковую? Чудную историю ты мне сегодня рассказал, я и не слыхал.

- Куда тебе... Давай-ка спать, утре рано вставать.

Залили костер водой, перекрестились, поочередно глядя на восток, и полезли в шалаш, откуда раздавался уже громкий храп.

18

До большой жары следующего дня скосили почти треть луга. Кольку и Степку послали ворошить вчерашние валки. Василий присмотрел место ближе к дороге, где удобнее поставить стог, готовил стожар и тут услышал громкий крик:

- Тятя, тятя, смотри-ка..., - показывал рукой Колька в сторону березняка. Василий поднял голову, однако ничего не увидел. Колька подбежал.

- Чего там у вас? Змея, что ли?

- Туча какая-то кружит...

- Какая туча? - оглядел небо, ни единого облачка. Через мгновение послышался гул, и тут из-за березняка явственно появилось и медленно стало приближаться, волнообразно переливаясь, как большая и густая стая ворон, какое-то черное пятно. Подбежал Яков прямо с косой, за ним Димка с Андреем.

- Чего вы тут?..

- Да вон летит чего-то, - указал Колька в сторону берез.

Яков внимательно всмотрелся, прикрывшись ладонью от солнца.

- Да ведь это рой пчелиный откуда-то сорвался, - первым сообразил он.

Рой покружился, покружился над березами, грозно гудя, и подался к противоположному краю лога.

- Улетит ведь, дикие, поди, какие зароились, - Яков провожал их взглядом, потом спохватился.

- А ну, пацаны, давайте за водой, а ты, Васька, лопату сыщи.

- Куда бежать-то, батя, к пади? Далеко ведь...

- Черпай из бочки, некогда ждать, наносим потом, посадить их где надо. С ведрами и лопатой бежали вслед за роем, обогнали потом. Впереди бежал Яков, на ходу утирал лицо. Указал рукой на одиноко стоящую ветку. Вырвал у Кольки ведро с водой, плеснул на низко склонившуюся ветку.

- Мне-то чего?.. - Василий бегал вокруг с лопатой.

- Бросай туда землю, - приказал ему Яков, сам выплеснул и другое ведро, угодив на ствол. Василий неистово стал копать дерн, бросал землю комьями на дерево, заметно запыхался.

- Дай-кося, дядя Вася, - Андрей вырвал у него из рук лопату, начал с силой быстро копать. Черенок треснул, обломился.

- А, мать твою..., - зло выругался Яков.

Рой как бы в нерешительности покружился, покружился над веткой, потом стал садиться, и вскоре на суку образовалась большая, чуть меньше метра, живая масса, слегка колышущаяся на ветру.

Яков вытер рукавом пот со лба, посмотрел вокруг, чего-то разыскивая.

- Я фуражку-то где обронил?

- Да она там упала, у березняка еще, я видел, - Степка махнул рукой в сторону шалаша.

- Ну ладно... Вот чего, Василий, собрать их как-то надо, добро ведь...

- Как собрать? - Василий никогда в жизни не вождался с пчелами, побаивался их даже, потому и растерялся, пожал плечами.

- Вот чего... Сбегай-ка, Степка, принеси два мешка, за шалашом там лежат свернутые. А ты, Митька, воды еще принеси на всякий случай - вдруг снова сорвутся.

Степка принес мешки. Яков проделал в одном дырки для глаз, надел себе на голову, подошел к ветке, пробурчал глухо: "Ну-ка, подсобите...". Василий и парни подсадили его, и он полез. С трудом, еле удерживаясь, добрался до сука, на котором висели пчелы, прополз по нему до середины. Голой рукой стал упихивать пчелинью массу в мешок, приговаривая:

- Не жальтесь, не жальтесь, сладкие мои, вот я вас... Нам главное дело матку не упустить, - крикнул он, обращаясь к смотревшим на него снизу Василию с парнями, - матка - это первоеющее дело, без нее никуда.

Так-таки большую часть пчел и уложил в мешок, увязал, бросил вниз, сам стал осторожно слазить, кряхтя и незло матюгаясь. Покутили его крепко, руки вскоре вздулись, покраснели.

Вечером того же дня, переговорив с Василием, Яков с мешком за плечами тронулся в путь. Вернулся под утро слегка навеселе. За ужином угостил Василия самогонкой, рассказывал...

- Я это... прямым ходом и к Вырыпаевым, прямо и пристал-то в Завраге. Вот, говорю, надо ли пчел, Тимофей Назарыч? Коли не надо, - говорит. Ты их где спроворил? - хитро так на меня поглядывает, а уж сам смекнул, должно. Да, - говорю, - не ворованные, мы не того замесу. Ну и сторговал за три рубля, эт тебе как, а Васька? Вот нам шарышка-то, - сам весело смотрел на окружающих. Было весело и другим.

За неполные две недели Гудовы скосили луговину да прихватили еще небольшую кулижину сразу за Утиной падью. Сложили два добрых стога, огородили от лосей да прочей животины жердями.

Последние три дня к ним приплыли на подмогу женщины: Антонина да Александра с Татьяной, оставив домашнее хозяйство на Анисью да престарелую бабку Авдотью, мать Александры, которая жила в маленькой избенке через три дома от Василия Матвеевича, ближе к Елшанке.

Бабы дружно взялись согребать сено, благо, погода стояла сухая. В перерывах между работой бегали за ежевикой, которая в изобилии росла в окрестных лесах.

Днем, накануне отъезда, Колька со Степкой нашли ближе к Атрубе пересыхающий лиман. Бредешком наловили ведро карасей да десяток щурят. Вечером хотели и уехать, да припозднились. По-темному уже наварили ухи, на углях зажарили щурят, сидели, закусывали. Яков налил по чарке вина себе да Василию, женщины отказались.

- Ну, родня, с завершением косьбы. Слава богу, дала погода.
- Да уж погода как по заказу, - поддержал Василий, усаживаясь поудобнее на ворох сена, - недогадливый вы народ, бабы, хлеба-салы привезли, а нет чтоб забежать к целовальнику, да с устатку нам...
- Успеете еще, - отозвалась Антонина, - ярмарка не за горами, никуда целовальник не денется.
- Ярмарка ярмаркой, а дело делом, глянь-ка, сенцо-то какое ноне...
- Его ща надо привезти... Как говорится: "Не хвали траву в лугу, а хвали у себя в ограде да в стогу".

Костер весело пыпал, высоко взметая искры, отражаясь на лицах сидящих вокруг людей.

Съели почти полное ведро ухи, принялись за свежую варенную картошку, обжигаясь, вдыхали пряный аромат. После старой да увядшей уже картошки свежая казалась неимоверно вкусной. Парни, да и Татьяна успевали только выпавливать из ведра.

- Я смотрю, Татьяна-то совсем заневестилась, не сегодня-завтра под венец, - усмехнулся Яков, хмеляя, подмигивая потупившейся племяннице, - глянь-ка, какая справная да гладкая.
- Не слазь, - засмеялась Александра, - она у нас солощая*, потому и справная, тьфу, тьфу, тьфу...
- Я, чай, не Марфа Козлова, у меня глаз добрый, плохо не скажу и не пожелаю, а на свадьбе погулять бы охота... А, Танька?..
- Татьяна зарделась, хорошо, в темноте не было видно.
- Смеешься ты, дядя Яша...

* Солощая - неприхотливая к пище.

- Смеяться не плакать, не велик грех.
 - Оно - девичье дело - жди, когда посватают, - возразила Александра, - сама на шею не кинешься.
 - Нешто мне Андрюшку на Курилкиной Маруське оженить, - размышил Яков, оборачиваясь к сыну.
 - Трудно было понять, смеется он или серьезно рассуждает. Андрей насторожился.
 - А что, оженим, дадим по суме и гуляйте по белу свету, - уже с явным раздражением и даже злобой говорил Яков.
 - Она не виновата, что сирота, ну а богатство дело наживное, - возразил Андрей с дрожью в голосе, - сам же говорил, руби дерево по себе.
 - А ты и рад стараться, дурила...
- Андрей встал, подался в лесную чащобу, Дмитрий за ним. Колька со Степаном залезли в шалаш спать, Татьяна притихла в сторонке.
- Ну, ты напрасно, Яков, парня-то обижашь, приглянулась, знать, - стал защищать племянника Василий, - сам-то вспомни, с одной ложки да табуретки начинал, а ничего, встал на ноги...
 - Оно так-то так, а все одно обидно, тут норовишь их на ноги поставить покрепче, а они...
 - Ты погоди, Яша, у них еще на воде вилами все писано, а ты шумишь, - вступилась за сына Антонина, - забыл, как сам к Наське Замориной ходил, а?.. А меня выбрал-то...
 - Ну ты, мать, вспомнила про царя-гороха, тогда другое время было.
 - Время оно все одно, нам стареть, а им в силу входить да семьи заводить.

Легли поздно, когда потух уже костер. Тихо тлели угли. На небе вызвездило, ярко прослеживался Млечный Путь, показывая дорогу от Ягодного и Заволжья через остров и домой. Молчали. Каждый думал о своем.

20

Наступил июль-страдник. День ото дня тучнели нивы, наливались, зрели в садах яблоки. Угомонились, примолкли пташки, хлопоты не дают петь-распевать. Сначала соловей притих, а потом и кукушка к Петрову дню-просяным колоском подавилась. Заколосились яровые - кукушкина песенка спета. На Аграфену-купальницу знающие люди ходят-броят по лесам, собирают травы да коренья разные. Травы выросли, набрались живительной силы.

Полуденный жар томит, покой глубокий, воздух не шелохнется. Зелень будто в полудреме. "Пить, пить, пить" - стонет одиноко пташка. Эх, кабы брызнул дождичек, да проливной на всю ночку. "Просите,

дети, дождя до Ивана Купалы, а после Ивана я и сам упрошу", - полуслугливо говорит крестьянин-краснобай. "Пить подать, пить подать", - почти выговаривает в зреющей ржи перепелка. В лугах поскрипывает коростель, под соломенными крышами домов щебечут ласточки, рюмят зяблики.

Не за горами жатва, на Казанскую начинают жать рожь. "В жатву лентяй женится, а зуда замуж выходит". Ну, а конец июля - самое росистое время: "На Прокла поле от росы промокло". Это тоже доброе дело: "Утренняя роса - добная слеза, сю лес умывается, с ночкой прощается".

С первых чисел июля в Новодевичье начиналась большая ярмарка. Съезжались по Волге и по суще купцы из Нижнего Новгорода, Казани, Симбирска, Саратова, Пензы, Вятки да и мало ли откуда.

*"У старого Демьяна товар без изъяна,
Сам подходи и других приводи", -*

зазывал щеголеватый новгородский купец, выложив на прилавок шали, платки, штуки атласа да бархата, сапожки, золотом шитые, рубашки нарядные, простые и фасонистые портки.

*"Товар хороши, бери какой хоши,
Да и сам Кузьма мешок ума".*

*"Для мадамочки-супруги ломовые подпруги
На шелковом подкладе, на шерстяной байке", -*

заманивает штуками-прибаутками светловолосый и краснолицый купец из Вятки, вывесив над своей лавкой холстяной плакат с надписью: "Честной купец Кузьма Печенкин". Выбор и тут богатый, больше конская утварь: седелки, хомуты, колеса, дуги - есть и ложки расписные, холст добротный, парча заморская, а также расписные причудливо дымковские игрушки да свистульки. Подошел к нему мазинский мужик, начал портки выбирать да никак по росту не подберет, низковат дядя, просит совета. "Для твоей рябой рожи - две худых рогожи да полторы змеиных кожи, да сказать сто раз: "Помилуй, Боже!" - посоветовал честной купец, на том и разошлись.

Кричит, кричит эдакий детина да вдруг и начнет в свистульку насиживать да подмигивать, сразу же вокруг соберутся ребятня да бабы. Бузин выставил лавку с хлебными да колбасными харчами, посудой. Приказчик Башкирова торговал тканями, мехами да рыбой.

Расположились лавки вокруг церкви, почти до самой Волги. Как положено, раненько утром отец Сергий благословил ярмарку. И началось...

Умельцы накануне за каких-то два-три часа соорудили несколько каруселей, только визг и смех кругом.

Колька Гудов с Васькой Бешановым пришли на ярмарку по холодку еще, когда на помост по одному начали выходить борцы: коренастый и жилистый Поддубный, черный как смоль, со звероподобными глазами Лунда. Были и такие, которых Колька еще не знал. В первой

паре Лунда боролся с каким-то толстым, в годах, видать уже, борцом. Оба пыхтели, тужились, спины их и шеи покрылись потом, борцовская форма промокла.

- Глянь-ка, глянь-ка, у Лунды аж блестит шея-то, - шептал Васька, грызя баранку. Они их только что купили вскладчину на копейку в лавке.

- Счас он его уложит, это он так с ним валандается, Лунда-то, он прошлый год всех поборол, - заверил Колька, с восхищением глядя на помост. Прочие борцы стояли в сторонке, разминались, потряхивая головами, поводили играющи плечами. Один Поддубный сидел на лавке, на плечи халат наброшен, смотрел куда-то за Волгу, нет-нет, да скосит глаза на помост и зрителей, усмехнется чему-то.

Наконец Лунда уложил-таки на обе лопатки противника, помог ему встать, оба чинно поклонились зрителям, спрыгнули с помоста. Потом выходили еще пары, подолгу боролись, поочередно демонстрируя свое мастерство. Зрители аплодировали, громко кричали. Частенько от своих лавок к помосту подходили купцы да купчики - тянуло тоже посмотреть на борцов, бросали в корзину кто рубль, а кто и три пожалует. И уж в конце только на помост вышел Поддубный, легко, играющи бросил через себя противника, крепкого рыжего денту, уложил его на обе лопатки. Потом ему на плечи положили рельс, на концах которого повисло с обеих сторон человек по десять, и он их стал крутить. Васька от удивления разинул рот.

- Глянь-ка, рельса-то аж гнется, а ему хоть бы что.

Потом Поддубный стал легко гнуть подковы, словно были они из воска, крикнул громко чего-то зрителям и спрыгнул с помоста.

В это время к ребятам подбежал Алешка Дубовов:

- Вы куда запростились, я вас обыскался, дома уж был.

- Да мы тут давно... Эх ты, прозевал, как Поддубный боролся, - Колька начал было ему рассказывать.

- Потом расскажешь, побежали на Красную улицу, там Алеша Трегубов ребятишек катает...

А на Красной улице подвыпившие мужики Вырыпаев Иван да приземистый, крепкий Петр Казягин на спор за ведро вина уговорили Алешу: десять мешков зерна уложили в телегу, тот впрягся и потащил вверх по Красной... Телега скрипела, ходили туда-сюда колеса. Алеша знай себе тащит, только покрякивает. Поднялся на бугор, обернулся, крикнул:

- А ну, пацаны, садись, кто смелый...

И потащил уже по ровному, вместе с кричащими и визжащими ребятишками. Сзади шла толпа. Усмехались, качали головами.

- Давай, Иван, раскошеливайся, - смеясь, посоветовал Казягин, - похоже, его возьмет, дотащит до мельницы-то.

- Ему не в кузню, а на помост надо, он им не уступит, борцам-то...

- Да он уж с ними тягался в прошлом году, которых и борол, да там тоже сноровка нужна, наука тоже своя.

К вечеру поднабрались многие изрядно, по селу стали раздаваться песни. Прошел первый день большой ярмарки.

21

Наступила ночь, такая же жаркая, знойная, как и день. Вместо мух появились комары, нещадно кусали все живое, не давали спать. Дмитрий Гудов с Ушаковым Владимиром далеко за полночь возвращались с гулянья домой. На улице хоть глаз выколи, тихо, томно, в домах давно уже спят все, утомленные праздником, только уж когда стали подниматься в Бутырки, завидели свет в окнах стоящей на отшибе избы сапожника Ионы Серова. Жил Иона, по уличному Бука, одиноко, нелодимо, больше молчал, угрюмо глядя на окружающих. И зимой и летом валял валенки по заказам, от крошечных до огромадных. Мастер был добрый, мог и фасонистые какие свалять, с белыми ободками.

Дверь была раскрыта настежь.

- Это чего у Ионы свет горит? - удивился Дмитрий, - уж не случилось ли чего?

- Гости, поди, гуляют, - предположил Владимир.
- Да у него их век не было. Давай-ка заглянем...
- Да ладно, спать охота, пошли, чего там.

Дмитрий круто повернулся, направился в сторону калитки. Осторожно вошли через раскрытую дверь в сени. В избе накурено, на стене горит керосиновая лампа. Дымно. На столе наполовину опорожненная четверть водки, другая, пустая уже, лежит на полу, в мисках соленые огурцы, капуста, ломти хлеба горкой, три стакана с вином. Из междуимка торчат чьи-то ноги, слышан громкий храп, лица в темноте не разобрать. Сам Иона развалился на лавке вдоль стены, голова запрокинута, дышит тяжело, с надрывом как-то, нет-нет, да начнет что-то бормотать.

- Пойдем, ну их, - Ушаков тянул Гудова за рубаху.
- Погодь, давай-ка их свяжем.
- Да ты что...
- Вот смеху-то будет, - Дмитрий рассмеялся беззвучно, осмотрелся. На стене висела узда. Торчащие из междуимка ноги привязали к кольцу в стене, к которому обычно привязывают маленьких телят по зиме да ранней весной. Самого Иону в двух местах привязали к лавке веревкой.

- Давай-ка хлебнем помаленьку, - Дмитрий подошел к столу, - а то, может, побудим да деру...

- Да ну их, пусть спят, - Ушаков заметно побаивался, водки, однако, стакан выпил.

Посидели еще за столом малость, храбрясь уже. Ионе намочили штаны квасом, спрятали четверть в сенцах и ушли.

На другой день вечером Яков жаловался брату:

- Вот ведь, поганцы, хоть бы каплю оставили. Я, слышь ты, пошел к Ионе, шерсть понес. Ну, он и пристал, давай да давай по маленькой, а я уж был хваченый. Тары-бары, да стары амбары. Ему, слышь ты, одному-то тоскливо, вот и разговорились мы с ним. Ну, одну четверть опростали, я было домой - он другую вынимает. Утром слышу: "Караул, грабят...". Сам-то не пойму. "Где это я, - думаю, - сумрачно вроде, тут стена, там стена". Я было вставать, а ноги связаны. Кое-как распутгался, встал, гляжу: Иона лежит на лавке, связанный по рукам и ногам, и орет что есть духу. Тут я все и вспомнил. "Ты чего орешь-то?" - говорю. А тот: "Караул, спасите!". Отвязал его, сел он, заохал. "Погляди-ка, - говорит, - у нас там вроде оставалось в четверти-то?" Коли оставалось... И какие это поганцы учудили, узнать бы...

Дмитрий слушал, усмехался только, промолчал однако. Потом побежал к Ушакову рассказывать. Другим не рассказывали долго, побаивались - Иона Ионой, а дядька Яков на руку горяч, отмечел и не поморщится, не посмотрит, что племянник, да еще и отец добавит - озоруй, да знай меру.

22

Ранним утром, на третий день ярмарки, пока село еще только пробуждалось, отпели петухи и смолкли, Бузин с сыном собрались на рыбалку, прихватив закидные.

Крадучись, чтоб не побудить домашних, вышли из калитки. Возле церкви встретили церковного сторожа Степана Фомина, седого, как лунь, старика, да местного юродивого Колю Поплевина, долгого и тонкого детину с жиденькой бородкой. Оба в фартуках, с метлами, Коля на босу ногу, из-под фартука видны почерневшие, в трещинах пятки. Подметают, собирают мусор. Увидели Бузиных, поклонились.

- С добрым утрецом, Иван Сергеич да Сергей Иваныч, - поприветствовал Фомин, снял картуз, прижал его к груди. - Истинно говорят: "Кто рано встает - тому бог дает".

- Да вот порыбалиТЬ собрались на зорьке да прогуляться, посмотреть, где что... У тебя-то, в твоих владениях все ли ладно?

- Пока слава богу...

- А то смотри, народишко сейчас бойкий пошел. Подопьют на ярмарке да начнут у тебя ограду ломать заместо плетня, коль до драки дело дойдет.

- Пока, слава богу, все мирно. Только кобыла одна тут взбрекнула разок да и выбила мазинскому мужику два зуба. Уж он так выл, так выл...

- Завоешь, пожалуй, чай, зубы-то свои, а не чужие...

- Известно...

Сергей в это время ушел далеко вперед, оглянулся, покачал головой, усмехнулся про себя: "Батю медом не пои, дай с мужиками поболтать".

А Коля Поплевин как встал с метлой в руках у торговой лавки, так и стоял, улыбался только, смотрел то на одного, то на другого, ему что-то чудно показалось да и радостно было сегодня утром.

Поднялись на гору по каменистой тропинке, село осталось позади, слева сады и пристани по всему берегу одна за другой, сквозь до Елшанки.

Волга синеет широкой ровной полосой. В дымке виднеется остров, а где-то там, за ним, большое село Ягодное. Вроде и близко, а не видать - остров закрывает.

До Елшанки дошагали быстро, спустились к берегу. Показались заложенные венцов в десять сруба, вокруг бревна да сосновые доски.

- Вот, Серега, я вот все тебе сказать хочу, может, бросил бы ты службу-то да приехал к отцу-матери. Мне одному со всем этим не управиться, - Бузин повел рукой вокруг строительства, - и тут и там глаз нужен. Тяжело мне одному-то, а?..

- Чай, у тебя управляющие есть да приказчики.

- Э...э, приказчики, за ними за самими глаз да глаз нужен, только и глядят, что б слямзить. Вор на воре сидит и вором погоняет. Вот надо на торги в Сызрань, да и в верха ехать, а тут у них конь еще не валялся. Я думал, к уборочной один-два амбара будут готовы, где там, смотри-ка...

Подошли к постройкам, резко запахло смолой, дегтем.

- Вот смотри, побросали все и гулять на неделю, им-то что, не их добро. Вот я ему..., - заматерился Бузин.

- Кто тута?.. - откуда-то из-под досок выполз старик, весь в опилках да стружках. Редкие, с проседью волосы взлохмачены. Увидел Бузина, испугался вроде.

- Ты кто? Что-то я тебя раньше не видел.

- Сторож я здешний, Фома Прокудин, Алексей Степаныч меня сюда определил.

- А живешь где?

- Тут и живу...

- Как тут?..

- Да вон шалашик смастерили от дождя.

Тут только Бузин рассмотрел за грудой досок и впрямь что-то вроде шалаша, крытого соломой.

- Да ты откуда взялся?

- Погорельцы мы из Климовки, по весне уж как погорели-то, вот здесь и притулился в сторожа.

- Ну ладно, сторожи коль так, а то уж я думал...

За Елшанкой показался лес, а там и Белый Ключ, вот уж завиднелся нестройный ряд домов поселка, крытых то соломой, то покерневшим от времени тесом. За поселком уж спустились к берегу.

- Ну что, здесь что ли? - Иван Сергеевич осмотрел берег. Мирно била волна, со стороны поселка потянуло дымком. - Доставай закидные-то, а то уж солнце всходит.

- На что попробуем, на червяка или тесто? - Сергей склонился к сумке, с нетерпением обернулся к отцу.

- Попробуем и то и другое.

Закинули, укрепили к кольям по камешку, чтоб виднее было, как клонет, сели, стали наблюдать.

- А ведь ты мне, Сергей, так и не ответил...

- Чего разговор вести, отец, отвык уж я от этого, вот порыбачить куда ни шло, а так... Какой из меня хозяин, мое дело - винтовка да сабля.

- Так, так...

- Ты уж не обижайся на меня, батя...

- Да чего там, какая обида. А жаль...

Огромным раскаленным шаром покатилось солнце из-за неровной полосы левобережья, задержалось вроде за сосновой рощей на бугре, потом, словно спохватившись, снова покатило по накатанной изо дня в день дорожке, засеребрилось на волнах. Заиграла, оживилась природа, подул легкий ветерок, качая кустик ивы на берегу, защебетали разноголосы птицы. Праздник восхода завершился, пора и о мирском подумать.

С ведром судаков да чехони, проголодавшиеся, но довольные, отец с сыном после обеда вернулись домой.

23

Едва окончилась ярмарка, Бузин, тепло распрошавшись с семьей и, особенно с сыном, отправился в верх. Сергей наметил ехать дня через три. Перед отъездом Иван Сергеевич долго напутствовал Полякова, тот собирался в Сызрань:

- Ты вот чего, сторгуй-ка там баржу до Астрахани. Оно, конечно, хлеб всегда в цене, но, как говорится, первый едок кашу полной

ложкой ест, а уж другим что останется. Всю-то баржу нам многовато, может, с кем в паре говоришишься.

Поляков понимающе кивнул.

- Шум пока не поднимай, пошли за подводами в Мазу, да здесь потихоньку сторгуйся. Ну да тебя не учить.

- Обделаю, обделаю, Иван Сергеевич, не сумлевайтесь, я вот только думаю, зерно-то подработать надо как следует, а то поторопишься, будешь потом локти кусать.

- Ну это уж само собой, неподработанное везти нет резону.

Решил Бузин опередить конкурентов, отправить первую партию хлеба напрямую до Сызрани по суху, ну а уж дальше водой.

Новодевичье расположено у истоков Самарской Луки. Волга, огибая Жигулевские горы, делает здесь большой крюк на восток. Если по Волге до Сызрани было верст двести пятьдесят-триста, то напрямую - верст семьдесят. Таким образом, сутки, а то и двое можно было выгадать.

Сам Бузин тоже торопил события. Не дожидаясь своего парохода, отправился до Сенгилея на тарантасе. Проехал, не останавливаясь, Подвалье, дальше столбовая дорога тянулась вдоль Лысых гор далеко на север. Проехал маленькую, в одну улицу, деревеньку Сенькино, только в Платоновке остановился у знакомого зажиточного мужика Петра Лыскова, напился квасу, поговорили малость - и дальше. Лысков Петр Назарович, пятидесятилетний невзрачный мужичок с плестью во всю голову, жил с двумя сыновьями да больной падучей женой в большом пятистенном доме. Летом пахал да сеял, зимой занимался извозом. Сыновья, Мирон да Демьян, рослые ёба, по первому снегу отправлялись на тракт Сызрань-Самара, вертались, почитай, уж после распутицы. Оба были уж женатые, имели многочисленных детей. Сам Петр по старости лет далеко уже не ездил, но до Сенгилея, Новодевичья, а то и Сызрани еще катался, если сторгуется с кем. Иной раз по зиме дом оставляли на одних баб да детей, но ничего, справлялись. Деревенские бабы и любую мужскую работу знают, это вам не городские барыни. К вечеру, еще по-светлому, Бузин добрался до Сенгилея.

24

После Петрова дня жара усилилась. "Петр и Павел жару прибавил", - говорят в народе. Земля дышала зноем и ночью. Редкий день брызнет слепой дождичек большими каплями, но раскаленная земля тут же высохнет. На водопое коровы в стадах по грудь заходят в водоем, да и стоят так, пока хозяйки, пришедшие на дневную дойку, не выгонят их из воды. Овцы прячутся в тень под деревья, встанут, опустив низко голову, и дремлют подолгу, прядая ушами, отгоняя надоедливую мошку. У ног их пристраиваются маленькие ягнята-

сосунки, время от времени, проголодавшись, уткнутся матке в вымя, дугой прогнутся и цедят, повиливая короткими хвостиками. Жарко на земле, томно.

Василий Гудов после ярмарки с семьей собрался на жатву. Потемному выехали в поле, направляясь в сторону Луговского, где у них был засеян клин в полдесятины. Только выехали за окопицу, завидели впереди еще несколько подвод. Василий показал кнутовищем вперед.

- Я думал, мы первые, а глядь, уж и нас опередили.

- За людьми не угонишься, вон Зимины, говорят, уж дня два как жать начали, - возразила Александра.

- Ничего, и мы не припозднились. Ты, Миколька, сразу за водой слетай, - Василий обернулся к ребятишкам, - чтоб потом уж не срываться, там до Суходола-то рукой подать.

- Ладно, сгоняю, - Колька лузгал семечки, нехотя отозвался.

- Гонять тоже нечего, не к спеху, да там и напои Машуху-то...

Татьяна с Дмитрием о чем-то перешептывались, смеялись. У Татьяны на глазах аж слезы выступили, еле проговорила сквозь смех:

- К кольцу телячьему ноги-то?.. А тот?..

- Чего вы там? - Василий строго посмотрел на детей.

- Да вон Митька смешит...

Снова чего-то вспомнила, затряслась в беззвучном смехе. Дмитрий отвернулся. Колька, ничего не понимая, смотрел на брата с сестрой и улыбался.

- Я вот сейчас кнутом-то достану, нашли время...

Татьяна опять чего-то шепнула Дмитрию, тот задумался малость, потом обернулся, улыбаясь, к отцу:

- Эт мы про Иону с дядей Яшой вспомнили, как их пьяных-то связали.

- А...а, - Василий тоже усмехнулся, - учудил кто-то, а оно и не повадно - не пей до беспамятства. Он потом, Яшка-то, дней пять злой ходил, все кричал: "Убью, зарежу и сажей измажу...".

Дмитрий и Татьяна опять залились смехом.

- Митька, - Александра толкнула сына в бок, - это уж не вы ли наозоровали? Ну-ка, ну-ка?..

- Мы и не знали, что это дядя Яша, - уже серьезнее начал рассказывать Дмитрий, - идем эдак, смотрим, у Ионы свет, ни у кого нет, а у него горит, а уж поздно было-то. Ну мы и зашли с Вовкой Ушаковым узнать, думаем, не случилось ли чего... Глядим, Иона на лавке спит-храпит, а из междуимка ноги чьи-то торчат, ну мы и ...

- Он вот узнает, Яков-то, надерет вам холки.

Прибыли на место, разгрузились. Колька с бочкой покатил к Суходолу, сторожко спустился к ручью по крутой, неукатанной дорожке. Пока Машуха пила студеную воду, раздувая бока и подрагивая кожей на спине, ведром налил полную бочку, заткнул деревянной пробкой с тряпичкой. Сам напился вволю. Ручей бежал по камешкам, слегка журчал, вода прозрачная, только у дна чуть мутит песочек.

Отец с Дмитрием скотавливались уже жать. Василий с серпом в руках окинул поле, оценивающе взгляделся, перекрестился неистово.

- Ну, господи благослови...

Колька распрыг и стреножил лошадь, пустил на лужок вдоль дороги пастьись, потом тоже взял серп, начал жать. С непривычки раза два чуть не порезался. Александра с Татьяной вязали снопы, устанавливали их рядами, чтоб потом легче было складывать на воз. Часть тут же уложили в скирды. К полудню сжали треть загона. Солнце поднялось высоко, без устали палило, больно кусали комары и слепни. Василий шел чуть впереди, с трудом разогнул занемевшую спину:

- Марит как... Как бы дождя не нагнал.

Посмотрел в сторону видневшейся вдали Волги:

- Давай-ка, Миколька, запрягай да начинай возить, пока не то... До обеда-то отвезешь разок.

Колька передал серп матери. Привычно быстро запряг лошадь, наложил полную фуру* снопов, тронулся в село.

Со стороны Елшанки подул легкий ветерок, однако прохладнее не стало, калило спину. Где-то высоко-высоко в небе то тут, то там пели свою вечную песню жизни жаворонки. Наступал летний полдень обычного рабочего дня.

25

Едва Колька с проселочной дороги свернул на большак, как увидел столб дыма где-то в стороне Бугырок. Сердце замерло в груди. "Уж не у нас ли пылает?..." Встал во весь рост, всмотрелся: дым поднимался клубами то черными с языками огня, то посветлее, клонился к окопице. "Мать честная, это чего же делать-то?.." Оглянулся. Потом махнул рукой, огrel Машуху вожжами и погнал к селу. Пожар полыхал на Хохловке вовсю, горело пять домов... Когда Колька подъехал, огонь перебросился уже на Застенную улицу, заполыхали соломенные крыши двух домов. Над селом тревожно гудел колокольный набат. Кругом сутились люди, кто с ведрами, кто с баграми. Расстаскивали два горящих дома, заливали. Мимо с криками: "Посторонись, задавлю..." промчались две пожарные конки с бочками. Колька едва успел схватить Машуху под уздцы. Ближний на конке с още-

* Фура - повозка для перевозки сена.

ренным ртом и злыми глазами огrel его плетью вдоль спины: "Куда, паскуда, мать твою..."

Колька взвизгнул от боли, потянул лошадь в ближний переулок, опомнился уж у моста через ручей. Спину и правое плечо жгло, будто кто приложил каленый прут. Колька и не заметил, что плачет. Очнулся только тогда, когда его окликнул бежавший с багром сосед Ермолай Ушаков, отец Владимира:

- Ты чевой-то здесь?
- Да с жатвы я, вон со снопами послали.
- А ревешь-то чего?
- Пожар я завидел, думал...

Ушаков не дослушал, махнул рукой, побежал к ручью. Во дворе Колька распрыг Машху и, не забегая домой, галопом помчался в поле. Однако на околице ему из встречной телеги замахал фуражкой Дмитрий, закричал: "Вертайся, там уж все...", - махнул рукой в сторону села.

За полдня выгорело около двадцати домов с постройками. Пожар перебросился и на Красную улицу, только тут смогли остановить огонь. Хорошо, не было ветра.

На своем веку Новодевичье горело много раз, были случаи - сгорало полсела. Недели две по пожарищам лазили хозяева бывших домов, ребятня. Найдут то топор без топорища, то шкворень-какой, то горсть обгоревших гвоздей - все, что осталось от некогда доброго, милого сердцу хозяйства. Мужики в порванных, испачканных сажей рубахах стонали от горя, иные, что послабее, и плакали. Женщины кричали криком, им вторили дети. Пахло гарью, смрадом. Жизнь поворачивалась к людям своей худшей стороной - бедой. Вор ворует - стены оставляет, пожар ничего не щадит. Кто посильнее, вынесет, кто слаб, тот сгинет, помогать некому, у каждого своя беда.

26

На первый Спас, вечером, когда только что пригнали табуны, Нустрев пришел к Фомину в гости. Жил Фомин на Красной улице в одноэтажном доме из красного кирпича на краю оврага. Дверь тесовых ворот с карнизом была закрыта изнутри, Нустрев постучал рукояткой подога* по стене сеней. Во дворе громко залаяла собака, послышался звон цепи. Вскоре в калитку выглянула девочка-подросток в розовом сарафане, заулыбалась.

- А тятенка в саду с пчелами, я его кликну сейчас.
- Нет-нет, Дуня, не нужно, пусть занимается, я в другой раз зайду.

* Подог - трость.

В калитку вышла жена Фомина, женщина средних лет с правильными чертами лица.

- Здравствуйте, Алексей Герасимович, ну что же вы в воротах стоите? Дуняша, проводи гостя в дом.

Нустров было замялся.

- Заходите, заходите, он уж заканчивает, с утра ими занимается.

- Вы его не беспокойте, Татьяна Ивановна, пускай себе работает, а я подожду покуда, коль уж пришел.

Вошли в просторный дом.

- Может, кваску прикажете или наливки сливовой, я сейчас пошлю в погреб.

- Нет, нет, Татьяна Ивановна, впрочем, разве что чаю...

Не успел Нустров допить стакан чаю, как вошел Фомин.

- Ах, Алексей Герасимович, голубчик, а я как чуял, медку свеженьского нацедил... Вот мы сейчас...

Фомин снял фартук, повесил его на крюк у входа, стал умываться, фыркая, у рукомойника, потом зашел в горницу. Появился вскоре в свежей косоворотке, на ходу поправляя пояс.

- Ну-ка, Татьяна свет Ивановна, сообрази-ка нам по стопочке медовухи, а мы тебя повеличаем за это.

После медовухи и чая вышли в сад подышать свежим воздухом. Солнце собиралось садиться. Тихо, только из глубины сада от ульев слышен монотонный гул пчел. Время от времени легкий ветерок вместе с запахом дозревающих яблок принесет и резкий запах застарелой гари.

- Вот ведь, Алексей Герасимович, чуть было и я под огонь не попал, прямо смотреть больно. Прошел я вчера по Хохловке, смотрю: землянки роют.

- Да, жить-то надо где-то, люди людьми, а свой угол нужен. Беда...

- Хорошо у кого родня есть, а как нет...

- Я вон пустил в баню, пускай, думаю, живут пока.

- Кто ж у тебя там?

- Да Нина Курилка с дочкой, да старуха... Иду, а они сидят на обгорелом бревнышке и плачут. Тут у меня сердце и сжалось. Ах ты, думаю, господи, им-то как дальше жить, трем бабенкам?.. Пусть живут, мы и баню-то, почитай, не топим..., а там видно будет.

- Ну, а как баньки похочется, к нам приходите, всегда рады будем. Сидели долго. Уже давно стемнело, застrekотали кузнечики. Небо вызвездило с востока до запада. Нет-нет, да с Волги послышится протяжный пароходный гудок, и снова тихо, покойно, словно и нет вокруг беды и слез.

В Сенгилеев Бузин пробыл два дня, сговорился с местным фабрикантом Шуговым о поставке смолы и мела. Большую партию мела он закупил на мелзаводе возле Мазы еще по весне. В ночь сел на попутный пароход и отправился в Симбирск. Вот уж несколько лет останавливался он у вдовой молодой купчихи Насти Селезневой, живущей за Свиягой. И был тут не только деловой интерес, но и сердечные утехи. Когда-то с Семеном Селезневым торговали вместе, где только не сталкивались их судьба, пировали не раз. Лет шесть назад Семен погиб, замерз где-то в верхах Вятки, где скапывал пушнину. Осталась молодая купчиха Анастасия Никитична вдовой, всего-то в двадцать пять лет, но с немалым капиталом. Поплакала недельку, однако вскоре поняла, что если умно себя вести, то при деньгах и вдовской можно очень даже неплохо прожить. Тем более, что Настенька была очень даже недурна собой: правильные, тонкие черты лица, чувственные губы при среднем росте и округлых формах придавали ей некоторое даже изящество. Будучи начитанной, умной от природы, она могла поддержать интересный разговор, где-то ловко похвалить, где-то тонко пошутить.

Иван Сергеевич был одним из ее обожателей.

Встретила его Анастасия в роскошной гостиной упреками:

- Что же, Ванюша, и нос не кажешь или другую в Симбирске завел? Я уж стороной узнавала, дак, вроде не слышно пока, а слыхать, был по весне в наших краях.

- Ты, Настя, сначала гостя в баньке попарь, чаем, не то вином напои, а уж потом спрос веди. Чай, исстари на Руси так ведется, - полуслучаю попенял Иван Сергеевич, целуя купчиху в нарумяненные щеки, - а и побоялся потом не ведая-то наезжать. Вдруг, думаю, приеду, а тут новый хозяин. Я, чать, не молодой уж из-за девок-то драться, хотя, правду сказать, из-за такой голубки можно и попетушиться. Да и был-то я, душенька, проездом одно утро только.

- Оно истинно молвишь, друг сердечный Ванюша, так-то тяжело одной во все дела вникать, хозяин как бы нужен... Ведь я за Семой и заботушки не знала, только что домашние дела, а тут... Надолго ли пожаловал к нам на сей раз?

- Гостить сейчас некогда, сама знаешь, вот завтра и дальше нужда ехать, до Казани, думаю. Бог даст, еще хлебушка сторгую пудов с сотенку.

- Стоит ли и мараться из-за этого, я, чай, уж не на одну баржу сторговал.

Далеко за полночь погас свет на втором этаже купеческого дома. На улице темень кромешная. Тихо. Только время от времени залает у кого-то на дворе собака, потревоженная запоздалым прохожим, ей в ответ завоет цепной лохматый пес Тарзан с купеческого двора. И вновь тихо.

Наступил сентябрь. Заметно поубавились дни. Высь небесная как бы расширилась - до того прозрачная. А вот и полетела серебристая паутина, обещая ясную погоду. Однако, нет-нет, да прольет и дождик. Известно, вешний дождь растит, осенний гноит. Сжатый хлеб давно уже свезли на гумно в овины, влажные снопы просушивают в курных сарайах. Выкопали и засыпали в ямы картошку, засеяли озимые, скосили овес. "Не вырастет картошка да не уродится овес - наглотаешься слез", - говорят старые люди. На осеннего Петра и Павла хозяйки срывали рябину и кистями вешали ее под крышу, чтобы прозябла, поднабралась сахару. Часть рябины оставляли на кусту дроздам-рябинникам да снегирям-краснозобам и всякой другой охочей до ягоды птичке. Хлеб с картошкой хорошо, а и рябинки с калинкой по зиме походятся.

Наступали слякотные дни, а там и первые заморозки.

Вечером, накануне Воздвижения, после ужина Яков Гудов сел курить на табуретку возле печурки. Степан лег спать на полатях, Андрей с Анишей ушли на вечерку.

- Мать, а мать, подъ-ка сюда, - позвал Яков, сворачивая длинную, пальцев в пять, самокрутку, - я чего думаю-то?..

Антонина стелила постель за глинобитной печкой, подошла к мужу, стояла молча, ждала. Тот, не торопясь, закурил, затянулся глубоко, прослезился чуть, сощурился от табачного дыма.

- Ты что, язык что ли проглотил? Чего звал-то?

Яков посмотрел на жену, еще раз затянулся, стряхнул пепел.

- Ты сядь-ка... Я с тобой вот чего поговорить хочу...

Антонина села на лавку, с интересом прислушалась.

- Слыть, это..., Андрюшка-то так и похаживает к Курилкиной дочке.

- Ну и что?

- А то... Они и так голым задом сверкали, а сейчас и того пуще - по людям побираются.

- Ну, чай, они не виноваты, что погорели. К чему это ты, не пойму я?

- Да я их не виню, Андрюшку поганца поучить нешто, чтоб думал маленько башкой-то.

- Ну ты тоже... Они нынче сами ученыe.

- Да...

Помолчали. Слышино было, как в трубе завывает ветер. Яков аж поежился.

- Вот я и думаю, чем так, да полтак, пусть уж сходятся и живут, чай, как-нибудь перезимуем, а там видно будет.

Антонина заплакала, утирала глаза концами платка.

- Ты чего, мать?
- Да я уж и то думала, побоялась тебе-то сказать, вдруг осерчаешь.
- На другое утро, чуть рассвело, Яков стал будить сына.
- Эй, вставай, вставай, говорю, жених, так твою...
- Ты чего, тятя? - Андрей спросонья моргал глазами.
- Наряжайся, свататься пойдем, пока я не передумал.

Ничего не понимая, Андрей встал, умылся, мать протянула ему чистую рубаху. Андрей надел ее, стал подпоясываться.

- Что случилось-то? Вы мне объясните толком.
- Ты вот нам чего с матерью скажи, как на духу только... Ты с Маруськой Курилкиной по душе любишься или так, поиграть только?

Андрей опустил голову, молчал.

- Ну?.. - Яков повысил голос, сам как-то жалостливо и с некоторой обидой смотрел на сына.
- Люба она мне, никого больше видеть не хочу.
- Ишь ты, - Яков усмехнулся, - ну, а коли так, то и разговаривать не об чем, собирайся, пошли.

Отец с сыном собирались, вышли на улицу. Антонина проводила их на крыльце, троекратно перекрестила вослед.

29

На Воздвижение с утра Колька Гудов бегал по селу, занимал тяпки, собирались рубить капусту. Взял у Ушаковых, Бешановых - две, да своих пару подточили еще с вечера. Выпростали и вымыли колоду, в которой замешивали корове солому зимой, установили ее в конюшне на табуретки. Мать мыла кочаны в кадке с горячей водой, обрезала зеленые листья, кочерыжки отбрасывала в сторону. Татьяна с Колькой рубили наперебой, обгоняя друг друга. "Тук, тук, тук" - раздавалось по двору и на улице. Пришли отец с Дмитрием, принесли в мешках еще капусту, отдышились.

- Как ведь каменная, пять кочанов положишь и чуть мешок поднимешь, - Василий присел на бревно, закурил.
- Много ща там ее осталось? - Александра полуобернулась к мужу.
- Да ходки на две хватит.
- А вы Микольку возьмите, а то бы и Машуху запрягли.
- Да там не подъедешь.

Многие сельчане сажали капусту по оврагам, а то и на берегу Волги. Оно с поливом больно подручно, вода-то рядышком, но уж зато таскать потом или огород унавозить - одно мучение. Были случаи, когда при большом дожде, почттай, все огороды смывало вместе с

плетнями и заборами, но это редко. За свою жизнь Василий помнил один такой случай и то еще в детстве. Каждый клочок земли вдоль извивающихся ручьев, бутырского и завражного, кем-то занимался.

Ближе к полудню капусту стаскали, рубили уже в пятеро рук, потом опускали в погреб, в бочки. Колька с Татьяной грызли кочерыжки, Дмитрий стоял в стороне, курил, он уже не стеснялся родителей. Василий подошел с пустыми ведрами к колоде, приказал негромко:

- Ты б, девка, матери подсобила, а то ей там тошно одной-то. Татьяна полезла в погреб, слегка приподняв подол сарафана.

- Ну, а вы чего, - Василий осмотрел сыновей, - курить опосля будем, давай-ка таскать, не то дождя дождемся, будем по грязи бегать. Василий поднял голову, посмотрел на небо. Из-за завражного бугра северный ветер нес низко над землей сплошные, темные тучи.

- Не сегодня-завтра белые мухи полетят того и жди, еще молотить толком не начинали. Давай, давай, ребятки, пошевеливайся, отдохнуть зимой будем.

Под вечер заглянул Яков.

- Ай, молодцы, я как чуял - на капустник угоджу.

- Да заходи, Яков, сейчас мы управимся, попотчуюм, чем бог послал.

- Я на минутку к вам... А у нас свой праздник... Как бы это сказать, не соврать - Андрюшка-то у нас того..., оженился вроде.

- Как оженился? - Василий хотел было убирать корыто, взялся за угол, снова опустил его.

- А так... Чай, Митька-то, поди, калякал.

Дмитрий удивленно поднял глаза:

- Да я не слышал ничего.

- Шутишь ты все, дядя Яша, - Татьяна высунулась из погреба, поправила сбившийся платок.

- Шутит кобель вон у соседей моих Вырыпаевых, давеча иду по переулку, он, скотиняка, выбежал из подворотни, цап меня за сапог, хвать, ан пощупил, не прокусил до крови-то... Вот чего, давайте кончайте дело и пойдемте к нам, там и с невестой познакомитесь.

По-темному уже слегка навеселе возвращались Василий с Александрой из гостей. Александра шла чуть сзади, осторожно ступая в темноте.

- Яшка-то поедом сына ел, а тут сам же и оженил.

- Да он сизмальства жалыливый, как я помню, а шумит так только для виду. Еще отец, царство ему небесное, говорил, быть бы ему фелшаром, цены б не было... Он с виду только сердитый, а так... Знаю я его.

Вот так и перешла жить к Гудовым Маруся Львова, прихватив с собой и приданое: медный, закоптившийся самовар да три рубля денег, что дал на поклон по такому случаю по доброте душевной учитель Фомин. Все остальное было на ней. Последние дни сидели иной раз втроем в бане голышом - ждали, когда чуть подсохнет только что выстиранное гусиным мылом белье. Так и застали их сватья сидящими на полке, как куры на нашесте, в нетопленой бане. Эх, какой тут визг поднялся... Как кипятком ошпаренные, Яков с Андреем вылетели на улицу.

- Ты хоть глаза-то подними, - внушала Нина Андрею, когда они чуть прикрыли наготу и впустили гостей, - кого в жены берешь? Ведь у нее добра одна коса да две вши.

Маруся стояла красная, как маков цвет, не смела взглянуть на Андрея.

- Ну ты, сватья, больно-то девку зазря не хай, чай, она на наших глазах росла, знаем мы ее сызмальства, - возразил Яков.

- Да я и не хаю, - как-то обреченно проговорила Нина, - только чтоб потом не покаялись да не выговаривали мне, а пуще ей...

Одна бабка Марфа сидела на лавке у порога, безучастно покачивая головой.

Уже потом, вечером, сидя у Гудовых за столом, выпив стаканчика два вина, Нина расплакалась, хвалила дочь Антонине с Александрой:

- Ведь она у меня золотая, у нее в руках-то все горит, да ее приодень да накорми сладко, не хуже той барыни будет.

Потом снова плакала, причитала:

- Уж вы не обессудьте, сватья, какая есть - вся тут, смотрите, чтоб потом локти не кусать.

Дочери же внушала:

- А ты будь поласковее с родителями-то, ведь как говорят "ласковый телок двух маток сосет", гонор свой не показывай, не с чего, и это... первое время хотя бы ешь щи кочедычком*, да стряхивай, а то скажут потом: "Невестка-то нас и объела...".

Маруся возмутилась даже:

- Ну ты что, мама, знаю я все, да и Андрюша в обиду не даст, он жалостливый, - украдкой посмотрела на жениха.

- Пожалел волк кобылу - оставил хвост да гриву. Они все жалъливые да масляные, пока не попробуют, или уж...

Однако тут Маруся так взглянула на мать, что та сразу и смолкла.

- Я так скажу, сватья, - кричал захмелевший Василий, - не боги горшки обжигают, будет лад, будет и богатство. Вот мы с Александрой,

* Кочедык - инструмент для изготовления лаптей.

почитай, с табуретки начинали, а сейчас, слава богу, на ноги встали, детей вон, виши, каких орлов поднимаем. Вон у меня Миколька, тот...

- Мели, Емеля... У тебя дети, а у других нет, - остановила его Александра. Сама же была довольная, когда муж на людях нахваливал своих детей, возмущалась только так, для виду.

Перебираться к Гудовым Нина категорически отказалась.

- Я дочеке не помеха...

Сама уж какую неделю рыла себе землянку. Завершали ее уже семейно, и в зиму Нина с матерью перешла жить в свой угол.

31

Недели две, пока подживали кровоподтеки на лице, раны на губах затягивались кровавой коркой, да на груди под кожей хрустело, будто по снегу в мороз идець, Владимир Казимиров сидел дома, нос не высовывал. Выйдет только во двор, умоется у бочки, оботрется полой рубахи и сидит под сентябрьским нежарким солнышком, тоскует. Или заглянет к соседу валильщику Маслову, покурит с ним, с интересом наблюдая за его работой. Сидор Маслов, горбатенький, шуплый старик, кивнет приветливо, а сам работает себе. Берет на глазок или по весу штуку шерсти, в зависимости от размера заказа, расстелет по столу и давай взбивать ее струной, пока она не запушится. Потом делает войлок и придает нужную форму на деревянной колодке. Заготовки жарит в печи и потом уж чистит пемзой. Если валяет белые валенки, то белит в завершение мелом. Так за день, если не лениться, две-три, а то и четыре пары валенок свалить можно. В избе застоявшийся запах шерсти, пота, кислоты.

Жена его Пелагея, молчаливая и всегда сердитая, временами кашляет до посинения. В перерывах между приступами кашля ругает мужа, обвиняя его в нерадивости и нерасторопности. Поучает:

- А ты б, чай, как другие мастера, вон Крюков Фома, от каждой пары клок шерсти сэкономит, глядишь, и семью обули, - последние слова говорит, уже еле сдерживая кашель, долго откашливается, сплюнет в ведро под умывальником. Сидор остановится даже, ждет, что она еще скажет.

- Ты хоть бы девок обул, не говоря про себя... У других мужики, как мужики, а этот...

- Наше дело такое, сама давеча говорила, сапожник всегда без сапог...

- Вот и поговори с таким...

Сидор усмехался, продолжал стучать колотушкой.

Две его дочери-погодки Устя и Фаина, пятнадцати и шестнадцати лет, подрабатывали уже прачками, дома бывали только по воскресе-

ньям. Чуть завидят Владимира с подбитым глазом да распухшими губами, давай дразниться... Закричат наперегонки: "Паровоз, разбитый нос, у купца муку унес...". Вовка цыкнет на них незло, девки завизжат, метнутся в дверь. Серьезно их Владимир не принимал, как-то и в голову даже не приходило, привык уж, наверное, к ним.

По вечерам сидел с ними на лавочке у дома, рассказывал разные истории, больше выдумывал их. Грызли семечки, провожая глазами проходящие мимо поезда.

32

Недалеко от кафедрального собора в Самаре, ближе к Волге, размещалась малярная мастерская "Беляков и К". Это больше для солидности. Собственно, вся компания состояла из хозяина Павла Семеновича Белякова, крепкого, высокого, слегка сутуловатого мужика, и трех-четырех подмастерьев. Выполняли заказы по ремонту купеческих квартир, покраске домов, железных крыш. Иногда, к годовым праздникам, нанимались белить церкви. Раз даже было, когда Беляков Павел, работая еще в паре с братом Родионом, взялись белить и украшать кафедральный собор. Лет шесть как Родион погиб, упал с лесов, с тех пор Беляков и работает один.

Вот к нему и пришли ранним октябрьским утром, когда чуть прояснилось небо, Андрей Казимиров с сыном. Вошли с улицы во двор, залаял злобно и бросился на них по натянутой с угла на угол проволоке во дворе огромный черный пес, чуть успели выбежать и захлопнуть калитку.

- Ты что, аль не узнал меня, чай, вместе по помойкам-то лазили...

Вот ведь, среди бела дня и на людей собак травят, - матюгнулся Андрей, заглядывая через забор.

- Да тут звонок вон, должно, у двери-то, - Владимир показал на висевший шнур.

- Ну дак звони, чего ждать...

Подергали за веревку, где-то в доме еле слышно звякнуло. Из двериглянула женщина в сарафане.

- Кто тама?

- Тут ли мастер Беляков проживает? - звучно спросил Андрей, слегка приоткрывая дверь и косясь на злобно рычащего пса.

Женщина взяла кобеля за ошейник, попридержала.

- Проходите ментом, а вообще-то здесь мы не ходим, вон с переулка дверь у нас есть.

Вошли в просторную избу, сразу запахло краской, олифой, керосином. В середине избы большая русская печь с подтопком, справа кухонный стол, медный тульский самовар на нем. За печкой слева видна деревянная кровать со множеством больших и малых подушек

разного цвета. Сразу у двери лавка вдоль стены и деревянная кадка для воды.

- Вы по какому дельцу к нему? Он сейчас подойти должен.
- Да вот наниматься в работники хотим.

Женщина оценивающе посмотрела на Казимировых, прошла к подтопку, сняла кастрюлю с кипящей водой, поставила на табуретку, прикрыла заслонку у печки.

- Пойдемте-ка я вас в рабочую отведу, там и обождете, - предложила она мужикам.

Через длинный коридор провела Казимировых во вторую половину дома, где и размещалась мастерская. В сумерках за большим дубовым столом сидели трое молодых парней лет по семнадцать-восемнадцать, чему-то громко смеялись. Чуть завидели хозяйку, дружно стали толочь в ведрах известье. Хозяйка строго посмотрела на них, однако сдержалась. Казимировы сели на лавку, стали ждать, подмастерья продолжали работать, изредка бросая на них взгляды. Вскоре пришел хозяин, провел их в контору.

- С чем пожаловали? - Беляков вопросительно посмотрел на гостей.
- Да вот сына на работу не возьмете ли?
- Сам-то кто будешь? - Беляков достал табакерку, начал с наслаждениемнюхать табак.

- Мое дело простое: круглое - кати, с углами - на себе неси... Крючник я, по пристаням промышляю.

- А я уж думал сам ко мне, - Беляков усмехнулся, - тебе как раз по крышам лазить. Не время сейчас вы выбрали, зима на носу, какая покраска. Беляков что-то прикидывал в уме, приглядываясь к Владимиру.

- Вино-то еще не научился пить?
 - Рано ему еще об этом думать. Да он парень крепкий, вы не сомневайтесь...
 - Ну ладно, так тому и быть, приму я его учеником пока, если говоримся... Значит так, кладу жалованье двадцать пять рублей, ну а там видно будет. И у меня смотри... Я не отец, вихры-то быстро оттрепаю.
 - Уж это как вашей милости будет угодно, - обрадовался Андрей.
- Владимир смотрел угрюмо. Ему не очень-то хотелось сидеть в этой затхлой темноте среди красок целыми днями, однако деваться некуда. С этого дня он начал работать в малярной мастерской.

33

В первое воскресенье после Покрова дня к Василию Гудову нарянули сваты из Мазы. Гудовы завтракали: похлебали щей из свежей

капусты с солоницкой, Александра подала зарумяниенныё, со сладко-маслянистой корочкой плюшки, на разделочной доске у шестка стала резать большими кусками пирог с картошкой. Тут сваты и явились шумной гурьбой: во главе - Петр Макарович Калев, грузный бородатый мужик, еще брат его меньшой, мельник хроменький Афанасий, тут же с ними свояки Кузьма и Конон, оба скорые на ногу и бойкие на язык - для чего и взяли. Сам жених Иван Калев смироно стоял за их спинами, краснел да улыбался глупо, хоть и был не робкого десятка.

- Мир этому дому, хозяйке слава, а хозяину низкий поклон, - Петр Калев снял картуз, перекрестился на образа, поклонился хозяевам, - хлеб да соль...

- Садитесь с нами, гостями будете, добрым гостям всегда рады, - ответил чинно Василий Татьяна, чуть завидев Ивана, встала и стремглав убежала в переднюю комнату.

- А мы как чуяли, что к столу попадем, прихватили с собой бражки да пива жбан. Ну-ка, слетайте кто, возьмите там в возу-то, - приказал бородатый сват напарникам. Кузьма с Кононом метнулись в дверь, скоро вернулись с двумя бутыльями. Александра засуетилась, убрала грязную посуду со стола, на ходу обтерла лавку, надела чистый передник. Колька сидел, раскрыв рот, даже ложку забыл положить на стол. Один Дмитрий сразу все понял и усмехаясь, поглядывал на всех. Кузьма с ходу бухнул бутыль на стол, попросил Александру:

- Давай-ка, хозяйка, стаканы, а то сейчас свои достанем.

- Что-то я вас не пойму, мужики, вино вином, а дело делом. Может, и вино-то не стоит починать, коль дельце плохое...

- А дело такое, Василий Матвеевич, ваш товар, наш купец, - Афанасий выпалил разом, - разливай, сват, по чарке, душа горит.

- Ну, ты больно быстрый, земляк, еще ни коня ни воза и сразу хомут...

- Нам пусто молоть времени нет, а то осерчаем да пойдем в другой двор посуду искать.

- Ну, это хозяин-барин.

- Помолчи-ка, - Петр сердито посмотрел на брата, - ты, хозяин, не серчай на глупом слове, а значит по стаканчику тоись и пропустить оно б не помешало, ты уж прикажи хозяйке.

Сели за стол, выпили по стакану мутной бражки, закусывая свежесоленой капустой, бросая ее в рот прямо руками. Ивану, однако, не налили. Помолчали. Конон уж сам разливал по второму стакану.

- Значит, так, - прервал молчание Петр, - слыхал я, сын вот мой Иван да дочка твоя Татьяна говорились будто, пригляднулись тоись друг дружке... Вот я и говорю, может, и мы говоримся?

- Ну, коли они сговорились, нам и калякать не об чем, - ерепенился все еще Василий. Александра незаметно ткнула ему локтем в бок, тот однако, нимало не смущаясь, продолжал:

- Они теперь хозяева, им родители не в счет, - приоткрыл дверь в переднюю, позвал, - выйди-ка на минутку, Татьяна.

Татьяна вышла, украдкой переглянулась с Иваном, потупилась, встала, привалившись спиной к бревенчатой стене. На щеках у нее играл румянец.

- Вот, виши, сватать тебя пришли, дочка дорогая, а мы и не знали, приготовиться б надо, - Василий слегка лукавил и куролесил, еще с месяц как Александра ему говорила, что вроде бы как сватов засыпать хотят Калевы-то, он и четверть вина прикупил уж давно. - Вот ты и скажи нам всем - пойдешь? - Татьяна подняла голову, в упор посмотрела в глаза отцу, ответила с придухом: "Пойду...", - у самой сердце прыгало в груди и уж подступало куда-то к шее и затылку.

- Пойду..у, - нараспев передразнил ее отец, - эх, дети, дети. Куды бы вас, дети, нешто так говорят?..

- А как надо-то, тятя? - уже смелее спросила Татьяна.

- Как надо? - опять передразнил Василий. - Надо на колени встать да просить у отца-матери согласия да благословения. Ну, а ты чего, Иван свет Петрович, бойкий вроде, слыхать, а тут и язык проглотил?

Иван, низкорослый, но плечистый, встал, подошел к Татьяне, молчал, однако.

- Я тебе вот чего скажу, да и вам, сватья, - обратился Василий к гостям. - Вы сейчас смотрите хорошо, все у вас на виду, дочка вот, а надо, любую дверь в клеть и подклеть откроем, чтоб потом не жалиться, да нас не срамить среди честных людей.

- Мы уж обмозговали, Василий Матвеевич, что да как, ты уж не взыщи, богатство дело наживное, как говорят: "Будет в доме лад - будет и клад", ну а наше родительское дело подсобить им малость.

- Ну, ежели обмозговали, тогда и разговор короткий, давай-ка, Митька, слазий в подпол за вином, негоже у себя в дому гостей их же вином потчевать.

Уже далеко под вечер, изрядно захмелев, сваты с трудом погрузились на телегу и подались домой. Проезжая через рощу, пугали задремавших на соснах ворон, распевая громко: "Бывало, вспашешь пашенку, лошадок распряжешь...".

34

Калевы и Гудовы стали готовиться к свадьбе. Как положено, загодя, сразу после запоя, жених привез за невесту кладку - двадцать рублей. Александра с Татьяной стали готовить приданое: шили наволочки, насыпеньки, нижнее белье, Татьяна вышивала рубахи жениху да отцу

жениха. Пришлось Василию раскошелиться, продал на тридцать рублей овса управляющему купца Мешкова, да центнера два яровой пшеницы отвез на мельницу Беляева. Пришлось забить едва подросшего боровка. Наварили пива, нагнали ведра два самогонки. В субботний день Василий с Александрой поехали на Мазу. Встретили их сватья приветливо. Жили они у озера, прямо за Каменной церковью. Маза - село небольшое, не чета Новодевичью, тихое, расположено как бы в яме. До Волги верст пять-шесть, да гора отраживает высокая - негде ветру поразгуляться. У подножия горы ручей пробегает, где по зимам ребятишки катаются на санках и коньках.

Сватья Анфиса Терентьевна, круглолицая, щеки, как яблоки, румяные, встретила гостей хлебом и солью. Уселись за стол. Сват сбежал в чулан, отхватил ножом большой кусок мороженой свинины с пролисткой мяса, ловко нарезал. Василий удивленно посмотрел на свежатину, переглянулся с Александрой - чего, чего, а свежатину еще есть не приходилось, ну да чего ради детей не сделаешь, к тому же в гостях, как в неволе. После второй чарки самогона свининка с солью пошла только ну. Слегка захмелев, попарно мылись в бане по-черному, измазались изрядно.

Иван в застолье не участвовал, только поклонился будущим родителям и ушел на улицу догуливать свои оставленные денечки.

После бани угощались чаем.

- Вам с каким вареньем? Вот вишневое, вот ежевичное - кушайте, кушайте.

- Спасибо, сыта уж я, - Александра раскраснелась, обтирала лицо полотенцем.

- Их вареньем-то не удивишь, у них сады не нам чета, давай-ка, сват, после баник еще по чарке, сам бог велел.

Сидели в сумерках, на стене тускло горела керосиновая лампа, отражаясь на закоптелом потолке светлыми пятнами и кольцами. За печкой вовсю трещали сверчки. Сваты притомились уж, ушли на покой, а Василий с Петром все сидели да беседовали. Время от времени Петр лазил на печку, черпал из фляги по кружке браги.

Ночью из-за Кяхтинского леса нанесло туч, посыпал мокрый снег хлопьями, завывало во вьющке.

Беседа текла мирно, хотя и громко. Каждый наперебой нахваливал молодых и всю свою родню оптом - а как же иначе - не нахвалишь, не продашь, ну а жизнь рассудит.

Потом притушили лампу, Василий растянулся, слегка качаясь, подошел к деревянной кровати, толкнул Александру в бок.

- Нути-ка, подвинься маненько...

Александра спросонья чего-то ворчала, Василий кряхтел, укладывался.

- Ну что, мать, спим что ли?..

- Ну а чаво же...

Петр из-за занавески рассмеялся громко:

- Ты, сват, как у нас Афоня Безруков, живет тут в шабрах один, мой сладкий. Бабы, эдак, сидят летним делом на лавочке, лузгают семечки да кости нашему брату перемывают, а он, Афоня-то, выбежит на крыльце и кричит: "Феня, а Феня, седня откуда каравай-то резать - от Замориных или от Смирновых?" А Феня-то подумает: "От Замориных, - кричит, - режь", а то другой раз от Смирновых прикажет.

Василий усмехнулся хмельно, повернулся на бок и скоро захрапел, причмокивая губами.

35

Вечером, на кануне свадьбы, у Гудовых собрался девичник, сошлись подруги Татьяны да двоюродная сестра Анисья. В передней поставили самовар, грызли орехи, играли в считалки, гадали на картах на женихов.

Парни ушли на улицу, Василий прибрался на дворе и тоже подался к брату. Александра ставила две квашни, слушала, как чудят в передней девки. Сначала плясали под гребешок, потом немного стихли, запели чуть слышно:

Уж как пойду я, пойду
По реке да по броду,
Меня люди спросят,
Какого я роду?
А я роду хорошего,
На лицо пригожа,
За лихим мужем-пьяницей
Моя горькая доля.
Если бы знала я только,
Что замужем лихо,
Я б плела косу по волосу,
Жила б у тятки тихо.
Уж как пойду я, пойду,
Где я в девках ходила,
Да неувижусь ль, не встречу,
Кого верно любила.

Пели еле слышно, и почему-то так грустно стало. Вспомнилось, как сама выходила замуж. Александра и не заметила, что плачет, почувствовала уж, когда слеза защекотала щеку и упала в квашню на тесто. Александра встрепенулась, утерла глаза фартуком, проговорила:

"Чего уж там... Чего бога гневить, живем и слава богу, мужик смирный,шибко много не пьет и то ладно, где ее, любовь-то, съищешь?". Усмехнулась, вспомнила, как в девках так-то вот выдавали

подругу, Клавдию Фомину за длинновязого и нескладного парня-односельчанина Федора Багрова, а Клавдия до этого-то погуливала с кудрявым гармонистом Иваном Коротиным. И вот утром, уж в день свадьбы, заплетают ей косы, а она кричит: "Кочет, кочет, не хочу за кочета...". Это прозвище у Федора такое было. Так слишком и выдали. Да... Ну, а года через два как-то повстречала ее Александра на ярмарке, нарядную, в цветастом платке и спросила:

- Ну, как ты, Клава?
- Чай, лучше моего Феди-то и нет...

Вот тебе и на... Так-то...

Александра усмехнулась снова, поставила квашню на печку, сама пошла к соседям за посудой. Дел еще много, на всю ночь хватит.

36

Чуть свет у Гудовых засуетились. Александра растапливала печь, Василий разбудил парней и Татьяну. Стали убирать лишнее с глаз долой, ставить посреди избы столы, лавки вокруг. Вскоре пришли помогать женщины: Антонина со свахой Ниной да соседка Анна Ушакова. Пекли пироги, варили лапшинник, жарили на пяти сковородах картошку на свином сале. В трех ведерных чугунах варили щи со свежей бараниной, пекли хлебы. Пришли подруги Татьяны во главе с Аниссей, начали наряжать невесту, заплетать ей косу, напевали негромко:

*Солнце на закате,
Вечер на утрате -
Сём-ка , девки, на лужок,
Где муравка, где цветок,
Где мы вечером резвились,
В хороводе веселились;
Ну-тка, примемся опять
Ту жеigorку продолжать!
Вдруг все девки спохватились,
И домой заторопились;
Лишь Танюша, дружок,
Тут присела на лужок.
Из цветов венок вила,
Будто милого ждала.
Не успела скласть в пучечки,
Как выходит из-за речки
Парень милый, красячок,
Милый Танюшкун дружок;
Подошел, к ручке прилег,
У Танюши сердце - ёк.*

* Сём-ка - ну-ка (диал. слово)

*Щечки розаном покрылись,
Сердце сердцу покорились.
Ах! Любовь - счастье одно
От природы нам дано.*

Сходились понемногу званые гости. Все ждали. Час-минут ребяташики - то Колька, то Степка в новых ситцевых косоворотках, раздетье выбегали на улицу, возвращались, кричали громко:

- Не видать еще...

Все продолжали суетиться. Василий с густо намазанными постным маслом волосами, в новых чесанках с калошами бегал то во двор, то со двора, кричал на ребятишек.

Вскоре с улицы послышались звонь колокольчиков, бросились кто из избы, кто к окнам.

- Едут, едут, глянь-ка. И верхи кого-то пустили, никак Кузьма с Кононом.

Тройка лихо подкатила к гудовской калитке, сошли дружка* Афоня Калев с женихом, да два поддружка** соскочили с коней, привязали их к плетню - у всех на чапанах по банту красному, а у Афона еще и полотенце через плечо. С других саней сошли сам Петр Калев с женой, да крестные отец и мать жениха - дальние их родственники, средних лет супруги Матеровы.

Гостей провели в избу, усадили на кухне за стол, поднесли по чарке вина. Хозяева за стол не садились, угожали только. Налили было по второй, Петр запротестовал:

- Пир пиром, от нас не уйдет, а вы нам товар покажите, а то, может, и гулять не надобно.

- Да ты что, сват, - возмутился шутя Яков, - надо было раньше смотреть, где глаза-то были. У час товар без изъяну. Ну-ка, где наша невеста, выводи к гостям.

Из чулана вывели Нину Курилку, на которую наскоро поверх одежды набросили чью-то старую фату да белое покрывало.

- Нет, это не наша, - завозмущались гости.

- Как не ваша? - петухом прыгал вокруг "невесты" Яков. - Чем не невеста, только косая на один глаз да прихрамывает малость.

Нина, и правда, закатила глаза к потолку, припадая на правую ногу, подошла к жениху, начала обнимать его, тот уворачивался. Все смеялись.

- Давайте нашу, а то счас весь дом разнесем, - Афанасий двинулся к двери в переднюю. Его не пускали, шутя и всерьез толкали, тот брыкался, как необъезженный конь, завязалась потасовка.

* Дружка - распорядитель в свадебном обряде.

** Подружка - помощник дружки.

- Ладно, сват, не ерепенься - Яков легко взял его в охапку, посадил на место, - ну, выводите нашу княгиню.

Вывели Татьяну в белом платье, в фате, к ней подтолкнули жениха. Жених с невестой поочередно подходили к родителям, кланялись в ноги, просили благословения.

Вскоре всем гамузом на тройке и нескольких подводах тронулись к церкви.

Все, что происходило потом, Татьяна видела как во сне.

Вышел отец Сергий из царских ворот с изображением икон Благовещение и четырех Евангелистов. Справа от иконы Архангела Михаила висела икона Казанской божьей матери-храмовая икона Новодевиченской церкви. Отец Сергий поклонился святым иконам, потом подошел к жениху с невестой, из рук послушника подал им по зажженной свечке. Началось венчание. Пахло ладаном и гарью. Очнулась Татьяна только тогда, когда отец Сергий спросил, по своей ли воле она вступает в брак. Обменялись медными кольцами. После этого отец Сергий благословил их, трижды обвел вокруг аналова и объявил мужем и женой.

Гуляли свадьбу три дня. По дню у жениха и невесты и потом уж догуливали, кто где мог. У Калевых на Мазе, почитай, все родня, всех, однако, не пригласишь - избы не хватит. Петр утром на лошадке вывез на гору две фляги браги, пять караваев ржаного хлеба, ковш оставил также - гуляй, народ, кто хочешь... На гору-то поднимались бойко, а уж оттуда больше кубарем скатывались. И то сказать, рассуждали мазинские мужики: "За чужой счет не пьют только два сызранских мужика, которые держат балкон дома купца Быкова - руки, вишь ты, у них заняты..."

Играл и тут и там на гармошке Афоня Тюрин. Хорошо играл, нечего сказать, гостям понравилось.

- "Тына-тына-тына-тына", - выговаривала гармошка.

Вот что-то Ермолаю Ушакову, однако, не приглянулось. На второй уже день, изрядно во хмелю, начал он пытать гармониста:

- Что-то ты, Тюря, зарядил одно и то же: "Кидай веники на баню, кидай веники на баню..."

- Могу и по-другому, - возразил Афоня.

- "Тына-тына-тына-на, тына-тына-тына-на", - еще веселее заиграла гармошка.

- Ну, а теперь: "Поросята полосаты, пороссята полосаты...", - опять закапризничал Ермолай.

Зима в тот год легла рано. Уже в середине ноября ночью выпал снег, да так и остался. На деревьях еще листья не везде облетели, а

уже в снегу. Вспаханные поля на буграх чернели плешинаами, порывистый ветер сносил остатки снега в лощины и овраги. Крестьяне с тоской и страхом смотрели на озимые - не побило б морозом.

Однако, бог милостив, в конце ноября выпал большой снег и уж только после этого ударили морозы. Заволновались неперелетные птицы, с трудом теперь доставая корм на пропитание. Прилетели красногрудые снегири, дар-валдаевскими колокольчиками перекликались друг с другом, кормясь на полянке семенами засохших и застывших трав - польни, тысячелистника и мордвинника.

Иван Сергеевич Бузин после Симбирска и Казани съездил еще в Пензу и уж потом только вернулся домой на короткий зимний покой. Чувствовал - душа нужен праздник. В первое же утро по приезде вызвал к себе Полякова и после короткого его делового доклада спросил:

- Слыхал, Алексей, Новоселов к нам пожаловать изволили...

- Да видел давеча, гуляли по Красной с пуделем. Никак пригласить хотите? - Поляков с пониманием смотрел на хозяина, усмехался осторожно одними глазами.

- Да уж ладно, сам прогуляюсь сегодня. Ты вот чего, заложи-ка пролетку мне к обеду, в Тереньгу будто, и это, спрячь ее потом суток на двое-трое.

- Как прикажете...

С юношеских лет Иван Сергеевич пристрастился к картам, играл редко и по малой, однако были случаи, когда во хмелю просаживал по десятку тысяч рублей, потом горько раскаивался, долго не играл, но проходили два-три месяца и снова непреодолимо тянуло к картам. Играл со своим братом-купцом, офицерьям да прочим чиновным людом разного пошиба. Когда уж совсем не было подходящей компании, звал к себе Тяглова, играл с ним, ставили по полкопейки. Сам же и давал в долг, так как у уважаемого родственника Ивана Ивановича, кроме понощенного изрядно сюртука да приятных воспоминаний, за душой ничего не было.

Отставной генерал Федор Поликарпович Новоселов, двоюродный брат Башкирова - давний напарник Бузина. Другие игроки периодически менялись.

Чуть отобедали, Бузин, как бы между прочим, проговорил, поднимаясь из-за стола:

- А что, матушка Дарья Лукинична, прикажи-ка заложить пролетку, до Тереньги нужда возникла мне доехать, а я пока приготовлюсь пойду.

Дарья Лукинична внимательно посмотрела на мужа, проговорила кипризно, с дрожью в голосе:

- Совсем ты нас позабыл, Ваня, тоскливо уж тебе с нами. День-два побудешь и снова в разъезды.

- Ну что ты, Дашенка, я мигом туда и обратно.

Заметно погрустнела Лиза. Только что щебетала без остановки и вот притихла.

- Ну, а ты чего, кумушка, нос повесила? - Бузин обнял дочь за худенькие плечи. - Вы смотрите, не расплачтесь у меня...

Тяглов сидел, опустив плешившую голову, теребил салфетку, иногда искоса поглядывал на Ивана Сергеевича - ждал, не позовет ли он его с собой. Бывали и такие случаи, но, видно, нет, в этот раз и без него полный набор. Одна теща сидела, поджав губы, иногда что-то бормотала сердито себе под нос. Иван Сергеевич чувствовал себя виноватым, но ничего поделать с собой не мог, как тот пьяница.

Вскоре в сопровождении Полякова он сел на пролетку, тронулись. Попутно заехали и переговорили с Новоселовым, послали гонцов к отцу Иоанну и доктору Нустрову. Чуть выехали из села, у Глинницы свернули в лес, и оттуда Бузин пробирался уже пешком, а Поляков, как стемнело, вернулся в село и спрятал подводу у себя во дворе, коня поставил в конюшню. Играли в большой башкировской бане у оврага. Сам хозяин был в разъезде, этим и воспользовались. Разва два в сутки сам Поляков или Филька протапливали печку и приносили в мешке еду от Напалкова. Тот, отвешивая палки две колбасы, удивлялся:

- Ты, Филипп, уж не женился ли? На широкую ногу жить начинаешь. Куда это тебе столько?

- Ты знай, накладывай... Много будешь знать, плохо будешь спать. Так-то...

- Ну-ну...

- Вина там еще бутылочки три-четыре не забудь положить.

- Какого изволите, Филипп Михальч? - насмешливо интересовался Напалков.

- Мадеры давай, да шампанского четыре, нешто пять бутылок...

И так дня три-четыре. К вечеру четвертого дня уставший и разморенный Бузин возвращался на той же пролетке домой.

38

"Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума; в нем бо звезда служащие звездою учахуся, Тебе кланятися, Солнцу Правды, и Тебе ведети с высоты Востока, Господи, слава тебе", - пел, переходя из избы в избу сельский юродивый Коля Поплевин, проглатывая часть слов и невнятно бормоча другие. В ночь перед Рождеством прояснилось. За обильными снегопадами установились, как и положено, крепкие морозы. По ночам нет-нет да в избе звучно треснет передний угол. За ночь избы выстывали значительно. От холода и сырости на двойных рамках в окнах настывали сосульки,

потом уж, ближе к обеду, когда протопят печь, таяли и текли по подоконникам и стене. В домах побогаче, где стены были оклеены обоями, протирали подоконники или укладывали тряпицы, а конец их опускали в посудину. К вечеру выливали чуть не полную.

С раннего утра сельские ребятишки с котомками ходили славить, скороговоркой проговаривая у порога: "Я пришел не так - дайте мне пятак" или просто "С Рождеством Христовым...". Им подавали мелкие деньги, пряники, конфеты, кренделя. Взрослые ходили к родне да к соседям, ну а по селу, считай, целый день бродил Коля Поплевин. К нему привыкли, ждали даже. Был он мужик смирный, в возрасте уже, с жиценькой свалившейся бородкой и плешью в полголовы. Иной раз только находило на него что-то, тогда он неистово начинал колотить себя по голове и лицу кулаками, приговаривая: "На тебе, на тебе... вот, вот, вот..." Его уговаривали: "Коля, Коля, да что ты? Ну ты ладно, не серчай, божий человек. Что уж ты так на себя-то". Держать не пытались, пустая затея, сила у него в это время появлялась неимоверная. Скоро припадок проходил и изможденный напряжением и своим недугом, ни слова не говоря, он выходил из приветившей его избы и брел по улице, опустив низко голову. Его не обижали, даже сельские собаки редко на него набрасывались, чуя что-то неладное.

Вскоре после Рождества на семью Гудовых навалились несчастья. Вначале обезножила корова, повредив на льду ногу, пришлось прирезать. Часть мяса пораспродали, часть оставили себе. Двор осиротел, даже выходить туда прибираться было тягостно, тоскливо. Ноги так и несли по привычке к конюшне, а там пусто... Другая беда пришла откуда и не ждали. Сам хозяин Василий Гудов крепко простыл, работая в найме у Бузина на лесоповале, слег и вот уже с неделю не поднимал головы. К нему неоднократно приглашали то доктора Нестрова, то фельдшера Крупнова. Те приписывали какие-то порошки, ставили банки, грели ноги с горчицей. Через неделю приказали свезти его в больницу. Вот в больнице на третью ночь он и умер, не сказав ни слова. Дежурил у кровати как раз Колька, чуть вздрогнул под утро, проснулся, а отец затих, вытянулся, нос заострился. Колька закричал, выбежал из палаты в коридор, затрясся в ознобе, перепугал сиделок. К чему-то вызвали Нестрова, тот пришел, посмотрел, закрыл Василию глаза, приказал обиходовать покойника. Все остальное: похороны, поминки, девять и сорок дней для Кольки прошли, как в тумане. Единственное, что он уяснил четко, это то, что теперь долго не будут смеяться в их осиротевшем без хозяина доме. На похороны и поминки из Мазы приезжали Татьяна с мужем, сватья. Татьяна подурнела заметно, на лице появились бледно-коричневые пятна. Долго сидели вечером на девятый уже день с матерью на лавке, переговаривались, причитали, плакали.

Так свел счеты с жизнью волжский коренной крестьянин Гудов Василий Матвеевич, оставил, однако, дальнее жизнь пытать большую семью. Так-то умирать, должно, не горестно больно-то, так бы каж-

дому, плохо, когда после тебя пусто. Рановато, правда, мужику и пятидесяти нет, ну да от судьбы не уйдешь, не спрячешься! Дети окрепнут, продолжат дело отца, так и потянемся ниточка. Дело нехитрое - землю пахать да потом ее обильно поливать, чтоб хлеб слаще был, а там и их черед придет. Так в лесу устаревшее дерево не вдруг падает, а сначала повалится чуть, обопрется на окружающие, возможно, сыновние деревья, и уж, когда совсем подточат старость да короед - упадет, превратится в тлен, но и смертью своей даст силы живущим.

39

После смерти отца Колька Гудов, не закончив и трех классов, бросил школу: нужно было как-то зарабатывать на жизнь. Брат Дмитрий вскоре женился на Екатерине Галкиной, ушел в примаки. Сошлились без свадьбы, посидели только немного вечерком все свои. Жили в добродушном доме тестя Петра Трофимовича, что на Застенной улице. Тесть в годах уже, с широкой бородой лопатой, небольшого роста, но ходкий, работал почтальоном, ежедневно оббегая полсела. Был у него еще сын Константин, который вот уж лет пять как уехал в Симбирск, приезжал крайне редко, к тому же, по слухам, последние годы пристрастился пить горькую. Порой по полгода от него не было никаких вестей.

Дмитрий звал Екатерину к себе, но та, слушаясь и боясь отца, отказалась и поставила условие, что замуж выйдет, но из родного дома не уйдет. Колька с матерью остались одни. В доме стало тихо. После многолетнего шума и гомона как-то жутко было привыкать к этой тишине. Колька быстро повзрослел, возмужал, поумнел даже - горе-то оно быстро уму-разуму учит. Из щуплого, длинноногого, белобрысого мальца превратился в складного широкоплечего парня. Жить как-то надо, одним хозяйством не проживешь, да и какое хозяйство осталось, горе одно: десяток овец да курешек десятка два и все. Кобылу Машуху отдали Дмитрию в надел.

Сразу после смерти отца Колька подался в наем к местным богатеям. Как-то ранним февральским утром заглянул к ним дядя Яков. Вошел, пустив за собой через дверь клубы пара, снял рукавицы, потер ладони.

- Здоровы были, родня, ну чего носы-то повесили, на-ка вот, Александра, моя вам пирогов тут завернула.

- Спаси Христос, Яков, - Александра приняла угождение, положила прямо в полотенце на стол у окна. - Может, чайку достать или щей? А?..

- Не, мы уж позавтракали. Я чего зашел-то. Слыхал, Миколька в школу не ходит, мне Степка давеча говорил. Ведь это худо, надо б закончить...

- Да коли уж учиться, за учебу тоже деньги надо платить, а где их взять, одни налоги повалили.

- Может, я подброшу малость, смышленый парень-то. Слыши, Миколька...,- Яков приоткрыл дверь, обратился к лежавшему на деревянной кровати племяннику, - учиться бы надо...

Тот молчал, притворился, что спит.

- Ну раз дашь, другой, чай, у тебя тоже семья, да и Антонине не больно это понравится. Чего уж там... Спасибо на добром слове.

- Ну, а коль так, то вот чего... Я слыхал, соседи мои Вырыпаевы работника себе ищут, может, дойдем к ним, покалякаем, все дело. Чай, нас на селе-то знают, испокон веку лодырей не было в нашем роду.

Вскоре вместе с Колькой они шагали в сторону Завражья.

Отец и сын Вырыпаевы жили большим домом в Завражье, сразу за больницей, содержали огромный сад, пчельник, да живности всякой несть числа. Постепенно расширяли хозяйство. Прикупили небольшой дом по соседству у вдовой солдатки, усадьбы объединили. В домике поселили престарелую мать. Со временем собирались построить на этом месте другой дом.

Сам глава семейства Тимофея Назарович, в годах, но крепкий еще старик, жил со второй женой Полиной. Вот уже лет пять как его первая припадочная жена Феня умерла. От Полины детей не было. Сын от первой жены Иван, крепкий, низкорослый мужик лет двадцати пяти, из отцовской воли не выходил, слушался во всем, женат он был уж лет шесть на Анисье Пантишиной, старшей дочери подвальского крестьянина Макара Пантишина. Род крепкий, зажиточный, одних выездных лошадей десятка два, да пара племенных жеребцов. Тимофея Назарович гордился родством, во хмелю хвалился. Анисья, крепкая, круглицая баба, в первые же два года родила сына Дему да дочку Настю, потом что-то заболела по-женски и как заколодило, рожать уж не могла, а раза два скинула. По летам и осени сам хозяин иногда отправлялся на торги то вверх по Волге, то вниз, а то и в Тереньгу. Торговал яблоками, вишней, медом. Последнее время пристрастился скупать по дешевке рыбу, сам солил и коптил ее, потом продавал, получая немалые барыши. Перед отъездом строго-настрого наказывал домочадцам содержать хозяйство в порядке, при возвращении проверял все внимательно и матюгал отборной бранью всех виновных, особенно часто доставалось сыну. Росла семья, расширялось хозяйство, своих рук уже не хватало. Последние лет пять по летам нанимали работников. Кольку Гудова приняли пока временно, мол, присмотримся, что за птица, да и мал еще, жидкотоват. Яков, как мог, нахваливал племянника.

- Чай, ты, Тимофея Назарович, нас знаешь, мы сами крестьяне не из последних. Коли б не беда, разве б пошли в люди.

Вы, Гудовы, работники добрые, но и зорники известные, знаю я вас..., - Вырыпаев погрозил Якову пальцем.

- Так-то оно так, но все ж присмотреться нужно. В общем, сговоримся так: делать по дому все, что скажу, ну а плата известная - кормежка, значит, моя, ну и три рубля в месяц положу.

На том и сговорились. Когда вышли на улицу, Яков долго наставлял племянника:

- Ты больно-то, Миколька, не ерепенься, не у отца родного. Отец и побьет коль любя, так потом и пожалеет. Этот не пожалеет... Ты уж потакай когда.

- Чего это он тебя, дядя Яша, зорником-то обзывают, а?..

- Да так.., чего в жизни не случается, может, вспомнил чего, - Яков усмехнулся.

Дело же, про которое напоминал Вырыпаев, было вот какое. Как-то субботним августовским утром лет эдак семь-восемь назад Яков убрался у себя во дворе, подмел метелкой чистенько и на тележке отвез мусор в овраг. Возвращается обратно, навстречу Вырыпаев.

- Здорово, Яков, ты откуда это с тележкой-то с утра пораньше?

Яков остановился передохнуть, закурили.

- Здорово, Назарыч... Да я уж третью ходку... Яблоки вон сдавал.

- Где? - Вырыпаев заметно заволновался.

- Да на пристани вон терентульский скупщик берет. У них, слышь ты, своих-то нет, видать, вот он и..

- И почем?

- Что покрупнее, значит, за мешок по три рубля, ну а помельче - два с полтиной.

Вырыпаев круто развернулся и бегом домой. Вместе с сыном и женой обтясли четыре аниловые яблони, в мешках на телеге свезли на пристань, а там...

Эх, как он потом материл Якова. Вечером не поленился, пришел, вызвал его из дома и давай... Яков жаловался потом Антонине: "Куда он меня только не посыпал, я и мест-то таких не знаю. Ну, за что ты меня ругаешь, - я ему, - чай, не дите, должен понимать, где правда, а где шутят. А он....".

Наутро Колька приступил к работе. Так в свои неполные пятнадцать лет он начал трудовую жизнь, да так и тянул лямку много-много лет, пока сил хватило.

Первое время Колька как мог старался, делал все, что скажут: воды натаскает из колодца, корм задаст скотине, почистит конюшни, по приказу хозяина полдня вывозит на огород навоз на деревянных

санях в большом ящике, накладывая поверху смерзшися комья. Каждое утро чистил коней железным скребком до блеска. Племенной жеребец, иссиня-черный Буян к себе не подпускал. Раза два больно кусал за руки. Стоял он в отдельной конюшне, чуть на отшибе. Сами хозяева, Тимофеи с Иваном выводили его почти каждое утро на прогулку в загон, чтоб не застоялся, держа с обеих сторон на вожжах.

Тимофеи кричал с присвистом:

- Стой, стой, каналья, - напрягая силы, держал вожжи, любовался жеребцом. - Я вот тебя, язви его душу, поозоруй мне.

Жеребец хрюпло дышал, косил на людей черным глазам, храпел, с губ его на снег ошметками падала пена, иногда розовая от крови.

Несколько раз пыгались Буяна объезжать, но не тут-то было. Сам Тимофеи, в прошлом неплохой наездник, в японскую служил кавалеристом, однако раза два упал с него, крепко ушибся. Пробовал и Иван.

- Куда тебе, поросля зеленая, поперек батьки да в пекло.

И правда, Буян сбросил его легко, играючи, с седлом перемахнул через плетень и только уж дня через два мужики заарканили его у Красного поселка.

Жил Колька у своих хозяев, спал на лежанке за печкой, домой ходил только в воскресенье. Иной раз тоска так возьмет, что хоть волком вой - дом вот он, близко, а не уйдешь, вдруг да спонадобишься. "Близок локоток, как говорится, а не укусишь". Сколько раз и плакал по ночам, спрятавшись под тулуп. Хозяин да и прочие в доме только покрикивали. Спустя две недели Тимофеи побил Кольку, а получилось вот что. Ранней весной на лето Вырыпаевы закладывали лед в яму, резали его на Волге и большими кусками возили домой, спускали в погреб, укладывали слоем в полметра, а то и больше. Потом, летом уже, опускали туда тушки мяса, рыбу, молоко, льда хватало почти до осени.

Лед возили на санях. Вот Колька, погрузив полные сани, и повез его домой.

Пока поднимался от Волги в гору, пощукал мерина, а под горку хлестнул и погнал. На повороте, у мосточка, сани резко забросило, Колька полетел кувырком в придорожную канаву. Саны перевернуло, лед высыпался. В этот день Колька и получил две хорошие затрешины, потом долго плакал на погребице, спрятавшись за связки веревок и хомуты.

С друзьями своими, Алешкой и Васькой, он встречался крайне редко. Раз как-то в воскресенье покатались только на санках, как бывало, с Бутырской горы, потом долго отогревались на печке у Гудовых. Друзья продолжали ходить в школу. Колька завидовал им, но расспрашивать стеснялся.

Вечером, когда задремал уже, пригревшись у печки, мать подошла к нему, погладила по голове, проговорила горестно:

- Ты уж прости, Коля, что так вышло, был бы отец жив, рази б
допустил он этого. Жить-то как-то надо... А ты терпи, Коля, терпи,
бог терпел и нам велел, так мне еще моя матушка говорила. Видно,
так уж на роду написано...

Колька терпел, понимал - так надо. На полученные в конце месяца
три рубля накупил кренделей, пряников. В магазине красных товаров
Макина купил матери полушалок цветастый, прибежал домой ра-
достный. Мать расплакалась, обняла его, прижала к себе.

- Ну что ты, полушалок-то зачем, чай, я не молодая, мне уж саван
пора...

Деньги аккуратно завернула в тряпичку, положила за образа.

- Тимофея Назарыч сказал, может, еще полтинник прибавит, -
похвалился Колька.

- А ты старайся, старайся, Коля, и не перечь ему, с хозяином
ругаться, все равно, что с медведем целоваться, страху наберешься,
а радости никакой. Так-то, Коля...

Так Колька Гудов, сын крестьянский, начал зарабатывать себе на
жизнь, узнал цену и горечь копейки, как узнавали науку эту тысячи
его сверстников по всей Руси великой.

41

В ночь перед Прощенным днем Колька ночевал дома. С утра еще
сквозь сон он слышал, как пришла соседка Анна Ушакова. Мать
стряпала у печки, пекла блины.

- С праздником тебя, Александра, соседушка моя дорогая, подруж-
ка закадычная.

- И тебя тоже, Нюра... Садись-ка, я тебе блинчиков вот положу.

Колька прислушался с интересом.

- Уж ты прости, Александра, может, я в чем виноватая перед тобой,
прости на недоброму деле, глупом слове.

- Бог простит..., - мать поставила ухват к печке, посуревела как-то
разом, - ты меня тоже прости, если я в чем провинилась.

Соседки обнялись, троекратно поцеловались, перекрестились на
образа. Потом сели за стол, съели по два-три блина, запивая компотом
из сущеных яблок.

Ушакова ушла. Чуть позже заглянул Дмитрий с Екатериной. Колька
уж встал к тому времени, умылся. Мать поцеловала сына с невесткой,
стала также потчевать блинами. Сходила в закутъ, принесла Дмитрию
кружку пенистой браги. Тот крякнул, выпил, морщась.

- Всяк выйдет, да не всяк крякнет.

- Угощайся, Катя, может, каши положить с тыквой? Уж не обессудь,
маслица нет.

- Не надо, матушка, - Катя после блинов вытерла руки тряпкой, - вы к нам сегодня приходили вечерком, чего дома-то сидеть, тягая просил звать...

- Спаси тя Христос на добром слове. Куда уж мне по гостям теперь хаживать, гуляйте уж без меня, а я помолюсь наедине вечерком за вас, вот и ладно будет.

- А то приходи, мама, - Дмитрий слегка раскраснелся, вытер рукавом пот со лба.

- Нет уж, сынок, вы сами приходите почаще в дом родной, пока есть к кому, а то и не к кому будет. Ты б вот муки мне на вельц намолол на неделе, а то уж кончается.

- Это можно... Так, завтра все еще опохмеляться будут, ну а во вторник утрецком подъеду. Много надо-то?

- Да мешков пять-шесть, мне хватит пока, а там видно будет.

- Лады, лады. Может, и ты, Миколька, подсобишь, спросись у хозяина-то?

- Да я бы рад, да он вроде в лес собирался.

- Ну смотри, а то приходи.

Вскоре молодые ушли, Александра собралась к обедне. Колька побежал к Аleshке Дубовому.

Пока шла в церкви обедня, на улице начиналось самое интересное. С Бутырок и Заврага, а также с низа сбирались пацаны, начинали драться стенка на стенку. Сходились обычно у Садка. Колька стоял за бутырских. Дрались человек по пятьдесят с каждой стороны. Чуть позже, когда мелкота поустанет малость, в драку вступали взрослые парни и уж потом мужики. Дрались отчаянно, до первой крови и пока на ногах. Кто упал - не тронь. Крепче любого закона из поколения в поколение выполняли эти правила. И еще одно, главное, пожалуй: драться только руками. Если у кого обнаруживали что-либо в руках, начинали бить все - и свои и чужие, были случаи и до смерти забивали. Когда Яков с Иваном Вырыпаевым и другими мужиками вступили в бой, завражных гнали уже к Садку. То тут, то там истоптанный снег густо краснел от крови. Яков, не мешкая, звезданул двух бутырских архаровцев, те отлетели в сторону, завыли. Колька набросился на дядю, но был отброшен безжалостной рукой в овраг.

- Посиди там маненько, племяш, - напутствовал его Яков.

Однако, тут и ему самому пришлось туго, обступили его с двух сторон Ермолай Ушаков да мельник Беляев, норовили опрокинуть. С разбитой губой Яков отмахивался, как мог, тяжело дышал. Вот уж и у Ермоля из носа кровь потекла по верхней губе и подбородку.

- Уtryside, Ушак..., - посоветовал ему Яков.

- Я тя сначала утру...

- Побожись...

- А вот..., - так-таки вдвоем они ухайдакали Якова. Он кувырком полетел в тот же овраг, куда только что улетел и Колька, отплевываясь там кровью, улыбался разбитыми губами.

Ваське Шляндину повезло меньше. Только было он притулился за спины мужиков, исподтишка бил бутырских, норовя угодить в подых, тут его при очередном отступлении и нагнал Панька Беляев, угодил кулачицем по скуле. Васька взмыл от боли.

В этот раз взяла бутырская сторона и обошлось безувечий, не считая десятка двух зубов и выбитой у Васьки Шляндина челюсти. Кузнец Алеша, несмотря на уговоры, в драку не вступал, остерегался.

После обедни по селу и окрестностям катались на лошадях. Устроили гонки по Биринской дороге до Поворотова бугра и обратно. Острая борьба развернулась между Поляковым на бузиновском жеребце Кедре и Иваном Вырыпаевым на Буйне. Шли один к одному, далеко обогнав всех, и уж когда только показались крылья мельниц, Вырыпаев чуть поостал. Праздник на селе ширился, густел даже, вот уж и песни раздались с Красной улицы, заиграла переливчато гармошка. Кругом смех, пьяные слезы, песни. Захмелевший изрядно отец Иоанн внушал гостю своему Тяглову: "Помяни мое слово... Придет время дьявола, будут девицы-бесстыжи лица, целомудрие будет не добродетелью, а тяготой суть, а признают за добродетель блуд и разврат. Как в "Домострое" сказано: "Зазорная девица не токмо в лице краснеет, но и стыдливые имеет уши..."

Отец Иоанн хмельно захихикал, поднял кверху палец: "Во как, стыдливые уши, это то бишь не токмо блуд творить, а и слыхом о нем не слышать..."

Тяглов сидел, понурив голову, в мутных его глазах виделось безразличие и покорность судьбе. Выпили еще по стопке вина, закусили пирожками.

- Меня все матенского еще дед мой Макар, царство ему небесное, - продолжал отец Иоанн, - бывало, посадит на колени и скажет: "Вот я не доживу, а ты доживешь, должно... Всю землю опутают дьявольской паутиной... Будут хлеб безменом вешать... И пойдет брат на брата...". Я его, бывало, слушаю и думаю: "Совсем старый рехнулся - ну к чему хлеб-то вешать, чай, бери его и ешь...". Ан нет, чую, наступают истинно такие времена и брат на брата пойдет и паутиной опутают, все будет...

Так и сидели допоздна, пока не захмелели окончательно и уж тогда подались на покой.

Вечером того же дня, когда поутихли немного пьяные компании, а то с Хохловки, то со стороны Завражья среди тишины слышалась песня одинокого гуляки: "Хаз-Булат удалой...", - на Бутырской и

Завражной горах запытали костры. Это сельские ребятишки и девчата, а то и молодые, женатые уже мужики по-своему провожали масленицу. Пели песни, плясали, прыгали через костер. Чуть бросишь охапку соломы, костер задымит, потом вспыхнет разом и в темное небо взметнутся искры тысячами горящих нитей. С новой силой заиграет пламя на вспотевших лицах молодых русичей. Более чем тысячелетнюю историю имеет этот обычай, а вот сохранился до наших дней почти в неизменном виде. Наши предки задолго еще до монголо-татарского нашествия таким образом восхваляли своих языческих богов: огня-Сворога да солнца-Ярило. Приносили им в жертву молодого барашка, хмельного вина. Вот только хлеб никогда в костер не бросали, а подавали его нищим и юродивым, хлеб считался главным "богом". Чуть в стороне катались с гор на деревянных санках. Усядутся по пять-шесть человек и только в ушах свистят, потом кубарем в сугроб. Иной озорник на ходу да в куче-мале и ухватит какую девку, где не попадя, однако ж в темноте не видно, тем дело и кончалось, праздник все спишет.

Колька с Васькой тоже были у костра на Бутырской горе. У Васьки челюсть подвязана платком. Всего несколько часов прошло, как ее с трудом вправил фельдшер Крупнов. От боли Васька выпил протяжно, кусал пальцы Крупнова, тот знай себе тянул. Вправить-то вправил, да отматюгал заодно, чтоб не лез под кулак, пока не подрос.

Костер пыпал вовсю. Колька схватил головешку, закричал: "Поберегись...", - метнул ее в овраг. Потом откуда-то принесли доску, под нее бревно и начали метать головешки в овраг и в катающихся на санках.

- Уши оборвем, бутырчата горбоносые, - угрожали из-под бугра.

Двое парней уже и вылезали из оврага, угрожающие махали кулаками. Все бросились врассыпную.

В это самое время изрядно подвыпивший Яков Гудов, воспользовавшись отсутствием в доме детей, куражился, топал ногами, кричал Антонине, брызгая слюной:

- Все жилы вы у меня вытянули, живоглоты. Я терплю, терплю, да и лопну. Убью, зарежу и сажей измажу...

Антонина больше молчала, изредка только поддакивала, держалась, однако, ближе к двери - мало ль чего придет в голову пьяному человеку.

Так проводили масленицу. Уже далеко за полночь угомонились все: и пьяные, и трезвые. Над селом установилась тишина. Ночью похолодало заметно. С Волги подул порывами ветер, барабаня по окнам голыми ветками деревьев. Где-то за окопицей завыла протяжно, томительно голодная волчица. Ей в ответ залаяли собаки со всех дворов, долго не могли успокоиться, пока не охрипли окончательно.

Наступил великий пост. Люди готовились к нему загодя, берегли и заготавливали постную пищу: тыкву, различные крупы, растительное масло, рыбу, а главное картошку, часть ее сушили как сухари. Остатки мяса солили в бочках, или закладывали в ледники на первое время.

В семье Бузиных пост соблюдался безропотно. Сам хозяин все семь недель не только не едал мясного, но и вино пил только по крайней необходимости, считая его бесовским снадобьем. Вот и сегодня чуть свет насеко перекусил гречневой кашей, запивая ее сбитнем, съел кусок пирога с морковью, засобирался.

- Пойду-ка я, матушка Дарья Лукинична, прогуляюсь, пост постом, а дело делом.

Жена помогала кухарке убирать со стола, повернулась к мужу.

- Куда сегодня, Ваня?

- Да к отцу Сергию нужда появилась показаться, по лавкам пройдусь, что к чему разузнаю.

- Сходи, сходи, к обеду только не опаздывай.

- Да вы, пожалуй, и не ждите меня, ну как задержусь...

С утра еще морозило. Вышел на улицу, снег под валенками хрупал. У многих дымились печки. Дым устремлялся столбом в небесную синеву. У церкви на ветлах каркали вороны. На дороге в соломенной трухе дрались и чирикали воробы.

В доме у отца Сергия, что возле церкви, жарко. На полу у печки закипает самовар, гулко гудит в трубе, потрескивает. Тут же хлопочет попадья, матушка Пелагея. За столом под образами с мерцающей лампадкой сидят отец Сергий и доктор Нустров, разговаривают. При появлении Бузина разговор прервался. Отец Сергий, сухонький сгорбленный старичок с редкой бородкой, встал навстречу гостю.

- Хороших людей и бог-то вовремя ведет, как раз вот с Алексеем Герасимовичем решили чайку попить по-стариковски да о жизни нашей многогрешной разговорились. Ты, матушка, собери-ка нам чего на стол, оно и перекусить не помешает.

- Вы б не беспокоились, батюшка, я только из-за стола.

- Ну мы этого не видели, за стол, за стол, а там видно будет. Так вот-с..., Алексей Герасимович утверждает, что разум человеческий - это наиважнейшее благо, и в недалеком, обозримом будущем он приведет человека к богатой и счастливой жизни. Машины-де там наизобретают и прочее...

- Я этого не говорил, отец Сергий, до богатства нам еще далеко, а вот к разумной жизни мы уже и сейчас подходим. В том смысле, что не ждать у природы милостей, а самим брать и получать, что нужно.

- А где же бог? Ведь вы, как говорите, человек верующий, а в писании сказано, что ни один волос не упадет с головы без воли божьей.

- Вот господь бог нам и поможет в этом добром деле, во благо человека.

- Человек ничто, раб божий, куда дунет, туда и полетит, какой бы сильный и богатый он ни был. Иль не так, Иван Сергеевич? - обратился отец Сергий к Бузину, приглашая его к разговору.

В это время попадья поставила на стол самовар, соленых и маринованных грибов, по тарелке пшенной каши с тыквой.

- Я с вами совершенно согласен, - поддержал Бузин старика, чуть усмехаясь, - мало того, я вообще не верю в разум человека. Нет его...

- Это как? - удивился Нустров.

- А так, нет и все, мыши съели...

- Шутить изволите, Иван Сергеевич...

- Да, изволю,уважаемый Алексей Герасимович. Ну, а если точнее выражаться, то так: умишком-то его господь бог наградил кое-каковским, но при этом и подщупил еще, наградив чрезмерным себялюбием, а главное - властолюбием.

- Вы чай-то пейте, господа, да кушайте, а то велю винца подать.., - угощала попадья, разливая чай по чашкам.

- Ни к чему это, матушка, - возразил Бузин, - зачем зазря бога гневить.

- Пречудно вы рассуждаете, - заволновался заметно отец Сергий, - начали за здоровье, а кончили за упокой.

- Ничуть не бывало, я и начал за упокой.

- Так, так, интересно у вас получается, - Нустров допил очередную чашку чая, перевернул ее вверх дном.

- А интереса тут мало. Вот сейчас смотрите, в Европе-то не сегодня-завтра опять огонь вспыхнет. Теперь вокруг Сербии заваруха намечается. Дай бог малой кровью закончится, а как нет... Так где же тут разум человеческий, я вас спрашиваю? В коем месте его искать?

Бузин даже пристукнул по столу. Матушка Пелагея укоризненно покачала головой, погрозила ему пальцем, тот не замечал.

- Ведь испокон века известно, что война, кроме горя и несчастья, большинству людей больше ничего не приносит, ан нет, не пройдет и века, как нарождается новый лихойд, которому непременно нужно мировое господство. Вспомните хоть Македонского Александра или того же Наполеона. А мы, умные-то люди, восхваляем еще их, возносим в ранг великих полководцев. Ну не глупо ли?

вно - Ну, Иван Сергеевич, мил человек, без власти тоже нельзя, - возразил отец Сергий, - эдак все государства распадутся, получится мессиво одно.

- Власть нужна, понятное дело, но не любой же кровью, да и потом, - Бузин опять усмехнулся, - тут со своим хозяйством никак не справишься, то тут, то там прореха, а другому - мировое господство подавай.

Теперь уж засмеялись все.

- Вот ведь, - сквозь смех проговорил Бузин, - это все Алексей Герасимович во грех ввел, шел к вам с делом и на тебе... Я ведь чего, отец Сергий, зашел-то... У меня тут воску пудов двадцать-тридцать залежалось, добрый воск, так не потребуется ли вам? По дешевке бы и сторговались...

- Ну, вы свою выгоду не упустите, это уж известно.

- Да уж, себе в убыток торговать нам как-то несподручно, мы люди не богатые.

- Ой ли...

- Ну да уж для божьего дела сторговались бы...

- Не поминайте бога всуе, - пожурил отец Сергий, - я и не знаю, нам-то столько и лишку будет, а вот нешто в Сызрань предложить. Будет у меня тут на днях преподобный отец Григорий из сызранской-то церкви, я ему и подскажу.

- Уж будьте так любезны, а к вам я подошло завтра управляющего. Бузин встал, поправил пояс, откланялся хозяевам и Нустрому.

- Ну, мир этому дому, пойду я.

Отец Сергий, накинув поверх рясы телогрейку, вышел проводить гостя до крыльца.

44

Весна в тот год запоздала. До апреля по утрам морозило крепко. На Благовещенье рано утром Иван Калев на санях-розвальнях привез жену погостить у матери дня два-три. Сам попил горячего отвара, покурил на табуретке у порога и собрался в обратный путь. Александра хотела было его оставить.

- Чай, побыл бы маленько, я в погреб слазию, поешь с дороги-то...

- Спасибо, матушка, поеду уж я лучше по морозцу, пока не развезло.

- Ну, бог с тобой... Не обессудь уж, зятек дорогой, сватьям поклон передавай.

Иван уехал. Татьяна разделась не торопясь, умылась в межуимке, насухо докрасна вытерлась вафельным полотенцем. Прошла к столу.

- Мне б тоже, мама, взвару налила что ли, а то промерзла, пока ехала.

Александра присматривалась к дочери. За тот период, что она отсутствовала после похорон отца и поминок, пополнела слегка, округлилась, в движениях и повадке появилось что-то особенное, бабье. Подала квашеной капусты, хлеба, налила горячего отвара, сама села к столу, подперла щеку рукой.

- Ну как ты, доченька, я смотрю, вроде справная с виду?

- А чего мне худеть-то, - Татьяна озорно посмотрела на мать, - свекор-батюшка прокормит, я у него одна покуда.

- Ладно ли живешь-то? Он, Иван, вроде смиренный или так, прикидывается?

- Смиренный, покуда спит, ну да и мы тоже не лаптем щи хлебаем.

Александра покачала головой, закручинилась.

- Ты, доченька, больно-то не гордись, муж он и есть муж, хозяин...

- Да ладно, мама, так это я, знаю я все: где голову поднять, а где и хвост поджать, как говорит мой свекор. Хорошо у меня все.

В субботу после бани, когда сумерничали у окна, Татьяна, расчесывая косу гребешком, проговорила чуть слышно:

- Я ведь, матушка, это, отяжелела...

Александра привычно вязала в полутьме носки, обернулась, переспросила, будто не расслышала:

- Чевой-то?..

- Понесла я, матушка, вот уж четвертый месяц как.

- Ну что ж, все как положено у людей. Как отец-то был бы рад, он все мечтал внучонка на ноге попестовать, хват, вот и не довелось... Дай тебе бог, доченька. Я жила за отцом в бедности, но бога нечего гневить, в ладу, дай бог и тебе.

Александра положила на табуретку вязание, встала, подошла к образам, трижды положила земной поклон. Мацинально почти Татьяна перекрестилась тоже.

На улице сгущались сумерки. К вечеру снова подморозило, заиндевели окна. Спать легли рано. После бани тянет ко сну.

45

На страстную неделю, в четверг, мастер-жестянщик Захаров Иван Васильевич, по-уличному Бродников, сухонький, сутуловатый мужик лет пятидесяти, начал украшать церковь. Собрал бригаду из пяти человек, взял с собой старшего женатого уже сына Кузьму и помаленьку приступили к делу. Подрядились с отцом Сергием на сто рублей. Собственно, ряды никакой не было, из года в год наряжали церковь за такие деньги, последние лет пятнадцать-шестнадцать украшал Иван, до него были другие мастера. Доставали из кладовых разноцветные фонари, готовили лестницы, леса, крючья, веревки.

После обеда, в тот же четверг, начали уже белить - это самое трудное и опасное. Если фонарь можно повесить шестом или спустить с колокольни на веревке, то тут нужно самому всю церковь облазить. Были случаи, когда и падали с лесов, но это редко и то кто по неопытности. Сам Иван Васильевич украшал купол, пластиаясь по нему брюхом, вниз не смотрел, жутковато все-таки.

К субботе церковь была готова, сияла, отражаясь в Волге разноцветными огнями. С утра уже собирались люди, много приезжало из окрестных сел и деревень: Мазы, Подвалья, Бектяшки, Климовки, Ягодного. Ожидали приезда архиерея. Ближе к обеду по толпе прошел слух:

- Едет, едет... Глянь-ка, кони-то, аж лоснятся...
- Расступись, честной народ, дайте дорогу первосвященному, - благоговейно уговаривал церковный сторож Фомин, - куда прешь, чумной, - срывался он на зазевавшегося с подводой мужичка.

Тройка лихо подкатила, встала у церковных ворот. Архиерей Пимен, немощный, с тусклым взглядом старичок, поддерживаемый послушниками, с трудом ступил на землю, поклонился православному народу. В сопровождении отца Сергия прошел в церковь. В это время отец Иоанн, с красным от чрезмерного употребления вина носом на сморщенном лице, освящал у иконостаса куличи, пасхи, крашеные яйца. Молча поклонился архиерею, подошел к руке.

В полночь началось богослужение. С первыми пасхальными песнопениями, хоругвями и иконами, с зажженными свечами вышли из храма. Медленно, торжественно обошли его кругом, остановились перед закрытыми воротами. В темноте на лицах мелькали отблески от свечей, сияли глаза. Архиерей Пимен встал на приступок, окинул всех взглядом и запел тихим, но пронзительным голосом: "Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробах живот даровав". Все подхватили. Распахнулись двери церкви, все вошли в божий храм. Начали поздравлять друг друга, обнимаясь и целуясь троекратно, забывая в этот момент заботы и горести прошедших дней. Только и слышно: "Христос Воскресе, Христос Воскресе".

Началась служба. Александра стояла в стороне у столба, молилась: "Господи всемилостивый, упокой душу раба твоего, мужа моего Василия. Дай детям нашим свет увидеть, не карай их за грехи наши. Пошли Татьяне ребеночка здоровенького, Дмитрию - силы да мудрости, Николаю - терпения. Ему-то всех горше, господи, без отца да среди чужих людей. Себе ничего не прошу, и так много дадено, разве что на детей поглядеть да порадоваться, внучат попестовать..." Александра и не заметила, что плачет, почувствовала уж, когда слеза докатилась до верхней губы, защекотала ее. Не таясь, вытерла ее платком, продолжала свою молитву.

После пасхи начали сеять яровой клин. Вначале, пока земля не потеряла влагу, рожь и пшеницу, чуть попозже - ячмень и потом уж овес. Колька работал теперь от зари до зари у Вырыпаевых, лишь на два дня отпустил его хозяин помочь матери посадить картошку. Сразу после посевной хозяева собирались на торги в Сызрань с прошлогодним медом да льном. Кольку с собой не взяли.

В субботний день бабы занимались в бане стиркой. Навалили груду белья, начали стирать. Колька носил из колодца воду.

- Ты б печку затопил, а то, должно, еще вода-то спонадобится, - приказала Анисья, сама согнулась над деревянным корыгом, - бельища-то сколько, вроде вот только к празднику стирали. Давай рубаху-то простирунту тоже заодно.

- Да ладно, дома, чай, поменяю, - возразил Колька.

- Ну, смотри...

Колька затопил печку, баня и предбанник наполнились дымом. Вошла Полина:

- Надымил-то, Колька...

Анисья утирала лицо и глаза рукавом, лицо ее раскраснелось, волосы спутались.

- Я чего поделаю, дрова дымят, - Колька выглянул было из бани, снова нырнул туда.

- А ты разожги получше, дак и не будет дымить. Ты, Анисья, стирай, а я пополощу пока. Миколька, помоги-ка мне...

Полина сложила стираное белье в тазы, на тележке повезли к берегу. Вскоре Колька вернулся. Заглянул в баню, дрова разгорелись, не дымили уже почти. Хотел выходить. Анисья вытерла руки о фартук, чему-то усмехнулась, потом шагнула к нему, обняла сзади, зашептала с дрожью в голосе:

- Голубок ты мой светлоголовенький, смотри-ка, какой вымахал, жених уж совсем.

- Вы чего, тетя Анисья? - Колька шагнул было к двери, хотел вырваться.

Анисья держала крепко, прижимаясь тугой, но податливой грудью.

- Я говорю, уж женихаешься, поди, девок-то шупаешь?..

Сама толкала от двери, горячо дышала в лицо.

- Да не нужен мне никто, - Колька разозлился даже, снова пытался вырваться.

- Ой ли, не нужен, а зачем подглядывал, когда я в избе третедня разболокалась?* Я ведь все видела...

* Разболокаться (диал.) - раздеваться.

- Да чего вы врете-то все..., - Колька не успел договорить, почувствовал, что падает на груду белья.

- А ты не бойся, не бойся, чай, не девка, чего бояться-то, оно, сам увидишь, как сладко, потом просить будешь, миленочек ты мой маленький.

Что было сил Колька вился выоном, укусил даже обидчицу за руку, та вскрикнула, Колька бросился вон из бани.

- Сосунок паскудный, беги к мамке, титю проси..., - слышал он вдогонку, перепрыгивая через забор на улицу. Опомнился, когда добежал до дома Алешки Дубовова.

- Ты чего запыхался, от бугая племенного что ли бежал? - Алешка встретил его у калитки.

- Да у кого-то кобель, видать, с цепи сорвался, чуть убежал, - соврал Колька.

Ночевал эту ночь он у матери, сказал, что хозяева отпустили. Мать была рада. Недели через две получил у Вырыпаевых расчет, и тот же дядя Яков устроил его младшим матросом на пароход "Башкиров", курсирующий от Казани до Самары, а то и до Астрахани.

В майские дни и ночи природа маestся, томится от чрезмерной красоты после зимнего сна. Зацвели сады, а потом и сирень с черемухой. От пряного, приторного даже запаха на душе радость и ожидание чего-то светлого впереди. В сумерках гулко летают многочисленные майские жуки. С вечерней и до утренней зари соловьи поют беспрерывно, будоража кровь молодую и одаривая пожилых людей воспоминаниями о молодости. Все плохое забыто или, вернее, за-прятано на самое дно души, помнить же в эти майские дни и вечера хочется только о хорошем, так ли уж его и много-то хорошего? У всех по-разному... Это уж у кого что на роду писано - кому крест нести, а кому блином в масле кувыркаться. И то, надолго ли? Все в этом мире быстротечно, за светлым, радостным днем наступают горькие сумерки и их тоже надо пережить суметь, надеясь на лучшую долю. Так и живем надеждой.

Часть 2

НА ИЗЛОМЕ

1

Шел июнь 1914 года. Над миром и, особенно, над Европой пахло пороховым дымом. Вопреки разуму, человечество неотвратимо приближалось и даже подталкивало себя к войне. Что может быть безумнее и позорнее этого? Всевышний наградил человека разумом и речью, сам человек с гордостью называет себя "разумным" властелином природы, однако нигде и никогда в живой природе мы не наблюдаем ничего подобного. Ни у каких живых существ нет такого, чтобы ради интересов кучки пресыщенных и разжиревших субъектов, ради стремления одного человека или десятка зарвавшихся людей на мировое господство призывать под свои знамена и принуждать даже под страхом смерти миллионы других людей, которым совершенно нет никакого дела до их амбиций.

К позору человечества войны существуют с незапамятных времен, называясь междуусобными, захватническими, освободительными, братоубийственными, гражданскими. Суть же в них во всех одна - люди убивают других людей. Мало того, во все времена превозносились полководцы, начиная от Чингизхана или Александра Македонского и кончая Наполеоном или адмиралом Нельсоном. Словом, восславлялись люди, организовавшие великие убийства. И чем больше убийств, тем больше их величие. Не прискорбно ли это? Ученые получают награды за изобретение смертоносного оружия и потом живут сытно и со спокойной совестью до глубокой старости, тогда как по логике вещей, изобретателя лука и копья, предназначенных для убийства человека, нужно было бы примерно наказать кнутом, чтоб не повадно было другим.

Всякая война не имеет права на существование, ибо у человека есть разум и язык. И тем не менее...

К началу двадцатого века резко обострились противоречия между разными странами. Англия и Франция, обладая значительными колониальными владениями, не хотели уступать место быстро развивающимся Японии, Германии и США. В 1879-1882 гг. образовался Тройственный союз, объединивший Германию, Австро-Венгрию и Италию. Франция и Россия заключили союз против Германии, позже, в 1907 году, к ним присоединилась и Англия, образовалась коалиция трех держав, получившая название Антанта. Борьба развязалась не только за колонии, но и за сферы влияния, рынки сбыта. Под ружье было поставлено множество людей, скопилось большое количество смертоносного оружия, в том числе и химического, что было еще в большом секрете. Нужен был повод или хотя бы намек на него. Повод был найден.

15 июня 1914 года Австро-Венгрия организовала военные маневры в Боснии и Герцеговине. Прибывший на маневры наследник австрийского престола Франц-Фердинанд был убит членами организации "Млада Босна" - это и послужило поводом для германо-австрийских милитаристов. Для Германии момент был несомненно выгодным. Она обладала пятимиллионной обученной армией, огромным флотом, развитой железнодорожной сетью. По совету Германии Австро-Венгрия предъявила Сербии ultimatum, в котором требовала прекратить выступления против аннексии Боснии и Герцеговины, произвести расследование убийства и допустить к расследованию австрийских чиновников. Сербия обратилась за советом к России, как к своей союзнице, и приняла все пункты ultimatum, кроме последнего. Этого было вполне достаточно: 15 июля 1914 года Австрия объявила Сербии войну. Через день в ответ на артиллерийскую бомбардировку Белграда Россия объявила общую мобилизацию. Германия ультимативно предложила мобилизацию прекратить, в ответ на отказ 19 июля 1914 года объявила России войну. 21 июля в войну вступила Франция, на другой день - Англия. 26 июля было объявлено о состоянии войны между Россией и Австро-Венгрией.

Началась мировая война, длившаяся 4 года 3 месяца и 10 дней, унесшая убитыми 9,5 миллиона человек, было ранено 20 миллионов, из них 3,5 миллиона остались калеками. Погибло большое количество мирного населения: стариков, женщин, детей. Война не щадит никого. Нельзя сказать даже, что у нее звериные законы, у войны нет законов, и потому все войны должны быть вне закона.

С развитием телеграфной и телефонной связи локальный очаг военных действий быстро распространялся на другие страны и народы. Если раньше о многих войнах и не слышали, то сейчас информация эта распространялась быстро, будоража умы и воинственный пыл горячих голов, возбуждая иллюзию быстрых возможных побед, всесилия, вседозволенности и, что всего страшнее, возможного мирового господства. И вовсе не перенаселение побуждало людей к военным действиям, многие места на земле еще вовсе не обжиты, в той же России. Возможно, и возникнет когда-либо перед людьми такая проблема, но это еще очень не скоро и к тому времени люди вполне научатся мирным путем регулировать рождаемость. Сейчас же, вопреки здравому смыслу, разгоралась самая страшная война, какую когда-либо пережили люди.

2

Весть о войне пришла в Новодевичье только к концу июля. Средь бела дня, когда большинство взрослого населения работало кто в поле, кто в лугах, протяжно загудел колокол.

- Уж не пожар ли дома-то? Посмотри там с высоты, ничего не видать? - с тревогой спросил Дмитрий Андрея. Они в это время на

острове метали стожок. Андрей стоял на верхотуре, через вершины деревьев смотрел в сторону села, прикрывшись от солнца ладонью..

- Да вроде не видать... Дай-ка я на ветлу лучше залезу, может, увижу чего.

С трудом по жерди, обхватив ее руками, сполз на землю. Снял быстро лапти, полез на ветлу, цепляясь за ветки, скрылся вскоре среди листвы.

- Ну, чего там?..

- Да не видать ничего.

Колокол продолжал гудеть, многоголосо отдаваясь от речной глади Бутырской и Завражной гор, сплошной стены леса на острове.

- Ну ладно, слазь давай, пойдем на стан, все одно вечером домой собирались да и узнаем заодно. Не к добру это, так еще никогда не звонили.

- Может, умер кто? - Андрей слез с дерева, поправлял драные штаны.

- Кто умер-то?

- Ну там отец Сергий или еще кто... Старый же ведь...

- Может, и умер, гадать не будем, подались.

В это время на церковной площади собралось множество народа, конные и пешие, большинство прямо с работы в пропотевших и вылинявших рубахах и кофтах. На деревянный помост, где обычно сражались по праздникам борцы, вышел волостной управитель Кузьма Сурков, выбранный года два назад из крестьян-середняков, снял фуражку, прокашлялся в руку, закричал зычно:

- Земляки...

Все притихли, разом замолк колокол, однако в ушах еще продолжало гудеть.

- Земляки, - снова уже тише произнес Сурков, - сообщу я вам новость нерадостную, уж простите меня на недобром слове, - поклонился толпе в ноги.

- Говори, Кузьма, не тяни жилы, - раздался из толпы голос Якова Гудова.

- ...Пришла денеша... С неделю как Россия вступила в войну с германцем, - Сурков потряс над головой скомканной бумажкой, - нам приказано сохранять спокойствие, ну и, стало быть, готовиться.

Поднялся гвалт, заговорили и закричали все разом. Женщины заплакали.

- Да, пропали наши головушки...

- Не отпустим мужиков, еще от одной войны не очухались, - закричала молодая бабенка с телеги.

- Не пущай, спрячь под подол и сиди не вставаючи... Кто тебя спросит?..

- Эт чего же это будет-то?..

- Ну, вы горло-то не больно дерите, горлопаны. Наше дело телячье, обмарался и стой, жди пока обчистят. Приказано сохранять спокойствие и потом, с завтрашнего дня объявлена всеобщая мобилизация, завтра и повестки кто получит. И чтоб без выкругасов. Вы меня знаете, чуть что и того..., - погрозил Сурков.

Когда по свету еще Дмитрий и Андрей причалили к берегу, село гудело от шума, криков, собачьего лая. То тут, то там навзрыд плакали женщины.

- Да родной ты мой, ни за понюшку табаку пропадет твоя головушка...

- Ты чего меня загодя хоронишь-то, дура, - в сердцах отвечал грубоватый мужской голос.

Исподволь на село опустилась первая тревожная военная ночь конца июля 1914 года. Мало кто догадывался, что тревоги и слезы эти надолго, что одна война незаметно перейдет в великую смуту и, как следствие ее, в другую войну. Что крови русской, да и иноземной разной литься и литься долгие, долгие годы. Не все убитые и доныне оплаканы и похоронены по-человечески, иные мягтежные души и по сей день маются в великой скорби и ожидании.

3

Через два дня Дмитрия и Андрея Гудовых провожали в армию. Вечер гуляли у Якова Матвеевича, собирались все свои человек двенадцать-пятнадцать, из чужих только Ушаков Владимир да гармонист сельский Тюрин Афоня, маленький невзрачный мужичок, но гармонист первеющий в округе. При необходимости мог одной рукой играть на гармошке, а другой опрокинуть стаканчик винца или бражки, так сказать, не отрываясь от работы. Подолгу мог играть, без устали и перерыва, никогда не пьянел до непотребного состояния. Несмотря на значительное количество выпитого вина, веселья не было. Уж несколько раз Афоня разворачивал двухрядку, заигрывал плясовую, запевал гнусаво:

- Эх, девки малы,
По горошинке.
Ничего, что малы,
Все хорошенъкие.

Стели, мать, постелюшку
Последнюю неделюшку,
А на той неделюшке
Шинель будет постелюшкой.

Вышел в круг Яков, затопал громко ногами в хромовых ботинках.

*Новодевичье на Волге
И призыва - на горе.
Мово милого забрали -
Не идут ноженьки мое.*

Потом пошел было плясать вприсядку, широко расставляя руки, мотая головой из стороны в сторону. Его не поддержали. Яков застыдился вроде, сел на лавку.

- Ну, родня, у иных на панихиде веселее бывает.

Александра с Антониной подавали на стол пироги с луком и с яйцами, жаренные на двух больших сковородах грибы, горкой, прямо на столе, лежала вяленая вобла.

Располневшая, на сносях Екатерина сидела возле мужа, заискивающе, по-собачьи смотрела ему в лицо, временами кривила губы в молчаливом рыдании, горбилась, плечи ее вздрагивали. Дмитрий крепился, только желваками играл, затравленно смотрел на окружающих. Хмель не брал. Шептал иногда жене на ухо: "Дите береги, Катя, а ты не сомневайся, я вернусь, не такой я породы, чай, я Гудов. Ты больно-то не терзай себя".

Еще вчера, лежа на деревянной кровати за печкой, они долго шептались, поочередно гладили живот, успокаивая разбушевавшееся и рвущееся на свободу живое существо.

- Бьется-то как, ножонками что ли счит? - шептала Екатерина, прячась под легкое лоскутное одеяло и прижимаясь к мужу.

Андрей с Марусей сидели под образами в переднем углу. Пил Андрей мало, наблюдая за двоюродным братом, думал: "Вот ведь, хорошо хоть у меня не беременная, господь бог отвел, если и свернут шею, дак сироту не оставлю". Посмотрел на притулившуюся сбоку Марусю, усмехнулся.

- Ты чего, Андрюша?

- Да так... Эхма...денег бы тьма да дней пятьсот празднику. Гуляй, народ. Давай-ка, дядя Петя, песню что ли затяни, - обратился он к Петру Трофимовичу Галкину. Тот сидел раскорякой, широко разметав густую бороду с проседью, хмельно улыбался. Горбатая жена его, Евдокия, ушла на кухню помогать хозяйке.

- Что же, песню можно. Как, бишь, раньше-то певали, а, Яков?..

Запел ладно, слегка хрипловатым голосом:

*Уж мы сеяли, сеяли ленок,
Уж мы сеяли, приговаривали,
Чеботами приколачивали:
"Ты удаися, удаися, ленок,
Ты удаися, мой беленький!
Не крушися, мой миленький!"
Мы ходили, ходили за ленком,
Мы ходили, приговаривали...*

Потом мужики вышли на улицу перекурить да развеяться. Яков, слегка покачиваясь, подняв кверху указательный палец, поучал Дмитрия и Андрея:

- Вы, ребята, больно-то не тушуйтесь, оно ведь кто в первую голову гибнет: кто на ногах плохо стоит да у кого корней нет. От пули-дурь уклоняйтесь да за землицу держитесь. Ваши корни в русскую, в волжскую землю глубоко уходят, деды и прадеды ее потом и кровью поливали, так что и вам крепко на ней стоять должно.

Мало кто уснул в ту ночь на селе. Чуть с петухами, снова заголосили бабы, где-то у Садка заиграла гармошка.

На подводах рекрутов отправляли в Сенгилей, провожали большой толпой до Красной речки и дальше. Только Екатерина Гудова не провожала, ее в это время отливали в чулане холодной водой Александра с Анной Ушаковой. Екатерина стонала, держалась за живот обеими руками, потом затихла.

4

Пароход "Башкиров", на котором работал Колька, в числе многих других был арендован военным министерством на перевозку военных грузов. Вот и сейчас следовали в Казань. Трюмы были забиты рекрутами из заволжских сел и деревень, многие спали вповалку прямо на палубе. Загрузились еще с неделю назад под Саратовом.

Колька дремал вместе с другими матросами в кубрике. Чуть свет его затормошил старший матрос Ваганов, коренастый и скорый на руку здоровяк. Колька очумело крутил головой. Ваганов больно, с вывертом ущипнул его под мышкой.

- Вставай, лахудра, нечего клопов давить...

- Сейчас я, дядя Сеня, - Колька вскочил, ударился головой об верхнюю полку.

- Эх ты, недотепа, все углы собираешь. Одной ногой давай наверх, палубу подрай, пока народ не проснулся, да в камбуз потом и чтоб мне...

Колька метнулся в дверь. Брел по коридору, часто в полураке натыкаясь на спящих, на него шумели, зло чертихались:

- Кого тут носит, мать твою...

На палубе было прохладно, дул легкий ветерок с верховья. В борт монотонно, шумно била волна. Колька зачерпнул за бортом ведром на веревке воду, стал draить палубу, будил спящих:

- Дядя, подвинься, помыть надо, вон там место свободное.

Ему подчинялись, вставали безропотно, отряхивали кто кафтан, кто зипун, усаживались на свободное место, закуривали.

Когда подходили к Симбирску, стало светать. В стороне Засвияжья зарозовел восток, видны были редкие огни в окнах. Причалили в

затоне к небольшой пристани. На берегу горы леса, какие-то ящики, лошади у коновязи.

Рекрутам выходить не разрешалось. Молодой стройный прапорщик объявил, что за самовольную отлучку - карцер на две недели, за побег - штрафной батальон. Рекруты, в большинстве своем бывшие крестьяне и рабочие, не понимали многоного, но сердцем чуяли, что за этими угрозами таится что-то нехорошее, потому и не помышляли о побеге.

Команде выходить разрешалось. Рассвело заметно, за пристанской площадью явственно виднелись ряды одно - и двухэтажных деревянных домов. Вот и солнце показалось из-за горы. Колька только что вернулся с берега, вместе с коком Ферапонтом Кузиным они привнесли две корзины продуктов, уложили на полках. Собирались еще идти за крупой. Колька вышел на палубу, его окликнул молодой низкорослый мужик с порыжевшими от табачного дыма усами:

- Эй, матросик, подъ-ка сюда... Вы харчи-то где берете, не в трактире ли?

- Да в лавке брали, вон через улицу, - Колька махнул рукой в сторону берега.

- Вот и ладно, там через дорогу и трактири есть, видал, небось.

- Ну...

- Ты б, малец, сделал божескую милость, принес бы нам винца, что-то уж больно сердце заныло. Шутка ли в деле, на войну ведь везут. Ехать-то еще ого-го сколько, тоскливо шибко уж. А?.. Мы вот тебе тут деньжат дадим, мужики сбросились по малости. Не откажи, любезный...

Колька оглянулся. На него с робкой надеждой смотрело множество глаз.

- Да я ведь не один пойду-то, с дядей Ферапонтом, он как?.. Уж я не знаю...

- Ну ты изловчись как-нибудь, чай, смекнешь что к чему, а лучше позови-ка нам повара-то, мы с ним сами покалываем.

- Чай, тоже человек, не камень в груди, - поддержал усатого рябой сосед. Сам снял кирзовье, в дырах и заплатах, сапоги, начал аккуратно расправлять портянки.

- Как бишь его зовут, кашевара-то твоего?

- Кок он, а не кашевар, - обиделся даже Колька, - Ферапонт Кузин.

- А по батюшке?

- А бес его знает...

- Ну ладно, зови давай...

Колька заглянул в камбуз, позвал Ферапонта.

- Чего они там? - кок освободил уже две корзины, бросил в одну из них мешок.

- А я почем знаю...

Ферапонт вскоре вернулся, не сказал ни слова.

К обеду уж ближе возвращались снова на пароход. У Кольки в корзине под пакетами с крупой лежала четверть, две другие нес в мешке Ферапонт. Мужики уж поджидали.

- Смотрите мне, чтоб ни гу-гу, - Ферапонт погрозил пальцем, передавая рябому бутылки, завернутые в драный фартук.

- Все будет шито-крыто, не сомневайтесь.

После обеда пароход отчалил, дав протяжный гудок, тронулись вверх. Группа рекрутов, видно, земляков, во главе с усатым, опрокинув по чарке, закусили хлебом с луком, сидели, вытянув ноги, глядя на волжскую гладь, разговаривали.

- А, слышь ты, куда нас дальше-то повезут из Казани? - спрашивал товарищем совсем молодой парнишка в драных портках, лаптях и видавшем виды картузе.

- Там скажут, нас не спросят, - ответил ему рябой, - должно, обучать спервоначалу начнут, ну а уж потом...

- Эх, жизня, ни тебе попить, ни тебе погулять вволю, а и пометь-то толком дома не дадут, везут черт-те куда, как вроде скот на убой, - тяжело вздохнул усатый.

- Живы будем, не помрем, дядя Саня, - возразил ему долговязый светловолосый молодец, видно, односельчанин.

- Тебе хорошо, Михоня, толковать, у тебя ни кола, ни двора, ни детей, ни племянников, а тут вон двоих архаровцев оставил, да, должно, третьего к Покрову принесет.

- Не надо было торопиться-то, - усмехаясь, возразил долговязый.

- Да кто знал, что так обернется, да и с оглядкой жить, так и перремем все. Давай-ка, Михоня, еще что ль по одной, да спой нам чего ни на то.

Спустя малое время Михоня запел негромко, но звучно, высоко.

*Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона моя незнакомая,
Незнакомая ты, нездешняя,
Что не сам я на тебя зашел,
Что не добрый конь меня завез,
Не буйные ветры завеяли,
И не быстрые реки залелеяли.
Занесла неволюшка солдатская,
Грозная служба государева.
На чужой на дальней сторонушке
Ни отца нету, ни матушки,
Ни брата нет, ни родной сестры,*

Ни младой жены, ни малых детушек.
Как на чужой дальней сторонушке
Я ложился там, добрый молодец,
На голые доски, без постельушки,
Умывался я, добрый молодец,
Все своими горючими слезами,
Утирался я, добрый молодец,
Я своей рукой - рукою правою.

Ему недружно подпевали. С другой стороны палубы и из трюмов подходили другие рекруты, с интересом и грустью прислушивались.

Солнце огромным шаром как бы нехотя закатывалось за горизонт, где-то за горной стороной Волги. В борт парохода мирно била волна, громко, с надрывом кричали чайки, сопровождая людей этих подневольных на кровавую битву.

5

По молодости лет Владимира Казимира в армию еще не призывали. Однако в середине сентября пришла повестка явиться на комиссию в Пушкинский клуб. Мать, провожая его утром, всплакнула, утиралась передником.

- Забреют моего соколика, уж таких мальцов и на прымету берут.

- Ты загодя-то не плачь, авось, и обойдется на этот раз, ну, а потом как бог укажет, - пожурил ее муж, - оно, может быть, и недолго навоюют, хотя русского мужика еще пронять надо, до живого достать, ну, а уж потом держи, барин, шляпу...

И правда, про рекрутство на медкомиссии и разговора не было. Разнагищали всех, обсмотрели, общупали и потом только отобрали человек двадцать голозадых покрепче да порослее и приказали из города никуда не отлучаться, а если и ехать куда, то загодя сообщать и брать открепную бумагу. Ну, а за ослушание грозились наказать примерно, уж как, не сказали, но хорошего, должно, жди мало.

Владимира оставили пока, а вот его отца так-таки и забрали, прислали повестку, посадили на паровоз и отправили.

Народу в вагоне скопилось множество, не продохнешь. Шли ходко, только в Батраках, что под Сызранью, сделали первую остановку, отпустили из вагонов на полчаса. Все метнулись - кто за водой, кто по нужде. Андрей в дороге накарябал карандашом письмо, сложил треугольником и теперь искал возможность, как бы его отправить. У станционного здания паровозный ремонтник указал ему в сторону почты:

- А вона там, за кочегарной трубой, виднеется, там и почта наша, поспешай, там и опустишь письмо-то, а то давай, я опущу, пойду домой и опущу...

- Да ладно, добегу...

- Ну, хозяин-барин.

Пока вокруг шумели, матерились да причитали новобранцы, Андрей писал письмо семье. Думал: "А вдруг да укокошат, пуля-дура, не разбирает, где кто, а я и не поговорил со своими по душам, все суёта какая-то, да мокреть. Жена ладно, а сын без отца, что конь без кнута, того и гляди с дороги свернет. Вот и должен я его в своем письме на путь истинный наставить..."

Андрей писал: "Здравствуйте, родные мои: супруга, богом данная Марфа и сынок любезный Володимир. Вот я и уехал от вас, толком-то и не попрощавшись, не сказав слова доброго, а вот сейчас спохватился. Оно, конечно, жить охота, а все-таки всяко быть может, не на отдых едем, а на войну. Хоть я и стреляный уже воробей, а опасение имею и хочу, пока не поздно, посоветовать вам, как жить дальше. Во-первых, Марфа, ты уж прости меня окаянного, что я такой взбалмошный был, в особенности, когда малость под парами, я и сам не знаю с чего, а начну на тебя шуметь. Вроде и понарошку сначала, а потом и впрямь чего-то всплошусь. К чему, на что и сам потом не знаешь, вроде, так положено, как у всех. Хотя к чему это, бес его знает. Словом, не серчай на меня больно-то. Вообще-то я жалыливый и тебя вот сейчас до смерти как жалко, ну как прихворнешь или с работы поднадорвешься. Ты уж не тужишибко по мне, пока и не работай через силу. Бог не выдаст, проживете как-нибудь. Коль сгину я, так знай - люба ты мне была. Ладно... Теперь так... Сынок мой родной Володимир, не живи, как охота, а живи, как бог велит. У нас в роду так исстари ведется, мы уж с тобой калякали про это. Помнишь?.. Ты уж, сынок, мать-то не забижай, жалей ее маненько, ну и дело в руки бери. Оно война-то не век же продлится, а дело в руках никогда не подведет. Может, дай бог, в мастеровые выйдешь, ты, я знаю, ловкий. Оно таскать тяжести - как я - это дурачье дело, много ума не надо, больше дурости, да и несытная это работа. Сам знаешь, сколько я всего перетаскал на горбу, а чего заработал? К силе-то дак еще голова умная нужна, вот тогда и ладно. Ну, ты башковитый, поймешь, что к чему..."

Только что проехали длинный-предлениный мост через Волгу. Надо же, до чего люди дошлиые бывают, такую машину соорудить. Мужики вон говорят, его года три строили, и то сказать, штука важная. Это еще при царе Александре Втором было, помню, отец мне рассказывал, как лес сюда возил. Я его раньше не видел, не приходилось как-то.

Вот, слыхать, встаем, остановку объявили, пойду выйду тоже, позаромнусь. Ну, бывайте здоровы. Целую вас крепко. Ваш муж и отец Андрей Пальч Казимиров."

В Пензене эшелон после недолгих маневров поставили в тупик, рекрутов разгрузили и строем повели по темным улицам в казармы. Только накануне отправили два полка на фронт.

За две недели всех остигли наголо, дважды осмотрели, сначала полковая комиссия, потом дивизионная. Из бывших служивых солдат и участников японской войны сформировали полк и прямым ходом, минуя Москву, отправили на Северо-Западный фронт.

В это время в Европе образовалось два фронта: Западный - в Бельгии и Франции, и Восточный - против России. В свою очередь русский фронт делился на Северо-Западный, от Восточной Пруссии до реки Буг, и Юго-Западный, от русско-австрийской границы до реки Прут. Чтобы избежать войны на два фронта, Германия намеревалась молниеносным ударом разгромить Францию с тем, чтобы перебросить войска на восток против России. Однако, по просьбе союзников, русские с первых же дней войны начали активные наступательные действия и тем самым сорвали замыслы германского генерального штаба.

В 1914 году наиважнейшими для России были действия в Восточной Пруссии, Польше и Галиции. Под Гумбиненом успешно началась Восточно-Прусская операция русских. Германия грозила потеряя Восточной Пруссии. Она перебросила часть войск с Западного фронта на Восточный. Это позволило франко-английской армии выиграть битву на реке Марне, что предотвратило падение Парижа.

Германская армия, воспользовавшись несогласованностью действий 1-й и 2-й русских армий, нанесла им тяжелое поражение. В прорыв на подкрепление были брошены наспех сформированные дивизии из Пензы, Вятки, Ярославля, Костромы. Восточно-Прусская операция 1914 года Россией была проиграна.

Более успешно развивались действия русской армии в Галиции. Наступление 3,4,5 и 8-й армий позволило в месяц занять всю Галицию. Австро-Венгрия потеряла 405 тысяч человек. Спасая союзников от разгрома, Германия направила срочно большие силы в Польшу - это заставило русских перейти к обороне.

На Западном и Восточном фронтах началась позиционная война.

Поля Европы на многие и многие тысячи километров, словно нити гигантской паутины, оплели сети колючей проволоки, изрезали окопы, изрыли снаряды. Земля и люди на ней стонали. Военная компания лета и осени 1914 года не принесла успеха никому. Однако воинственный пыл у многих еще не снизился. К тому же была на полную мощность запущена военная машина разных стран, принося одним горе и потерю близких, другим баснословные, невиданные в мирное время барыши. Деньги, золото, пороховой дым, противоестественная жажда крови затмили разум людей, заставили их изо дня в день продельывать непривычную работу - убивать себе подобных,

чтоб жить самому. Каждый бравший в руки винтовку, от солдата до генерала, втайне надеялся, что уж его-то чаша смерти минует. Так думал каждый. Пощадила же смерть немногих, а уж кого она избирала и по каким приметам - одному богу известно.

7

Андрея и Дмитрия Гудовых вместе с другими в Сенгилее поселили в каком-то бараке у оврага. Ежедневно гоняли на пристань на разгрузку барж. Однажды двое уронили ящик - внутри оказались винтовки, в других, что поменьше, гильзы для снарядов. Кормили впроголодь щами из прокисшей капусты да овсяной каши. Пообносились все изрядно, одевали-то на себя, что похуже, все одно пропадать, хорошую одежду жалко. Дважды водили в городскую баню, что возле базара. Дадут обмылок на двоих, плюснут тазик теплой воды, вот и вся радость.

После первого же осмотра и медицинского обследования Андрея записали в морфлот и вскоре отправили пароходом на Вятку, ну а там по железке и в Питер. Дмитрия забраковали.

- Держись, браток, черкни если чего, - крикнул на прощание Дмитрий, когда Андрей толкался уже среди других на палубе парохода "Славутич", махал полинявшей фуражкой, кричал тоже чего-то.

-...Куда писать-то? - еле расслышал Дмитрий.

А и на самом деле, куда еще его пошлют, неизвестно.

- Пиши домой, а там разберутся, - уже вдогонку закричал Дмитрий.

Пароход отчалил и, медленно набирая скорость, подался из залива. Дня через два снова всех оставшихся повели на медосмотр. Шупленский старичок-доктор долго прослушивал Дмитрия, стучал пальцем по своим костяшкам, кряхтел слегка.

- Где же это вас, батенька, угораздило так надорваться? - обратился он к Дмитрию. Покачал головой.

- А чего? Уж так худо?

Сам Дмитрий за собой особо ничего не замечал.

- Худо не худо, а сердечко у вас изрядно пошаливает. Нути-ка, лягте на кушетку... Ну так и есть, и печень увеличена. Должно, болел в детстве или юности крепко? Мать-то чего рассказывала?

- Да, вроде, и не болел...

- Может, и так, а вернее всего, ревматизм у вас, батенька вы мой, был, и сердечко потому ослабло. Словом, к воинской службе ты не пригоден, так и запишем.

- Куда же мне теперь?

- Как куда, домой...

Дмитрий не знал, радоваться ему или плакать. Теперь уж только он стал припомнить, что последние годы начал притомляться быстро, но не придавал этому значения - вроде, так и надо.

Старичок-доктор пригласил к себе двух коллег помоложе, объяснил им что-то, глазами показывая на стоявшего в стороне в одних кальсонах Дмитрия. Один из них тоже трубочкой послушал его слева, чуть ниже соска. Все расписались в журнале, Дмитрию на руки выдали маленькую справку, в которой значилось, что призывник, крестьянский сын Гудов Дмитрий Васильевич 1896 года рождения, уроженец села Новодевичья Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, в силу своего недуга к военной службе не пригоден. Однако, в военное время может выполнять трудовую повинность. Далее указывалось длинное название болезни на русском и, частью, иноземном языке. Стояла печать. С этой справкой и без единого гроша в кармане Дмитрий пешком отправился домой.

На третий день под вечер Дмитрий подходил уже к Новодевичью, шатаясь, спускался с Завражной горы у пожарки. Ночевал по пути в деревушках, за Христа ради кормился, как последний побирушка. На душе было муторно и не потому, что нашли у него какую-то болезнь серьезную, люди и с болезнью живут годами. Просто, судя по суете, которая творилась в Сенгилее, по некоторым коротким фразам военных Дмитрий понял, что над Россией нависла смертельная опасность, война эта затянется, должно, надолго.

По-темному уже подошел по переулку к дому тестя, дверь была закрыта изнутри, на кухне горел свет. Постучал в окно, занавеска отодвинулась, выглянул тесть, подслеповато заморгал. Потом, слышно, скрипнула дверь в сенях, послышался голос.

- Ктой-то?..

- Я это, батя, свой...

- Свои все дома.

Открылась дверь, в проеме показалась взлохмаченная седая борода.

- Господи Йисусе, никак Митька, Христос с тобой... Или убег?

- Отпустили меня.

- Коли отпустили, нешто с войны отпускают?

- Ну ты дай в избу-то войти, устал я крепко, ноги гудят, от самого Сенгилея пешком.

- Иди ты...

Дмитрий усмехнулся.

- Вот и иду третью уж сутки.

Вошли в избу. Сумерки, на стене еле-еле мигает керосиновая лампа без стекла.

- Что-то у вас тихо, где все?

- Мать, а мать, глянь-ка, кого я веду.

С печки из-за занавески выглянула теща, кряхтя, стала слазить, искала ногой печурку, а потом лавку.

- Подсобил бы, дед, упаду не то...

- Умела залезть, умей и слезть.

Дмитрий как стоял у порога, так и сел тут же на сундук справа от двери. Теща слезла с печи, обернулась, всплеснула руками.

- Митрий, ты это как здесь?

- Отпустили меня, маманя, справку вот дали, - Дмитрий стукнул себя по карману брюк, - болезнь нашли какую-то.

Теща закрестилась, подошла к образам, положила низкий поклон.

- Слава тебе господи, от одной беды отвел...

- Занедужил, говорит человек, а она, слава тебе господи, - заругался Петр Трофимович, сам сел на табуретку, скреб подбородок под бородой.

- Болезнь она и есть болезнь, дело плохое, слов нет, а война хуже.

- Болесть, болесть, а ты давай поесть, вишь, человек измучился.

Теща достала из печки горшок с кашей, принесла крынку молока. Дмитрий, не разуваясь, прошел к столу.

- А Екатерина-то где?

Теща будто не слышала, отвернулась к шестку. Тесть, склонив голову, крутил из махорки самокрутку.

- Тут вот какая недолга вышла... Как, значит, по утру вас проводили, с Катькой плохо стало, все водой вот отливали в чулане, в беспамятстве она, стало быть, была. К вечеру очухалась немного, говорить, вроде, стала, тебя все звала, а тут и того...

- Померла?.. - лицо Дмитрия покрылось мертвенною бледностью, губы задрожали.

- Да ты что, господь с тобой, скинула, говорю, в больнице она сейчас, жар у нее тут поднялся, я и свез в больницу-то.

Дмитрий, совсем обессиленный, как будто только что из него выщедили капля по капле всю кровь, сел на табуретку, заплакал.

- Что ты, сынок?.. У, лахудра, рассказать путью не можешь, - заругалась теща на мужа.

Дмитрий плакал и не мог остановиться. Ему казалось сейчас, что за какие-то недели две-три он прожил длинную-предлунную жизнь, полную тревог и волнений, и что ту размеренную, счастливую жизнь, что помнил он до войны, жил не он, а кто-то другой. Задремал прямо за столом, сквозь сон чувствовал, как повалили на лавку, под голову подложили фуфайку, накрыли чем-то теплым.

В конце октября, после первого снега, пароход "Башкиров" встал напротив Самары в затон на зимовку. Команду в основном расформировали. Кольке выдали на руки двадцать рублей и велели здравствовать. Колька в городе ходил в баню, в цирк. Две ночи ночевал на пристанях. Пытался найти родственников, но безуспешно. Снова спустился к пристаням, кутаясь в фуфайку, стал ждать пароход, чтоб отправиться домой. Сидел на лавке, смотрел за Волгу, на видневшееся село Рождествено с рядами серых одноэтажных домов. Справа вдали чуть виднелась гряда Жигулевских гор. Его окликнули:

- Эй, мелкота, огонька не найдется?..

Колька обернулся, сзади стоял вихрастый парень, рослый и крепкий, чем-то напоминающий брата Дмитрия.

- Не курю я...

- Иди ты, а с виду ухарь... Кто такой будешь-то?

- Кто, кто, дед Пыхто...

- Ишь, какой шустрый и зачем только таких мамки одних гулять отпускают?

Парень явно насмехался, закурил, при этом ловко сквозь зубы сплюнул под кручу берега.

- С парохода я, матрос, вон, в затоне стоим.

Колька показал глазами на противоположный берег.

- Ну, а здесь ты зачем?

- Разогнали нас всех, до весны, говорят...

- И куда же ты теперь?

- Да вот домой хочу подаваться, в Новодевичье.

- Это где, за Ставрополем?

- Ну...

- Лапти гну... Дома-то кто?

- Мать да брат с сестрой.

- А то давай к нам, я тут в малярной мастерской работаю, у нас двоих на днях на войну призвали, хозяин говорит, присмотри какого шустрого мальца, я на тебя и подумал. Тебя как зовут, матросик сухопутный? - парень опять усмехнулся, - да ты губы-то не дуй, я тебя серьезно спрашиваю.

- Николай, Гудов я...

- Ну а меня Володькой кличут, Казимиров Владимир.

Ночевал Колька у Казимировых, спал на лавке за печкой.

На следующий день утром они отправились в малярную мастерскую.

- Ты спервоначалу не груби, - поучал Владимир, - он только с виду сумной, а так ничего дядя. Пошумит, пошумит малость и все, ну треснет по затылку, коль под руку подвернешься.

- И тут...

- А ты что думал, тебя щами с бараниной сразу потчевать начнут? Хозяин он и есть хозяин, бугор, как говорят мои кореша.

- А деньги-то платят, Вовка?

- Ну как же, как положено.

- Я к тому, что ведь торговаться будет нужно.

Колька вспомнил, как торговался дядя Яков, пристраивая его к богачам Вырыпаевым.

- Ну, тут торг короткий, сколько скажет, столько и бери, не хочешь, отваливай. Меня вот за двадцать пять рублей принял, а тебя не знаю, жидковат ты уж больно.

- Ну это еще мы посмотрим...

- Ты больно-то не кобенься, деваться все одно некуда, или кати в свою деревню.

- Не деревня, а село...

- Ну все одно...

Сторговались с Беляковым на двадцать рублей в месяц и то до первого "загула", как сказал Беляков, имея в виду: чуть опоздал или прогулял - и иди куда хочешь. Так Колька Гудов, не думая и не гадая, стал маляром.

9

Осень в тот первый год войны стояла теплая и долго. Только в первых числах ноября выпал в ночь первый снег, подул было зябко холодный северный ветер, на Волге показался верховой беляк. К вечеру снег растаял, снова потеплело. До середины ноября и даже позже гоняли табуны, больше чтоб спровадить с глаз долой, кормиться особенно-то было нечем. Овцы и козы еще могли поднабраться: где листочек подберут, только что с дерева упавший, где желтую, прожаленную солнцем и безвкусную траву погрызут - тем и сыгры. С коровами и лошадьми хуже, по вечерам их нужно подкармливать сеном да овсом, а то и соломы с отрубями намешивать.

Александра Гудова держала десяток овец - нелегко сразу одним махом решить всю скотину. С лета был заготовлен малый стожок лесного сена, да уж он на исходе почти. Скормила картофельную ботву. Вечером нарезала яровой соломы, присыпала ржаной мукой, примкнула дом на крючок, собралась к сватывам.

Галкины как раз только собирались ужинать. Сноха Екатерина, бледная после болезни, с матерью подавали на стол жареную картошку на свином сале, постные щи.

- Мир дому сему, - поприветствовала Александра.
- Садись с нами, сватья, места всем хватит, - пригласил Петр Трофимович, сам вытигирал деревянную ложку об застиранную рубаху.
- Сыта я, вот только как поужинала, мне и надо-то как воробью.
- Ну ты чего, мама, садись, садись, - Дмитрий встал навстречу, принес из передней табуретку, поставил к столу.

Александра села с края, молчала. Сватья принесла рукомойник, подала ей, Александра усмехнулась.

- Наши наряды только и беречь, - сама расстегнула фуфайку, стянула шаль на плечи.

- Ты бы, мама, сняла фуфайку-то, жарко у нас, - виновато как-то улыбнулась Екатерина, снова опустила глаза. У Александры сжалось сердце. Еще дня два назад она про себя зло ругала сноху за то, что та не уберегла ребенка, и шла когда, все думала, что слова ей не скажет, а сейчас глянула и жалко стало. Вот ведь...

- Я чего пришла-то, сено вот на исходе, кормить еще не знай сколько придется.

- Дай бог, может, подморозит, сейчас только и жди, - проговорил с расстановкой Петр Трофимович, - сенцо-то оно есть, да как взять?..

- Я говорю, может, из-за Волги привезти помаленьку, жалко уж больно скотинешку, впроголодь кормлю.

- Говорил я тебе, надо порешить, к чему тебе, - возмутился было Дмитрий.

- К чему?.. Все к тому же, мне-то уж ничего не надо, скоро, похоже, вслед за отцом черед отправляться, - в сердцах запричитала Александра, - вам, чай, все стараешься.

- Порешить не наука, вот обзавестись как, - Петр Трофимович отложил ложку в сторону, достал махорку в грязном мешочке, стал крутить самокрутку; потом встал из-за стола, бросил на пол у отдушины залатанную рукавицу, опустился на одно колено, закурил.

- Ладно, сватья, бог даст, не будет завтра ветра, подплатаем дощаник да сделаем ходку, авось, и получится.

Помолчали. Слышино было, как в трубе завывал ветер. Женщины убрали со стола, стали мыть посуду.

- От Андрея-то чего слышно, а, Митька? - Александра поблагодарила за хлеб-соль, встала из-за стола, перекрестилась на образа, села на сундук у двери.

- Да встречал дня два назад дядю Яшу, письмо, говорит, единое прислал, в морфлот, будто, забрали, из Петера письмо-то, а там, вроде как, в Кронштадт отправить должны.

- Ну, дела...

- Дела, как сажа бела, не успел мужик за порог, а Маруська-то, слыхать, хвостом крутить начала, - возмутился Петр Трофимович.

- Ну, ты все знаешь, вторая Москва, - из-за перегородки возмущалась жена.

- Шило в мешке не утаишь.

- Брешут, поди, все, - Екатерина села на лавку у окна, зябко повела плечами, накрылась телогрейкой.

"Ну, эта теперь уж не нарожает, - подумала Александра, глядя на сноху, - виши, как болезнь-то скрутила, вот тебе и жители, у мужа болезнь какую-то нашли, а и жена туда же".

- Может, брешут, а может, и нет. Ведь ее, паскуду подзаборную, на улице подобрали, в дом свой ввели.

- Обласкал, видать, купецкий сынок, он, вон какой холеный да гладкий, Сергей Иваныч-то.

- А вам только того и надо, по голове погладь и бери голыми руками, паскуды.

- Ну, ты чего распакудился-то, старый хорь...

- Ладно, сватья, не ругайтесь, много, говорит, бы дал тому, кто бы разобрался в моем дому. Так-то люди сказывают. Ну, пойду я. Так, может, получится завтра, а, сват?

- Видно будет...

Александра вышла из дома. На улице было темно, под ногами чавкало, скользило. Где-то в стороне затона загудел буксирующий пароход. Шла Александра и плакала. "Вот дожила до хорошей жизни, детей рожала да растила, по ночам не спала, куска хорошего не съела и вот на тебе, под старость кукуй одна, не к кому голову прислонить. Уж скорей бы к одному концу, пока место рядышком не заняли..."

10

К вечеру на другой день на дощанике сено, слава богу, привезли, сгрузили на берег. Петр Трофимович погнал дощаник в затон на зимовку, Дмитрий сбегал домой, запряг Мацхуху и вместе с матерью перевез сено, сложил на задах в стожок.

- Ну, вот и хватит тебе на время, а там видно будет. Волга встанет, остальное перевезем, там воза на три еще осталось, - рассуждал он, отряхивая с собачьей шапки и фуфайки сенную труху.

- Перевезем, коль добрые люди не помогут, - от холодного ветра и работы морщинистое лицо у Александры раскраснелось, пальцы мелко дрожали, дышала тяжело, - вот два навильника подняла и уж задохнулась.

- Ну, пойду я...

- Чай, зайди в дом-то, посиди маленько.

В доме было тепло, за печкой трещали сверчки, пахло печеным хлебом. После третьего стаканчика бражки Дмитрий разомлел, за-

хмелел заметно. Александра сидела напротив, сложив на коленях натруженные руки, с жалостью и затаенной обидой смотрела на сына.

- Ростила, ростила деток, а к старости и дров полено принести некому, - вздохнула тяжело, на глаза навернулись слезы, - ну, Танька ладно, отрезанный ломоть, а вам-то чего в родительском доме не живется, один мотается черт те где, другой в примаки пошел из своего-то дома.

- Ну вот, опять. Чай, я рядом, позвала - пришел, надо, значит, надо.

- Позвала... Мог бы и без зова. Жили бы здесь и мне, глядишь, веселее б было. Дом-то на кого оставил?

Дмитрий усмехнулся, пригладил мокрые волосы ладонью.

- Ты рассуждаешь чисто дите...

- Да уж куда мне...

- Да нет, правда. Колька помотается, помотается, да все одно домой вернется, жениться не сегодня завтра надумает.

- Молоко ща на губах не обсохло.

- Ну это я так, к слову, когда-никогда а женится, жену в дом приведет, а тут я с семьей. Этот-то дом никуда не денется. Я это...

Дмитрий понизил голос, оглянулся даже.

- Этот дом и так наш, а оттуда мне никак уходить нельзя. Помри тесть с тещей, он, брат-то Катькин, Коська сейчас же прилупит, жить не жить, а скажет - я хозяин, что хочу, то и ворочу, продаст и все. А тут мы живем и живем, вроде так и надо, постесняется, поди, и речь заводить, ну, может, долю попросит. Дом-от добрый, жалко упускать, сама, чай, знаешь.

- Ишь ты, и в кого ты такой рассудительный вырос, всю пользу рассчитал, а мы вот с отцом как жили дураками, так, должно, дураками и помрем.

- Так мне это дядя Яша подсказал. Ты, говорит, дом-то не упусти, к нему руки малость приложить, он еще век простоят. Так-то...

- Ну, живи как знаешь, бог с тобой, это я так...

Помолчали. Слышно было, как заморосил дождь за окном, подул порывами ветер.

- Ты бы Микольке письмо что ли написал, и ни слуху и ни духу. Где мытарится?

- Да, слыхать, в Самаре к маляру в подмастерье пристроился. Постой, кто же это рассказывал? Ну да, Напалков видел, говорит, его там с неделю как...

- Напиши, пускай домой едет, нечего по чужим людям скитаться.

- Да я, может, скоро и сам в Самару соберусь, надо тут за барахлишком кое-каким, разыщу.

- Чего опять удумал?
- Да хотим с тестем бычка завалить, ну, и продать часть, деньги сейчас нужны позарез.
- Они когда не нужны были, без денег бездельник... Я тебя чего еще спросить хочу, что это за болесть-то у тебя нашли? Ай и впрямь болит где?
- Да вроде так-то не чую, а в груди, говорят, порок какой-то.
- Лядащие вы все какие-то стали...
- Такими народили... Ну, ладно, мама, пойду я пока по-светлому.
- Иди коли так. Заходи, чай, почаше, пока жива, а то и не к кому будет.
- Ну, опять.

На улице уже смеркалось. Дождь кончился, было сыро и холодно.
"Ладно хоть посуху сено-то привезли", - подумал Дмитрий, поднимаясь на гору из овражка по узкой тропинке.

11

В омшанике было темно, душно и тихо. Тишину изредка нарушали ржание коней из конюшни по соседству да лай цепного кобеля Джульбарса.

- Ягодка ты моя лесная, так бы и скушал без остатку, - шептал Сергей Бузин, склонившись в темноте над Марусей.
- Ешь, не больно жалко, с какого места начнешь?..
- Ну хоть бы со щечки...
- Да ты что, ошелел, барин, ишь чего удумал и впрямь кусает, я как на люди-то покажусь, и так не весть что, поди, болтают.
- Ну и пусть...
- Тебе-то пусть, а мне здесь оставаться...
- Боишься?..
- Пуганая ворона и куста боится. Ничего я не боюсь, от люблю свое, а там будь что будет, хоть в омут головой.
- Любишь, говоришь... Так ли? А Андрюшку что же, не любила?
- И Андрюшку люблю, только где он, Андрюшка-то?
- Так не бывает.
- Много ты знаешь...

Помолчали. Снова послышался скрип калитки, Джульбарс не залаял - значит свои.

Вот уже полгода как Маруся нанялась к Бузиным в горничные. Где-то в конце августа приехал домой на отдых после ранения Сергей, ранило его в первые же дни войны в плечо, задело кость. После

госпиталя до полного выздоровления отпустили домой. Рука отекала, сильно ныла, особенно по ночам. Чтобы как-то уменьшить боль, Сергей Иванович пристрастился выпивать. После двух-трех стаканов рябиновой боли почти не ощущал.

Как-то вечером, вскоре по приезду, изрядно подвыпив, спустился в людскую. Там горничная Маруся гладила белье, время от времени махала утюгом, разжигая угли, сама раскраснелась от жары и работы. Сергей сел на лавку, молча наблюдал, как Маруся гладила проворно, складывала белье аккуратно в стопку. Ее стройное, красивое тело с узкой талией и полными руками слегка раскачивалось из стороны в сторону. Русая коса туто уложена. Изредка обернется, посмотрит на барина, чему-то усмехнется. Сергей Иванович пьяно улыбался ей, потом подошел, обнял сзади, сдавил больно грудь.

- Да вы что, барин, вишь так можно, утюг же в руках, - Маруся пыталась вырваться.

- Разве можно на барина да с утюгом? - сам крепко сжимал здоровой рукой, тискал и мял, будто тесто в квашне.

- Пусти, барин, - Маруся умоляюще посмотрела в глаза.

- Что тогда?..

- А ничего... Куда, куда, ишь какой прыткий...

Едва Маруся успела вырваться из объятий хозяина, как в людскую с корзиной продуктов вошла кухарка. Однако дело на этом не закончилось. Дня через два молодой Бузин обманом заманил Марусю в омшаник и там силой овладел. С тех пор, вот уже четвертый месяц, омшаник был местом их встреч.

В первую ночь после случившегося Маруся горько плакала и ругала себя, а потом пообыкнала. Жизнь текла как в тумане, ей казалось, что все происходит не с ней, а с кем-то другим, а она смотрит только со стороны. Будто и не она это сама ищет встреч, шепчет ласковые слова, пеняет ему, если день накануне прошел без любви. На Казанскую Сергей Иванович подарил ей бирюзовый перстенек и цветастый полушенок, но вовсе не этим подаркам радовалась Маруся, а той любви новой, что вдруг вспыхнула в ее груди. Знать, верно говорят люди, что запретный плод сладок.

По селу слух прошел буквально сразу же, перешептывались, усмехались, глядя вслед: "Вот змеюка подколодная, мужа на войну проводила, а сама с другим тягаться, стерва подзаборная..."

До Якова Гудова слух еще не дошел. Маруся и Сергей Иванович ничего не замечали, как не замечают окружающих и насмешек большинство влюбленных. Даже в холода в омшанике было им вдвоем тепло.

Наступила зима. Волга покрылась тонким льдом, подула поземка. Вздесущие ребятишки тут же подоставали и понадевали коньки и катались на мелководье. Многие проваливались по пояс, однако, это не останавливало других. С гиканьем и свистом носились по Ерику,

а то и с обледенелой горки начнут кататься. Все им ни почем, их время еще не настало. Война - дело взрослых, а детство берет свое, хоть капельку, хоть чуточку. Иначе и быть не может.

12

К концу 1914 - началу 1915 годов кровавое колесо мировой войны набирало обороты, втягивая все больше и больше участников.

В 1915 году на Западном фронте англо-французское командование продолжало обороняться, чтобы накопить материальные средства и резервы. 22 апреля 1915 года Германия впервые в истории применила на Западном фронте под Ипром химическое оружие, было отравлено пятнадцать тысяч человек. И этот беспрецедентный эксперимент массового уничтожения и калечения людей прошел относительно спокойно, вызвал даже некоторое уважение воюющих и невоюющих стран в отношении Германии. Организаторы и исполнители этой первой варварской акции не были прокляты и преданы анафеме или хотя бы осуждены людьми, а главное, вершителями судеб людей. Тем самым и впредь была открыта широкая дорога для усовершенствования этого метода.

Весной и летом 1915 года Германия сосредоточила на Восточном фронте основные силы и готовилась разгромить Россию. После тяжелых боев фронт в октябре 1915 года стабилизировался на линии Рига-Двинск-Сморгань-Барановичи-Пинск-Дубно. Причины поражения русской армии в 1915 г. обуславливались низким военно-экономическим потенциалом России, бездарностью высшего командования и слабой помощью союзников. Россия потеряла Польшу, часть Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины.

В 1915 году в России начался экономический кризис. Он охватывал одну за другой различные отрасли промышленности: металлургия давала лишь 80% необходимого металла, добыча угля составила 40%, железные дороги не справлялись с перевозками, так как не хватало топлива и подвижного состава. Самым острым был продовольственный кризис. 47% трудоспособных мужчин было на фронте. 2,5 миллиона лошадей правительство реквизировало на военные нужды. В результате резко сократились посевные площади, снизилась урожайность. Из-за нехватки транспорта задерживался подвоз продовольствия в город. В стране быстрыми темпами росли цены на все виды товаров. Народ нищал. Однако вопреки этому часть буржуазии благодаря крупным военно-промышленным заказам от правительства за короткий срок удваивала и утраивала свой капитал, поэтому кровно была заинтересована в продолжении и затягивании войны. Подобная картина нищания низов и обогащения кучки буржуазных воротил наблюдалась во всех воюющих странах. Чувствуя слабость правящих кругов, все большую активность проявляли различного рода партии и течения, наиболее влиятельной была партия большевиков во главе

с В.И. Лениным. Кроме того, солдаты получали из дома письма, а от большевистских агитаторов - листовки и, несмотря на цензуру, были хорошо информированы о состоянии дел в селах и городах России, о надвигающейся волне стачечного движения. Так, в 1915 году в России произошло 1034 стачки, в следующем году - 1410.

Все чувствовали, что война затягивается на долгие годы, что правительства воюющих стран и полководцы не способны решительно переломить в свою пользу ход военных действий. Все это побуждало солдат к снижению военной активности и уже в 1915 году привело к случаям братания на фронте. До конца войны, однако же, было еще очень неблизко.

13

Медленно, как все томительное и тоскливо, прошла зима. Наступил долгожданный март. Днем с крыши вовсю капало, к ночи, однако, подмерзло, затягивались тонким, полуопрозрачным ледком лужи. Лед легко трещал и хрюпал, как разбитое стекло, под ногами и конскими копытами, промокали лапти, холодило ноги, на очухах образовывались гроздья сосулек.

По Бутырскому и Завражному оврагам побежали широкие и стремительные ручьи, собирая воду с полей, села, а в последнюю очередь и из леса. Ручьи шумят недели две-три. Скольких смельчаков-ребятишек унесли они да сгубили, несть числа, иных так и не вылавливали потом, хоронила Волга.

К первым числам апреля половодье стихло, на буграх появились проталины с пересохшей прошлогодней травой и едва пробивающейся зеленью.

На Сороки хозяйки пекли из теста причудливых жаворонков, вместе глаз прилаживали горошинки или сущеную вишню. Сельские ребятишки привязывали их на нитки, залезали на крыши домов, бросали в разные стороны, кричали разноголосо: "Жаворонушки, прилетите к нам, принесите нам весну красную, лето теплое, нам зима-то надоела, все сухарики поела..."

Ближе к Благовещению Александра Гудова занемогла, появились сильные боли в груди, слабость. Дмитрий с женой были вынуждены перейти в свой дом.

Был вечер, на улице похолодало. В передней протапливали печку. Александра лежала на деревянной кровати, зябко кутаясь под овчинный туалуп. Сноха пряла у окна. Монотонно гудело веретено в ее руках, когда она ловко и быстро вращала его пальцами, потом сматывала вновь образовавшуюся нитку, вязала узелки и пряла дальше. В избу вошел Дмитрий в старом чапане, подпоясанном веревкой, свалившейся бараньей шапке - он только что вернулся с мельницы.

На улице весна, а вы печь топить надумали, - разделяя в межуимке, потом сел на табуретку у порога, снял лапти, стал раскручивать промокшие онучи.

В последние годы перед войной о лаптях забыли было. Война, однако, заставила о них вспомнить, снова взялись за кочедык.

- Чего печь-то затопили, варишь что ли чего?

- Да маманя вон что-то мерзнет все, - Екатерина заткнула веретено за тесемку на прялке, - есть-то будешь?

- Да пора бы уж.., сбери-ка давай чего.

Екатерина собрала на стол, подошла к кровати.

- Мамаша, а мамаша, тебе подать чего? - Мать открыла глаза, молчала. - Весь день ничего не ела, давай хоть картошки положу вареной с маслицем постным?

- Не надо, дочка, - Александра едва разлепила спекшиеся губы, - может, капустки разве... Сил нет...

- Ты поешь, мама, а то с чего силы-то появятся, - Дмитрий тоже подошел к кровати.

- Отъела я, похоже, Митя, отъела...

Дмитрий отвернулся, отошел к столу.

- Ты это, я тебя просила Миколая вызвать, послал ли письмо-то?

- Да послал, послал, Ушаков с Беляевым в Самару поехали, с ними и послал, так-то вернее будет.

- Ну и ладно, - Александра снова закрыла глаза, затихла, дышала глубоко и часто.

В эту ночь на Волге вскрылся лед. В темноте огромные льдины, наползая одна на другую, тронулись, кое-где образовались заторы. Сельские ребятишки и многие взрослые утром сбежались на берег, с радостью и громким смехом приветствовали новое рождение родной реки. А Волга шумела, бурлила вовсю, словно тоже неистово радовалась своему освобождению после продолжительной зимней спячки.

На другой день, когда все ушли из дома, Александра к обеду собрала остатки сил, набросила на плечи полушибок, вышла на крыльцо и издали, прикрывшись ладонью от яркого весеннего солнца, долго смотрела на край видневшейся невдалеке полоски Волги с плывущим уже ровно и неторопливо льдом. Посмотрела на синее, в легкой дымке небо с редкими пригудливыми облаками. Перекрестилась. Тяжело шагая ногами, снова вернулась в избу. Вечером ее соборовал отец Иоанн: освятил елей, затем семь раз помазал больную, долго читал над ней Евангелие.

Умерла она на первый день Пасхи. Три приглашенные с Завражья старушки обмыли ее, нарядили в саван, переговаривались между собой: "Иссохла-то, иссохла-то, одни моши остались, никакой тяжести нет, говорят, все к смерти человек тяжелеет, а тут нет... Глянь-

ка, а румянец на щеках играет и лыбится вроде..." "Оно и сразу человека видно, - жизнь праведную вела и померла по-людски, прямо на Пасху, это ведь тоже не всем дадено. Так-то... Давайте помолимся, сестры, за упокой души рабы божьей Александры. Господи Иисусе, сыне божий, помилуй нас..."

14

Николай Гудов приехал в Новодевичье только к концу мая. Письмо Дмитрия до него не дошло. Еще на пароходе он узнал от знакомого односельчанина, старика Фокеева, что остался сиротой. И вот сейчас, рано утром, поднимаясь на Бутырскую гору к своему дому, с тревогой и даже какой-то непонятной надеждой смотрел на темнеющие вдали окна родного дома. Ему казалось, что вот сейчас откроется калитка и выйдет мать с коромыслом и ведрами, пройдет к роднику, что под горой, или к колодцу на соседней улице. Но нет, дом безмолствовал. "Неужели никого нет, ведь Митька же должен жить, говорил давеча Фокеев..." Мысль застать дом совершенно брошенным пугала Николая.

За тот период, что жил на стороне, Колька вытянулся, немного раздался в плечах, но сердце ныло в груди, очень хотелось после стольких мытарств прислонить голову к родному плечу, услышать слова сочувствия и даже, может быть, похвалы. За год он освоился с матросским трудом да и малярничать уж приучился, а это всегда кусок хлеба. В свои неполные шестнадцать лет он считал себя уже взрослым и самостоятельным человеком.

Дом был закрыт изнутри. Николай постучал в окно, занавеска отодвинулась, выглянуло заспанное лицо Екатерины. Калитку же открыл Дмитрий. Братья обнялись, вошли в дом.

- Ты чего же это, братан, пропал и ни слуху и ни духу. Видала его, Екатерина? Явился...

- Да не вырвешься никак, путь-то неблизкий.

Екатерина вышла из передней уже одетая, только волосы на голове еще не прибраны. Поприветствовала деверя.

- Гость в дом, а он его ругать, проходи, проходи, Коля, да ты узел-то у порога оставь, проходи давай. Притомился с дороги-то, сейчас я тебе щей вчерашних налью, перекуси...

- Ты его сначала ухватом попотчуй, чтоб не забывал родительский дом, - с некоторой обидой проговорил Дмитрий.

- Я тебя сейчас попотчу, ишь расхрабрился, год брата не видал и на тебе...

Николай только улыбался, вдыхал полной грудью до тоски знакомый запах родительского дома.

Вечером пришел Яков Матвеевич с женой и Степаном. Все удивлялись, как вырос Николай, хлопали по плечу, обнимали.

- Тебя никак за уши тянут, ишь ты, дядьку норовит обогнать.
- Да мы уж в землю растем, - Антонина сидела на сундуке у порога, к столу не садилась. Дмитрий разливал в стаканы из жбана брагу.
- Степка, а ты чего не садишься?
- Зеленый еще, молоко на губах не обсохло, - возразила Антонина.
- Да ладно.., - Степан повел плечом, тоже сел за стол.
- Я кому сказала?..

Степан был чуть ниже Николая ростом, но в плечах широк, крепаст.

- Ну, рассказывай, Микола, где бывал, чего видал? - Яков Матвеевич грыз огурец, норовя укусить его уцелевшими боковыми зубами.

Николай слегка захмелел, выпивать он еще не приучился, хотя и пробовал уже раз несколько.

- Много повидал, дядя Яша, Волгу, почитай, всю от начала до конца раза три проколесил на "Башкирове"-то, ну, а с зимы в Самаре малярничаю.

- Добро, добро. Погоди, кто-то вроде говорил, будто видал тебя мельком, Напалков что ли? Ну да... Ну, а живешь где?

- Там при мастерской жилье есть, а мы с другом Вовкой Казимировым у него и живем, это он меня в маляры пристроил.

- Так, так...
- Не слыхал про Татьяну-то? - весело перебил разговор Дмитрий.
- Нет...

- Вот тебе на, месяца три как в дядьки записали, а он и не знает. Родила она, Танька-то, сын у нее, Федюнькой назвали, толстый такой карапуз. Был я у них с месяц тому, ничего живут, у него, у Ивана-то, грыжу вроде нашли, вот и списали тоже.

- Да, дела..., ну, а вы чего же отстаете?

В избе наступило молчание, Екатерина как бы за делом скрылась за занавеску у печки, загремела посудой, Дмитрий опустил глаза. Колька понял, что спросил некстати, замолчал тоже.

- Ну, пойду я, - Степан встал, двинул к двери.
- Посидел бы с братом-то, - посоветовала мать.
- Куда там, уж заждалась, поди, - подтрунивал Яков Матвеевич над сыном, подмигнул Николаю, - женихается уж вовсю.
- Да ладно, - Степан взялся уж за дверную ручку, - может, со мной, а, Николай?
- Да нет, иди уж без меня сегодня.

Поздно вечером гости разошлись, Екатерина убирала и мыла посуду, братья вышли перекурить. На улице было тепло и тихо, кое-где

изредка лаяли собаки, небо вызвездило, от лунного света было светло. Долго курили молча.

- Тебя мать-то ждала, все до последнего выходила на крыльцо, на дорожку вот эту смотрела.

Николай молчал, глотал дым, пока в голове не закружило и не стало слегка подташнивать.

- Чего не приезжал-то, а? Столь времяя?..

- То и не приезжал, не на что было, да и боязком не хотелось домой вертаться, думал, обживусь маленько, тогда уж матери и деньжат привезу. Нас ведь с парохода-то выгнали по осени, ни к чему стали, лишние. Так-то...

Помолчали снова. Где-то в стороне Красной улицы заголосили было песню и снова смолкли.

- Слыши-ка, братка, пойдем на мазарки, а?..

- Да ты что, ночь ведь, чай, завтра день будет, да и были уж сегодня.

- Пойдем, братка, не могу я, а то я один, - Николай подался к калитке.

- Погоди, пойду скажу, что прогуляться, мол...

На мазарках, казалось, было еще светлее. Быстро нашли две могилки с дубовыми крестами, последний, ближе к краю, белел в сумерках. Колька смотрел на кресты, бугорки земли под ними и не мог представить, что здесь вот, рядом совсем, в каких-то полутора метрах лежат его родные отец и мать. Как же так можно? Вдруг он услышал, как всхлипнул один, другой раз Дмитрий, и заплакал сам. Он плакал о том, что остался один, жаловался родителям на все оскорблении и побои, что ему пришлось перенести за это время, просил прощения у матери, что не смог проводить ее в последний путь. Склонившийся рядом Дмитрий жалел неродившегося ребенка, жаловался на свой недуг, который затаился где-то в груди и, должно, ждет своего часа, рассказывал о том, что привычный мир пошатнулся. Как удержать его от падения? Как удержаться самому в нем и удержать близких?

Домой возвращались в полночь по узкой тропинке с облегченным сердцем и обновленной душой, словно родители взяли на себя груз их непомерных тягот и тревог.

По небу мирно плыла луна, освещая грешную землю синеватым светом и даря надежду на завтрашний день.

15

Купцу Бузину было предписано на период военных действий снабжать фуражом, продовольствием и прочим товаром запасной полк, расквартированный в Сызрани. Здесь формировали воинские части

из рекрутов поволжских губерний. За три-четыре месяца новобранцев обучали ратному делу. В первых числах сентября с подводами фуража Иван Сергеевич собрался ехать сам. Сентябрь стоял сухой, жаркий. По пыльной песчаной дороге к вечеру едва добрались до Троекуровки, что верстах в двадцати от Сызрани. "Вот ведь, - думал Бузин, понукая пегого мерина, - назовут тоже, к чему, на что? Может, Троекуров какой-нибудь жив? Хотя иной раз и не придумаешь, до чего диковинные названия у деревень русских бывают, ну, взять хоть вокруг вот: Кузькино - должно, Кузька основал, ну а Мазу кто, или скажем, Кошки какие-нибудь? Собакино, слыхать, есть тоже не так далеко. А ведь, должно, что-то подмечено. Словом, в названиях сел и деревень русский народ также изобретателен и хитер, как и в определении прозвищ."

Проехали мимо озерца малого, показались дома, в большинстве своем крытые соломой.

- Ты людей по домам расквартируй, да смотри, чтоб ухо востро держали, сейчас воров больше, чем волков развелось, в полглаза чтоб спали, а то и сторожей поставь, - приказал Бузин Полякову, ехавшему вместе с ним на дрожках.

- Не сумлевайтесь, Иван Сергеевич, все будет в лучшем виде, чай, не впервой. Я тут присмотрел пару добрых дворов, туда и загоним. Сами-то куда изволите?

- Ну, как знаешь. И это... Вина не пить, им, канальям, только губы помажь, начнут по селу ночь бегать и стар и млад.

На подводах управлялись в основном старики, из молодых был только Дмитрий Гудов.

Бузин, как всегда, остановился у зажиточного мужика Фомы Пугина, жившего в большом крестовом* доме чуть на отшибе, ближе к озеру. Встретил гостя Фома, коренастый мужик средних лет с окладистой бородой с проседью, приветливо.

- А, Иван Сергеевич, милости просим... А я слышу - собаки побрехали-побрехали и смолкли, думал, кто свой...

- Они уж тоже меня за своего признают, вон как хвостами виляют.

- Никак опять с фуражом? - Фома выглянул за ворота, посмотрел вслед подводам, двигающимся вдоль улицы.

- Этому, должно, конца краю скоро не жди, сказали вези - везу.

- Да уж куда, ваше дело такое.

Вошли в избу. У окна молодая, простоволосая жена Фомы шьет детскую рубашку на машинке "Зингер", рядом сгорбленная старуха вяжет носки. Молча, продолжая не глядя вязать, посмотрела на вошедших, снова уткнулась в свое рукоделие. Из передних комнат слышны детские крики, смех.

* Крестовый дом - дом, имеющий внутри две капитальные стены.

- Ну-ка, Лукерья, брось шитье-то, не видишь, человек приехал, - обратился Фома к жене.

Лукерья обернулась, карие глаза ее оживились.

- Заходите, заходите, сейчас я.

Ужинать сели на веранде, уже с керосиновой лампой. Выпили рюмки по две перцовки, сидели, закусывали.

- Ну, а ты как, Фома Платоныч, смотрю я, не бедствуешь...

- Наше дело маленькое, шивыряемся понемногу, пока вроде живем, слава богу. Обратно-то ждать или Волгой тронетесь?

- Там видно будет, надо с городской головой встретиться, показывать, что к чему...

В это время в дверь громко застучали, похоже палкой, раздался мужской хриплый крик: "Фома Платоныч, выдь на минутку, дело есть..."

- Опять..., - лицо у Пугина сразу перекосилось, из умильного и простодушного превратилось в злое и презгливое.

- Выдь, говорю, не таись, знаю, что дома...

Фома вышел на крыльцо, послышался невнятный разговор. Бузин прислушался.

- Ну чего ты опять, люди ведь, чего куражишься-то?

- Они, слышь ты, люди, а мы, значит, так себе, шелуха подсолнечная.

- Шел бы ты домой, Илья, и так уж ладно, пьяннее вина, глянь-ка, чуть стояни.

- Ты меня поил? - голос возвысился, - поил, я тебя спрашиваю? Мое дело, хочу пью, хочу пляшу, хочу так себе брошу.

- Не дури, не дури, Илья, давай по-хорошему.

- По-хорошему, я согласен. Так значит, клади на лапу тридцать целковых и дело в шляпе.

- Я тебе их где возьму, накую нешто?

- Небось, найдешь... Клади, пока не передумал, а то больше за прошу.

- На, подавись, - послышался звон мелких монет.

- Вот то-то...

Голоса стихли. Скрипнула калитка. Вскоре Пугин вошел на веранду, снова сел за стол.

- Брат это мой, младший...

- Чего это он?

- Да загулял вишь...

- Он что, тебе указ что ли? Чай, приструни.., после отца в роду ты голова. Или не так?

- Так-то оно так, да и не так... С войны он, виши ты, пришел с полгода как, а ногу там оставил, по бедро самое. По всем статьям мне должно идти, а у меня детишки, сам видишь мал-мала меньше, а он один с женой - я его и говорил. Вот штука-то какая...

Путин замолчал. На улице разом залаяли собаки, послышались пьяные голоса: "За рощей солнце закатилось, там черный ворон прокричал..."/- пел Илья со товарищи. Песня эта горькая слышина была долго, блуждала по селу из конца в конец.

16

Всего с неделю пожил Николай дома, долго не мог повидаться с друзьями. Дубовов вот уж года два как работал на лесоповале, вернее, он перевозил на конке лес по деревянно-рельсовой дороге, берущей свое начало в лесных дебрях близ Тукшума. Спаренные колеса скрепляли на расстоянии четырех-пяти метров бревном, на них укладывали лес и таким образом перевозили. За день каждый погонщик делал по три-четыре ходки, возвращался ночевать в лес с тем, чтобы поутру снова с лесом отправляться в путь. Редкую ночь удавалось переночевать дома, да в баньке на скорую руку попариться. В затоне из бревен вязали плоты и отправляли вниз по Волге.

Василий Шляндин пристроился помощником к перевозчику Куличкину. Крепкий еще, седой как лунь, старик Куличкин Пантелеем вот уже лет тридцать занимался перевозом. Редкий день не бывал он на лесной стороне Волги. Иной раз нанимали и по два раза на день, ну это летом, когда день тянется, тянется, да и загнется. Бывало, иной раз и коней перевозил, но это редко, а так больше люди да поклажа всякая. Обычно Пантелеем выжидал попутную баржу или пароход и стремительно выходил наперерез, цеплялся и плыл задарма до конца острова, там отцеплялся и плыл уже к протоке - вот, почитай, и перебрался, всего делов-то.

Уже часа два Колька ждал переправу на берегу. Наконец, из-за мыса показалась большая и крепкая лодка Куличкина, на веслах, видать, кто-то гребет. "Васька, поди, надрывается", - усмехнулся Николай. Сам Куличкин сидит важно на корме. Вскоре причалили к берегу. Василий в промокшей от пота рубахе выпрыгнул на берег, стал обнимать и тискать друга.

- А я издали еще вижу, ты не ты?.. Вроде, Митька ваш, да к чему, на что он тут, думаю...

Куличкин цеплял баркас за корягу, ополоснул руки в воде.

- Явился, пропащий, носит тебя черт те где... Ну и с чем пожаловал, Николай Гудов преподобный?

- Все добро на мне, ничего не спрятал...

- Не густо... Видать, в чужих краях жизнь тоже не сахар, вот и сидите дома, ветрогоны.

- Да я ненадолго, скоро снова в Самару.
- Ладно, дядя Пантелей, пойдем мы, сегодня-то уж, должно, некого ждать.
- Не так скажи, может, еще и будет кто, дотемна можем раз и обернуться. Побегай пока, ладно...

Друзья пошли в сторону Заврага, на Садке сели у ручья под вербы, закурили.

- Он все один ходил, дядя Пантелей-то, чай, помнишь, а тут, видать, стареть начал, глаза, говорит, стали садиться да и сила уж не та, вот он меня и взял к себе. А мне чего, не в хомут, так за оглоблю, все одно где работать.

- За день веслом намахаешься, поди?
- Бывает и так... Лешка, вон, бревна ворочает, тоже, поди, не сахар. Ну, а ты куда запропастился?
- В Самаре я сейчас, в маляры подался. Попервости был матросом на "Башкирове"...
- Это я слыхал...
- Ну, а там, значит, нас к зиме ближе побоку, куда хочешь, туда и девайся. Вот я в маляры и пригулился, подсказал добрый человек.

Васька по-ухарски сплюнул через зубы, бросил окурок в сторону, лег на травке, запрокинул голову.

- А по мне, что ни поп, то батька - и тут и там надо работать, только из дома я никуда. Чего искать, все везде едино, одна работа на уме, как дед Пантелей говорит.
- Больно уж охота было мир посмотреть, Волгу-то я всю, почитай, видел, ну а сейчас уж и вертаться не к чему.

- Как не к чему? Ты чего? У тебя же брат родной...
- Так-то так, да чего я им буду мешаться, пускай себе живут. Я уж сам как-нибудь... Авось, война недолго продлится, учиться куда поступлю, есть у меня задумка одна...
- Это что же, на главного маляра что ли? - Васька явно насмехался.
- Может, и на главного...

Помолчали. Над головами легкий ветер трепал из стороны в сторону зеленые кудри ветлы, в кустах чирикали и дрались воробы.

- Ты надолго к нам?
- На капитана я хочу выучиться, - Николай как бы и не слышал вопроса, думал о своем, - насмотрелся я на них вволю, тоже люди, если присмотреться, с виду только сумные, а так ничего.

Домой вернулся Николай уже под утро, с первыми петухами. Стучаться не стал, лег на сеновале на охапку соломы, разом уснул крепко.

По снегу уже завершала малярные работы бригада Белякова в церкви Пантелеимона-целителя, что на Полевой улице. Колька с Владимиром разводили известку и белили внутри. Сам хозяин с подмастерьями Филькой да Прошкой, дебельми молодцами лет по тридцати, красили деревянные перегородки, рамы в окнах. В круговую понастроили леса, ходили по ним с опаской, слегка покачиваясь. Наружные работы завершили еще по теплому, но и внутри дел много.

Когда вечером Колька с Владимиром пришли домой, мать лежала пластом на лавке, навзрыл рыдала: "Да соколик ты мой ясный, да на кого ты меня оставил?.. Да сложил ты свои белые рученъки, закрыл карие глазыньки на чужой сторонушке..."

Владимир сразу все понял. Как от удара обухом по голове он молча сел на порог, достал из кармана махорку, закурил. Колька не знал, куда деваться. Старшего Казимирова он не знал, но, глядя на этих, убитых горем дорогих ему уже людей, чувствовал, как комок подбирается к горлу.

В ночь Марфа замесила квашню и поставила на печь, варила кутью, компот из сушеных яблок. Колька сквозь дрему слышал из-за перегородки, как она суетилась, негромко гремела посудой у подтопки, время от времени всхлипывала. Владимир как с вечера повернулся лицом к стене, так и не проронил ни слова. Спали парни на деревянной самодельной кровати за перегородкой. Только под утро Колька заснул было крепко, почувствовал, как его тормошат. С трудом открыл глаза. В сумерках узнал Владимира, он стоял уже одетый.

- Вставай давай, сходить тут надо по делу в одно место.

- Сейчас я, - Колька разом встал, сбежал умылся, выпил стакан простокваши. Тетки Марфы дома не было. На столе на противнях лежали пироги, накрытые полотенцем.

- Куда идем-то?

- Мать вон поминки справить хочет, деньжат надо маленько раздобыть.

Вышли во двор, Владимир на плечо повесил хромовые сапоги, те, что остались от удалого приработка. На бараходке у Троицкого базара сапоги продали за пять рублей, тут же купили три бутылки самогона. Когда вернулись, в доме уже пахло ладаном, у образов две старушки попеременно читали молитвы "За упокой души воина убиенного Андрея".

Понемногу к обеду стали собираться приглашенные: соседи Сидор Маслов с женой, дядя Андрея по материнской линии Кузьма Пятов, бывший фонарщик, крючник Ерема Струмин и три нищие старушки, побирающиеся и ходившие ко всем на поминки без зова, как на праздник. К ним привыкли уже и считали: "Так и надо..." Мужики выпили по стакану самогонки, женщины даже не пригубили. Ели

постные щи, пшенную кашу, пюре пироги с картошкой и сушеными грибами, тихо переговаривались. Нищенки ели жадно, хоть и старались сдерживать себя, озирались затравленно по сторонам. Одна, что помоложе на вид, старалась незаметно ослабить пояс на сарафане.

- Бабушкин поясок-то, - проговорила она соседке, одолев-таки узел на поясе. После этого она смогла еще умять два добрых куска пирога и запить их компотом.

Насытившись, молча обтирали губы ладонью, вставали, крестились троекратно на иконы, кланялись хозяйке в ноги и молча выходили из избы. Марфа вручала каждому по носовому платку.

К вечеру в доме Казимировых стало тихо, сумеречно, только лампадка горела у образов, время от времени мигая и слегка коптя.

Полгода шла весть в Самару о гибели Андрея Казимира. Убит же он был еще в мае осколком снаряда в грудь навылет во время знаменитого брусиловского прорыва, принесшего славу русскому оружию и вошедшего в историю как эталон полководческого таланта и солдатской отваги.

18

Из Сызрани Бузин отправился по железной дороге в Самару. Прибыл днем, остановился в гостинице Летягиной "Северная" на углу улиц Заводской и Саратовской. Только что разместился в номере с ванной, электрическим освещением, чистейшим бельем, тут же направился в ресторан, что на первом этаже гостиницы.

Несмотря на войну, жизнь деловая и разгульная в Самаре была ключом. В ресторане играл струнный оркестр, выступали певцы и среди них небезызвестная мадам Фуше, а если попросту, то Катя Сазонова, самарская мещанка, обладавшая очень красивой, вызывающей даже наружностью, а главное - горячим и нежным голосом.

Бузин сел у фонтана под пальмой, заказал бульон с фрикадельками, слоеные пирожки с фаршем из щуки, заливное из телячьей головы, фаршированную капусту по-французски, говядину-филе, шпигоированную трюфелями. Заказал также французское вино "Жюльен". Иван Сергеевич не был уж таким гурманом, любил простую пищу, но положение обязывало раскошелиться. Официант принес также свежие газеты "Голос Самары" и "Самарские известия", где, среди прочего, объявлялось: продаётся гостиница братьев Ивановых по улице Дворянской;пущен в дело на полную мощность элеватор, на торжественном собрании присутствовали представители фирм, участвовавших в его создании. Механическое оборудование поставило творищество Антона Эрлангера и К, силовую установку конструировали заводы Шведского акционерного общества де-Лаваль, котлы - завод Бари в Москве. Именинником на этом заседании был В.Г. Петров, который лично руководил всем строительством.

Далее следовала криминальная хроника, где сообщалось о том, что блатная гольгтьба, именуемая в Самаре "горчичниками", рыболовными крючками рвала одежду на прогуливающихся горожанах в Струковом саду; накануне был убит городовой; снова произошла крупная разборка между "Дубровными" и "Сокольничими" в Запанском.

Жизнь бурлила в Самаре, словно и не лились потоки русской и иноземной крови всего за несколько сот километров от Волги.

Утром Бузин направился на Саратовскую, в дом Воцкина, где была оборудована гостиница "Биржа". В фойе, к своему великому удивлению, он увидел не только множество русских купцов и деловых людей, но и иностранцев и среди них своих старых знакомых: англичанина Джона Шустена и немца Бернгарда Маттиса. Толстый и неповоротливый Маттис первый же и заметил входившего Бузина, улыбаясь масляно, направился, переваливаясь, как гусь, ему навстречу.

- А, герр Бузин, гутен Морган, гутен морган, дафно фас не видаль. Много слыхаль о фаших успехах, карашо, карашо...

- Уж чего хорошего, господин Маттис, сводим едва концы с концами, чего уж там...

- Ну, ну, не коварите так, вы русский - хитрый челофек, думайт, я повериль.

Немец взял Бузина за руку, повел в сторону, заговорщики зашептали:

- Слыхаль, Ифан Сергеич, куда Башкироф... Как это сказать?

- Уехал что ли?

- Та, та, идет, по рупль шестьдесят копеек просить исфолит, это фам как?

- Да по мне и то мало...

- Что вы, Ифан Сергеич, федь это, как это..., крабешь посередине дня, так у фас коворят?

- Так-то так, только вот еще с годок повоюем и, я полагаю, за два рубля перевалит.

Бузин с Маттисом в этот раз не сторговался, продал партию пшеницы в сорок тысяч пудов саратовскому купцу Рыжову, ну, а тот, слыхать, перепродал ее в Петербург, ну да это уж его дело. Тут же присяжный биржи Иоффе закрепил сделку печатью.

19

После Крещения Дмитрий Гудов на попутных подводах приехал с рыбой в Самару, как он сказал, за харчами. И правда, накупил кренделей вязанок пять, полушалок шерстяной оренбургский, себе штаны да рубаху. В выходной день явился к Казимировым со всеми покупками. Колька удивился очень, когда прослышил в прихожей

знакомый голос чуть с хрипотцой от мороза" - брат разговаривал с теткой Марфой.

- Здесь что ли Казимировы-то живут? Чуть разыскал вас...

- Заходи, заходи, мил человек, чего у порога стоять, - проговорила тетка Марфа, приглашая гостя.

- Мне б Николая Гулова на минутку повидать, братан я его, с родины.

- Я уж и так поняла, с виду-то вы больно схожи. Это значит Митрий?

- Он самый и есть. - Дмитрий сложил на лавку вещи, снял малахай, присел.

- Ты как тут? - Николай спросонья протирал глаза.

- Да вот соскучился, дай-кося, мол, съезжу, проведаю.

На кухню вышел Владимир, заспанный тоже, босиком, в кальсонах и рубахе.

- Ты б оделся, вышел нагишом к людям-то, - посоветовала мать.

- Чай, тут не девки, а то он кальсоны не видал. Ну здорово, братан Дмитрий, дай-ка я на тебя погляжу... Вот тебе и богатырь, а Миколька хвалился: "У меня братан, - говорит, - любого свалит". А тут и взглянуть не на что, - Владимир усмехнулся в усы.

- Нам больно здоровыми быть не в кого, да и потом маленький кустик гнется, а не ломается.

- И то верно...

- Ну, соловья баснями не кормят, раздевайтесь-ка, парни, гостя, пусть перекусит с дороги.

- Да сыт я, тетка Марфа, спасиочки... Я уж пол-Самары вчера да сегодня оббежал.

Тетка Марфа поставила самовар, сварила десяток яиц, подала жареной картошки. Парни перекусили на скорую руку, поблагодарили хозяйку. Дмитрий подмигнул Николаю, мол, поговорить бы надо. Братья собрались, вышли на улицу. Стояло морозное январское утро. В воздухе серебрился мелкий снег, тихо, неслышно падал на землю, под ногами скрипело. На улице пусто еще, только на Дворянской повстречали дворника в шубе и овчинных рукавицах, с лопатой и ломом, на конце которого был приварен старый топор.

- Ты чего приехал-то? - не утерпел Николай.

- Соскучился... Иль не рад?..

- Рад, конечно, чего скажешь... Письмо б написал, а то по такому морозу.

- В письме все не перескажешь, а и дойдет ли? Не до писем сейчас...

Николай шагал несколько впереди, ждал.

- Дома все ли ладно?

- Ну, а чего там, живем помаленьку. Вон на днях с войны пришел Афоня Тюрин, гармонист-то... Отыграл только, видать, по самый локоть руку правую отхватило. Так-то... Плакал третедня у Ушаковых, а гармонь, говорят, у образов поставил. Мать его, бабка Феня, было ругать начала, а он ей: "Молчи, - говорит, - я теперь жить по-новому буду и молиться левой рукой на гармонь..." Так-то...

Да, Маруська у Андрея снова к матери ушла...

- Да ладно...

- Вот тебе и ладно... Она, слышь ты, тут с Бузиным младшим снохалась, он дома по осени после ранения все отирался, ну и договорились. К зиме-то он укатил куда-то, а тут, под масленицу никак, снова объявился, ну и доигрались, забрюхатила она, Маруська-то, вот и подалась к матери, стыдно, должно, стало.

- Да, дела... Как же Андрей-то теперь, изведется ведь?

- Они ему не пишут покуда об этом, дядя Яша-то и ей наказал: "Тебе, - говорит, - вертихвостке все едино, а нам он сын, не моги покуда писать, пусть он без тяготы службу несет и воюет, а там видно будет..."

- Ну а у тебя как?

- Да скрипим помаленьку... Ты вот чего, давай-ка в чайную или трактир какой завернем что ли.

- Так только же из-за стола... Или деньги завелись лишние?

На углу Панской и Николаевской в чайной Ивлева, допивая по шестому стакану чая из блюдечка, вытирая пот со лба, Дмитрий завел разговор о главном.

- Вот чего, Николай, ты как тут, в Самаре, совсем обосновался или как? Может, назад, домой поедем? Сейчас, слышь ты, дело-то можно крепко развернуть. Войнавойной, а и тоже надо... Землицу б взяли - ее сейчас полно пустует. Оно вдвоем-то сподручнее. Тесь мне не помога, он окромя своей почты ничего знать не желает, ну, а с тобой у нас дело б враз пошло, пока я в силе... А?.. Чего молчишь?

- Думаю я...

- Во-во, подумай, а то давай вместе завтра уедем.

- Да я не о том... А ведь ты, Митя, не за тем приехал, чтоб меня домой звать. Сознайся?..

Дмитрий усмехнулся, допил седьмой стакан чая, перевернул его дном кверху на блюдечке, отодвинул в сторону.

- Ишь ты, какой догадливый. Ну ладно, нечего в прятки играть. Вот чего... С домом родительским надо решать.

- А чего решать, ты живешь и живи.

- Живи-то живи, а все вроде на квартире... Дом-то твой, ай не знаешь - младший сын должен покинуть родителей, ему и изба отходит.

- Не нужна она мне.
- Это как же, совсем что ли?
- Совсем...
- Ты, Миколай, подумай сперва, сейчас, покуда один живешь, не нужна, а как оженишься, семья будет, не пожалеешь ли?
- Нет, Дмитрий, я тебе еще прошлый раз сказал, я ломоть отрезанный. Я ведь это пока только малирничаю, приглядеться надо, а там, даст бог, куда учиться подамся.
- Ну, а коли так, то я вот тут подготовил бумагу, подпиши тогда...
- Это что же, отказная?
- Ну... Может, плату какую запросишь, так я расплатился бы с тобой, да и с Татьяной тоже.
- Давай бумагу...

Николай, не глядя, подписал в нужном месте химическим карандашом, помуслякав его предварительно, подал брату бумагу.

- И давай так договоримся, не знаю как Татьяна - ей это с Иваном решать, а мне плата никакая не нужна, чай, мы с тобой братья кровные, - Колька улыбнулся, толкнул Дмитрия в плечо.

У Дмитрия на глаза навернулись слезы, закашлялся будто, прикрылся малахаем.

- Ну, спасибо, браток, удержил, бог даст, и я когда выручу. А вообще-то ты не думай, что я только за тем и приехал, - Дмитрий как бы оправдывался, - повидаться захотелось крепко, ну и...

- Вот и хорошо, что повидаться...

На обратном пути сфотографировались у знаменитого самарского фотографа Жиглинского. Дмитрия усадили на стул, дали в руки книгу, Колька стоял рядом.

На другой день утром на тех же подводах, груженных уже мануфактурой, Дмитрий подался домой.

20

1917 год принес России много перемен и тревог. О Февральской революции узнали только после отречения царя от престола. У всех было тревожно на душе: что да как? Испокон веков на Руси правили цари и вдруг на тебе, появилось какое-то Временное правительство. Перемен же, однако, больших на селе не было.

По инициативе Временного правительства начали создаваться местные земельные комитеты, которые должны были вырабатывать предложения по решению земельного вопроса и направлять их в Главный земельный комитет, созданный при Министерстве землеустройства. Главный земельный комитет должен был обобщить эти предложения, разработать проект закона о земле и представить его на

утверждение Всероссийскому Учредительному собранию, созыв которого постоянно откладывался.

Временное правительство предполагало созвать Учредительное собрание после окончания войны, которая истощила промышленность и сельское хозяйство и привела Россию на грань катастрофы. Однако, вопреки разуму, в марте 1917 года министр иностранных дел П.Н. Милоков в секретной телеграмме дипломатическим представителям России за границей просил информировать правительства стран Антанты, что Временное правительство выполнит военные обязательства, принятые царским правительством.

Война продолжалась. Все явственнее на арену в борьбе за власть вступали большевики во главе с В.И. Лениным. Их лозунги: "Вся власть Советам!" и особенно "Долой войну!" - будоражили умы и сердца простых людей и крестьян. Власть Временного правительства крепко пощатнулась, особенно после расстрела июльской мирной демонстрации в Петрограде, где было убито более четырехсот человек. Даже вынужденный говор Керенского с Верховным главнокомандующим генералом Корниловым не спас Временное правительство от поражения. Корниловский поход на Петроград был сорван.

Назревали большие перемены. И они грянули. В октябре 1917 года, практически мирным путем, власть в Петрограде перешла в руки Советов. Временное правительство было арестовано и отправлено в Петропавловскую крепость, Керенский бежал в машине послана США на Северный фронт. Сразу же были приняты "Декрет о мире" и "Декрет о земле", по которым значилось, что Советская власть предлагает народам и правительству всех стран заключить демократический мир без аннексий и контрибуций и что отныне в России отменяется помещичья собственность на землю без всякого выкупа. Вся земля со всем инвентарем переходит в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Земли рядовых крестьян и казаков не подлежат конфискации. Частная собственность на землю уничтожается.

В Новодевичье события в столице и следующие за ними перемены принимали по-разному и настороженно. Купец Бузин переехал жить в Самару, вскоре перевез туда и семью, дом и хозяйство оставил на попечение Полякова. Хлеботорговец Напалков продал пекарню и булочную Беляеву, сам жил своим хозяйством, выжидая чего-то. Вырышаевы прикупили к своей земле еще четверть десятины, пригородили, рассаживали вишеник и яблони, начали строить винокурню. Владелец мельниц Беляев, после сделки с Напалковым, открыл на Застенной улице колбасную, привез из Симбирска колбасных дел мастера Илью Саморукова, веснушчатого, рыжеватого детину.

Яков Гудов по зимам занялся извозом до Сызрани, Сенгилея, а то и до Самары махнет. Степан устроился было матросом на бутырскую пристань, но вскоре был призван в Красную Армию. Анисья, которой шел уже двадцать третий год, пристрастилась так-таки к

божьему делу, постоянно по ночам ходила на богомолье к староверам. Яков на нее и рукой махнул: "И в кого кобыла уродилась, хоть кол на голове теши".

Маруся перед Новым еще 1916 годом родила сына, назвала Андреем, карапуз бегал уж вовсю вокруг землянки по двору. Яков с Марусей не знался, даже отворачивался при встрече.

К концу семнадцатого года прошел слух, что Иван Сергеевич Бузин арестован, с семьей сослан в Сибирь. Вскоре на селе арестовали содержателя магазина красных товаров Макина, якобы за агитацию против Советской власти. Так ли? Кто знает. У зажиточных людей, да и простых многих появилась тревога.

Только два человека на селе продолжали жить прежней, размеренной жизнью - это доктор Нустрев и учитель Фомин. Один каждое утро ходил в школу, держа под мышкой папку с книгами и тетрадками, количество учеников, однако, значительно поуменьшилось. Другой семенил в больницу, где были из года в год одни и те же больные, все с теми же болезнями. На Покров пили чай в горнице у Нустрева, пока жены ушли к заутрене, разговорились.

- Все каждый день жди каких-нибудь известий и доброго пока мало, то баталии, то революции, истинно, обезумел народ, - Фомин пригладил седую бородку, поправил очки.

- Видно, верно говорит отец Иоанн, что-де последние времена наступают.

- Может, и последние, только, думается, больше за год-два дров наломают, крови прольют тьму, а потом одумаются, жалеть будут.

- Было б чего жалеть, а кому и нечего...

- Я вот чего думаю, - Фомин оживленно затряс седой головой, - вот все жалеют царя-батюшку, а по мне так и жалеть нечего. Какая же это власть, если ее так легко скидывают? Ведь еще, помнится мне, Карамзин писал, что любая власть тогда чего-нибудь стоит, когда может защищаться. Потом, что это за правитель, если он Россию-матушку из войны в войну ввергает, не успели от японца очухаться, а тут тебе еще слаще.

- Ну это кто ж виноват, так уж Богу угодно.

- Ну, а коли Богу, так на что нам и голова тогда всем дана? Нет, Алексей Герасимович, тут что-то не так.

- Так ли не так ли, но хоть какая-то власть была, опора, а сейчас... Анархия... Вот, слыхать, по России всей теперь большевики руководить будут, а за ними кто? Голь перекатная, рвань всякая. Ну, Ленин дворянин, образованный человек, но ведь один-то он все не осилит. И по мне, если чисто по-человечески, то он, Ульянов-то Владимир Ильич, просто взял, за убиенного брата отомстил и все, и нет тут других высоких идей. Я вот помню в детстве, лет десять-двенадцать мне, может, было, так вот однажды соседский парень Кирилла Половоз брата моего старшего побил, так веришь-нет, до того меня это

потрясло, что с той поры я постановил отомстить обидчику и не иначе, как извести его со свету. И ведь отомстил бы, должно, на беду он, Кирьян-то, потонул в полынье. Вот ведь... Потом, вспомни-ка удалого атамана Стеньку Разина, ведь тоже, слыхать, за брата, царем повешенного, мстил всю жизнь. Юность, Федор Назарович, впечатлительная, всякое в голову взбрести может.

- Так-то оно так, про Владимира Ульянова я б еще, возможно, понял, пусть он мстил, а вот почему брат его, Александр, в руки бомбу взял, почему другие на царя руку поднимали? Вот ведь в чем вопрос...

За окном тихо крупными хлопьями падал снег, таял и стекал по стеклу. По приметам, дней через тридцать-сорок жди зимы. Все шло своим чередом.

21

На Михайлов день Татьяна с мужем и десятимесячной дочкой Ульяной приехали в гости к Дмитрию. Старщенко, Федора, остались на попечение бабушки. Погода стояла теплая, тихая. Белый девственый снег покрывал ровным ковром поля и дороги, лохматыми шапками лежал на ветках деревьев, сгибая их своей тяжестью. Приехали в субботу к вечеру. Татьяна с дочкой на руках, завернутой в теплое ватное одеяло, сама в овчинной шубе, тяжело переступая, поднялась на крыльцо, вошла в избу. Иван стал распрягать коня. Вскоре в наброшенном на плечи чапане к нему вышел и Дмитрий.

- Здорово, зятек, каким ветром?

- Да вот давно уж сбирались, все дела да слуши, но собрались-таки.

- Ну и ладно. Ты коня-то под навес покуда поставь, я сейчас воды избной принесу, не остудился кабы, ну, а в ночь в конюшню заведем от греха.

- Или балуют?

- Да бывает когда.

- Волки?..

- Ну да, на двух ногах.

Вошли в избу. Иван степенно перекрестился на образа, снял полушубок, троекратно, по-русскому обычаю, поцеловался с Екатериной.

- Как жива-здорова, Екатерина свет Петровна?

- Да чего нам, бабам, сделается, - отмахнулась Екатерина.

Татьяна разболакала дочку, меняла пеленки. Ульяна никак не хотела лежать спокойно, сучила ножками, гукала.

- Ну-ка, покажи дяде с тетей, как мы умеем...

Татьяна взяла ее себе на колени, начала пестовать, приговаривая:

*Скок, поскок!
Молодой дроздок
По водичку пошел,
Молодичку нашел.
Молодиченька,
Невеличенка,
Сама с вершок,
Голова с горшок.
Шу-вы! Полетели,
На головушку сели.*

Ульяна вскинула ручонки к голове. Все засмеялись. Татьяна, счастливая, прижала дочку к груди.

Екатерина смотрела на чужое счастье с завистью, однако, улыбалась, как требовал долг хозяйки.

- Ну, мать, чего? Гостей-то к столу звать надо.

Екатерина засуетилась у печки.

- Ты б, Митя, в погреб слазил, помидорки с огуречками да грудочков внес. У вас как в этом году с грибами-то? - обратилась она к гостям.

- Да попадались, говорят, кое-где, ходить только больно некому, Татьяна с детьми, родители не ходоки уж.

- Вот и отведайте. А мы сегодня сено подкашивали на Фитюлиной поляне, дак их там хоть косой коси, один к одному.

Сели за стол. Мужики выпили стакана по три самодельного пива, женщины пригубили только, с хрустом закусывали ядренными солеными огурцами, капустой да грудями.

- Нет лучше еды, чем погребное, - Иван раскраснелся, вытер платком пот со лба, в избе было жарко. - Иной раз в поле иль в лесу где вспомнишь, так и засосет под ложечкой, вот, думаешь, сейчас приеду да капустки солененькой с лучком да маслом постным отведаю. Вот ведь, душа, видать, требует.

- Ну, у тебя квашеной капусты требует, а у других... Вот я недавно в Самаре был, так заходил с Миколаем в трактир, кутгушки-то да прочий городской люд больше бальчик да икорку обожают.

- Ну, это кому что.

Спать легли поздно. Мужики уж захрапели. Дмитрий - на печке, Иван, как гость, на деревянной кровати. Екатерина легла на лавке.

Татьяна долго укачивала расплакавшуюся Ульяну, уложила ее в старой принесенной из чулана лульке. Думала: "Поди и я в этой же лульке спала когда-то, вот ведь как время-то бежит...". И не заметила сама, как прикорнула возле, на стульях.

Утром следующего дня, как рассвело уж совсем, собрались уезжать. Чуть выехали из Еланки, как помело заметно. Татьяна тревожно

посмотрела кругом, по снежному насту несло поземку. Под порывами ветра с деревьев падал снег.

- Как бы дорогу не перемело, ты пошибче гони...

Иван молчал, отвернулся в сторону.

- Чего молчишь-то, ай оглох, подгоняй, говорю, Бурку-то.

- Нетрог, бежит себе...

Татьяна с недоумением посмотрела на мужа.

- Ты чего сумной какой, с похмелья что ли?

- С похмелья, будешь тут с похмелья... Люди-то чего подумают?

- Чего ты?

- Будто не знаешь?..

- Вот те крест...

- Ты чего меня на людях страмишь, люди нам кровать уступили - ложитесь, гости дорогие, а она на стульях кувыркается.

Татьяна усмехнулась.

- Заснула я ненароком, чай бы, позвал...

- Позвал... Я и сам уснул тоже.

- Чего же тогда говорить...

После поворота с Белоключья ветер усилился. Ульяна закапризничала. Татьяна распахнула тулуп, спрятала дочку, потом осторожно расстегнула кофту, дала грудь - Ульяна притихла. Татьяна, ощущая легкое щекотание у соска, прикрыла глаза, задремала. Ехали легкой трусцой, позади осталось место, называемое в народе Черный столб. Вот уж сквозь снежную завесу показался лесок, сразу за которым шла низина, где и расположена Маза, и тут как-то ударило Татьяну в голову, она встрепенулась, распахнула полы тулупа, оторвала дочку от груди, всмотрелась. Дочка лежала с закрытыми глазами, ее всегда розовые, как маков цвет, губки посинели, по правой щеке стекала струйка молока вместе со слюной.

- Иван...ан, Ива...ан, - раздался среди леса дикий крик, спугнувший сорок с ближних сосен, - дочка, доченька. - Татьяна трясла маленький сверток, зачем-то дрожащей рукой открывала и снова закрывала ей глаза.

Иван гнал коня во всю прыть. На спуске, у моста уж, чуть не перевернулись. Спотыкаясь и падая, бегом внесли сверток в дом, развернули, смотрели обезумевшими глазами. Дочка так и не вздохнула ни разу.

Дня три мела пурга, погода разыгралась не на шутку. До крепких морозов поля покрылись хорошим снежным покровом - добрая примета к хорошему урожаю, было б кому убирать только.

Наступил тревожный 1918 год. В феврале-марте был заключен позорный для России Брестский мирный договор, по которому от Советской России отторгались: вся Прибалтика, Польша, часть Белоруссии; часть Закавказья отходила к Турции. Советская Россия обязывалась заключить мир с правительством Центральной Рады, провести демобилизацию своей армии, разоружить флот, возобновить старый торговый договор, выгодный Германии. Только на таких условиях Россия смогла выйти из империалистической войны. Кроме того, тонны золота были секретно отправлены в Германию. Из-за постоянной угрозы Петрограду со стороны оккупированных немцами Прибалтики и Финляндии в марте Советское правительство переехало в Москву. Однако еще в ноябре 1917 года страны Антанты договорились о совместной борьбе против Советской Республики. В марте 1918 года в Мурманске высадились англичане, а позднее американские и французские войска. В апреле во Владивостоке был высажен десант японских и английских войск, в августе — французских и американских. В середине 1918 года германские войска, вопреки Брестскому договору, оккупировали Прибалтику, Украину, Крым, часть Белоруссии, Закавказья и Северного Кавказа, разогнали Центральную Раду, заменив ее бывшим царским генералом Скоропадским.

Царские генералы Корнилов, Деникин, Краснов, адмирал Колчак собирали под свои знамена единомышленников. В мае вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса на территории от Средней Волги до Сибири.

Началась гражданская война, слившаяся с активной интервенцией со стороны многих иностранных государств. К весне 1918 года над Советской Россией нависла и другая опасность — голод. В мае 1918 года ВЦИК принял декреты, которые устанавливали продовольственную диктатуру в стране, вводились государственная хлебная монополия, твердые цены на хлеб и единовременный 10-миллионный налог. Кроме того, Совнарком принял постановление о мобилизации передовых и сознательных рабочих для помощи деревне, свыше 30 тысяч рабочих в составе продотрядов были направлены в деревню.

Одновременно на селе организовывались комитеты бедноты, которые помогали продотрядам, распределяли конфискованный хлеб, сельскохозяйственный инвентарь, временно выполняли функции местных Советов, организовывали коммуны, ТОЗы.

Николай с Владимиром вот уже с полгода перебивались временными заработками: то вагоны разгружали, то по пристаням подрабатывали. Маярную мастерскую разогнали еще по зиме, хозяина же Белякова пока оставили. В конце мая, в один из субботних дней, через посыльного ребят вызвали в местный Совет. Секретарь Совета

бывший рабочий Трубочного завода лысенький средних лет Козлов Павел Макарович в кожанке и стоптанных хромовых сапогах полистал их личные дела, посмотрел внимательно поверх очков с расколотыми стеклами, усмехнулся.

- Так, так, передовые, можно сказать, парни, кровь и плоть рабоче-крестьянской власти, а подсобляем буржуазным элементам. Не прихлопни мы Белякова-мироеда, так бы и горбатились на него. Сейчас-то чем промышляете?

- Вагоны разгружаем, - пояснил, переминаясь с ноги на ногу, Владимир.

- Вагоны..., - передразнил секретарь, - люди новую жизнь строят, а он, вагоны. Значит так постановим, вот тебе записка, товарищ Казимиров, обратишься с ней в Губчека, найдешь там комиссара Макарова Глеба Борисовича, он тебя определит, и смотри мне...

Секретарь неровным почерком на клочке бумаги написал что-то карандашом, свернулся, подал Владимиру.

- Все, свободен... Так, ну, а с тобой что же?.. Так говоришь, из деревни?

- Угу...

- Так, так... Нам сейчас и в деревне люди нужны во қак, - секретарь провел ребром ладони по горлу. - Слухай сюда, сын крестьянский Микола Гудов, сейчас у нас суббота, так?

- Так...

- Ну вот, явишься сюда же в понедельник к восьми ноль-ноль с одежонкой, ну и харчей дня на два, поедешь по волостям с продотрядом, там скажут, что делать, не дурак, поймешь. Стрелять-то умеешь?

- Из ружья только...

- Научишься, жизнь она, брат, всему научит. Зайдешь ко мне, а ежели меня не будет, то значит в полное подчинение к командиру отряда Сомову. Запомнил?

- Запомнил.

- Ну и ладно... Ступай пока.

23

Продотряд Федора Сомова, бывшего черноморского матроса, подвод в двадцать вот уже месяц колесил по северным волостям Самарской губернии. Уговорами, а больше угрозами собрали несколько сот пудов хлеба. Хлеб отправляли сначала в Самару, а потом, когда там власть захватили белочехи, - в Ставрополь и Симбирск. Несколько раз вступали в перестрелку с местными кулаками, двоих бойцов похоронили.

Вот и сейчас Колька Гудов вместе с двумя продотрядовцами: кренастым одногодком Колесниковым Анатолием и пожилым седовласым Коршуновым Алексеем Ивановичем, на трех подводах везли хлеб в Ставрополь. Было жарко, безоблачно. Колеса телег угопали в песке. Коршунов сидел на передней подводе, на козлах, Николай с Анатолием шагали рядом, стряхивая изношенными сапогами пыль с придорожного ковыля. К вечеру подъехали к селу Елховка.

- Ну, чего, мужики, здесь что ли заночуем? - Коршунов обернулся к парням, - а то и стемнеет уж скоро.

Колька с Анатолием переглянулись, им уж давно надоело таскаться по деревням, они рады были любой минуте отдыха.

- А дальше скоро ль будет какое село? - спросил Анатолий, всматриваясь сквозь сумерки в нестройные ряды домов, за которыми узкой полоской виднелась речка.

- Да верст через пять-шесть, а может, и больше.

- Ну, тогда сворачивай давай, дядя Леша, здесь заночуем, кони уж тоже притомились.

Свернули с большака в посадки вдоль дороги, встали.

- Ну-ка, ребятишки, добегите до села, все ли там тихо, а то впопримся, - приказал Коршунов.

Парни направились в сторону Елховки, вскоре вернулись.

Остановились, как обычно, в крайней избе у крестьянина-середняка по имени Фадей, проживающего с женой бездетно. Перекусили вареной картошки с зеленым луком да постным маслом, легли спать на полу вповалку. Среди ночи Колька проснулся от шума, в дверь кто-то ломился.

- Кто тама? - Фадей в кальсонах и рубахе подошел к двери.

- Свои это, открывай давай, - раздался повелительный голос с улицы.

- Свои все дома, - Фадей чиркнул спичкой, запалил было свечу.

- А ну, потуши, ты что, - прошептал ему Коршунов, на ходу вынимая из кобуры наган. - Спроси, зачем пришли? А вы, пацаны, у окна встаньте, чуть чего палите.

- Господи, помилуй, - запричитала жена Фадея, скрылась в межумок, заплакала.

- Цыть ты, чего голосишь, - прикрикнул на нее Фадей, снова подался к двери.

- Вам қого, ребятки, надо-то?

- Открывай давай, сука, а то и тебя и продотрядчиков твоих порешим.

Раздались залпом выстрелы. Коршунов схватился за бок, скрючился у порога. Анатолий ударом ноги вышиб раму, метнулся было в окно, но был навзлет на вилы и окровавленный упал у завалинки.

В дом ворвались, Колька отстреливался в темноте по окнам и в проем двери, потом метнулся через дверь на улицу, был сбит и оглушен ударом по голове, потерял сознание. Когда очнулся, с трудом открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. Он лежал на полу, руки были связаны. Сквозь головную боль и тошноту рассыпал:

- Глянь-кося, вроде глаза открывает, очухался, должно, вражина. Плесни-ка на него, Петро.

Колька почувствовал, как его окатили холодной водой. Открыл снова глаза, попыткался встать. Его подняли, посадили на лавку. В большой избе за столом сидели человек десять, выпивали, закусывали. Один из присутствующих, в рясе и с медным крестом на груди, должно, хозяин дома, стыдил соседа своего, здоровенного краснорожего детину, со шрамом на верхней губе:

- Ну и чего ты, Фома, доказал, эка невидалъ - шлепнул двух продотрядчиков, ведь за ними тыщи придут. Ты-то наган в карман и гуляй себе, а нам здесь жить.

- Ничего, не придут, а и придут, так у нас на всех пуль хватит.

- Дурак ты, Фома, надо с головой воевать, а ты огулом. Хлеб-то куда теперь?

- Хлеб раздать тем, у кого конфисковали. Завтра же и раздадим, слышь, Тимофеи, сам займешься этим, - обратился он через стол к молодому белобрысому парню.

- Ну, а с этим чего делать будем?

- Чего делать..., шлепнуть да и дело с концом.

- Брось, Фома, не заводись, дался он тебе, - вступил в разговор Тимофеи. - Шлепнуть всегда успеем. Прикажи-ка его, отец Никодим, примкнуть пока где ни на то, утром видно будет, что к чему.

Отец Никодим встал, слегка шатаясь, прошел, открыл дверь, крикнул в темноту: "Эй, Коська, слышь, паршивец... Ну-ка, сведи этого молодца в амбар да примкни покрепче, ключ мне отдашь..."

Юркий востроносый малый взял Николая под руку, повел во двор, запер в амбаре, предварительно бросив в угол охапку соломы. Колька прилег, голова кружилась, подташнивало. Незаметно задремал.

Проснулся от того, что почувствовал, как его кто-то толкает в бок палкой. Открыл глаза, сквозь сумерки едва пробивался свет через щель в задней стене амбара.

- Слыши-ка, парень, ползи сюда, я тебе руки сейчас развязжу.

- Кто это?

- Кто, кто... Ползи давай, поторопливайся, пока не пробудились в доме. Шлепнут а то, смотри, тебя.

Колька подполз, повернулся спиной, почувствовал, как чем-то острым перерезали веревку, освободили руки. Пальцы тут же заши-

пало, потер кисти одна об другую, выглянул через щель наружу, признал батрачонка Коську, который запер его здесь накануне.

- Ты это, подсоби мне еще доску выломать, тихонько только смотри, tolkай изнутри-то...

Доска со скрипом подалась.

- Лезь теперь и прыгай в телегу.

Колька вылез, пробежал шагов пять, прыгнул в телегу у конюшни, почти сразу же почувствовал, как его стали забрасывать свежим на-возом, уткнулся носом в щель среди досок, закрыл голову руками. На спину давило, дышать становилось трудно. "Эдак и задохнешься под дерьмом чего доброго..." - думал он.

- Но, трогай, - раздался глухо Коськин голос. Телега скрипнула, тронулась.

Ехали минут десять - пятнадцать, потом остановились, и Колька почувствовал, как его вытряхнуло из телеги и он полетел вместе с навозом под откос, скатился кубарем в овраг. Когда поднял голову, наверху уже никого не было, только где-то в стороне затаращела на колдобинах телега да фыркнула лошадь. Сам уже зарылся в навоз, спрятался под лопухи, осмотрелся. Вокруг непролазная крапива и бурьян, овражек неглубокий тянется метров на пятьдесят, потом загибается в сторону видневшегося поселка. "Значит, уходить надо в другую сторону. Куда средь белого дня да еще в таком виде?.. Лежать надо, пока не стемнеет". Во рту пересохло. Нестерпимо захотелось пить, о еде даже и не думалось. Лежал долго, разомлев весь от навозного тепла и от палящего уже вовсю солнца, задремал. Очнулся от того, что услышал, как кто-то проехал по дороге. Затаился. Разва два проскакали верхом. Снова тихо, только комары одолевают да шмель загудел сердито, перелетая с куста крапивы на куст.

Крапива цвела, свисали гроздья цвета, еле ощущался сладковатый запах. По верхушкам крапивы время от времени проплыvalа дымка. "Уж не курит ли кто поблизости?" Колька насторожился. "Нет, вроде тихо..." И тут он понял, что это у крапивы лопались перезревшие коробочки на цвету, выбрасывая пыльцу, и от крапивного цвета несло эту дымку. Колька удивился очень: "Вот ведь, сколько годов прожил, уж этой-то крапивы повидал на своем веку тьма сколько, все в прятки раньше играли в ней, а вот ни разу такого чуда не видел". Колька усмехнулся окровавленными губами. Потом снова впал в забытье от слабости.

Проснулся, когда начало уже смеркаться. Выбрался из навоза и, пригибаясь, осторожно подался по оврагу подальше от села.

вокруг глаз. Долго вертел в руках записку, бурчал недовольно: "Вот, присылают птенцов, чего с ними хочешь, то и делай". Поинтересовался об отце, потом приказал написать подробную биографию, описать всех ближайших родственников до третьего колена и место их нахождения.

На второй день уже Владимиру вручили под роспись наган и удостоверение чекиста. Недели две только тем и занимались, что ловили бандитов по "малинам" да экспроприировали у буржуев личные вещи, самих же, тех, кто оказывал или мог оказать сопротивление, отправляли в губернскую тюрьму. Конфискованные вещи описывали, часть их, по приказу сверху, тут же отправляли в Москву.

Спустя недели три Казимирова снова вызвал к себе комиссар Мохров.

- Ну как, пообтерся маленько?
- Да уж чего там, только не по мне это все...
- Это чего так?
- Мне оружие вручили революцию защищать, а не бараболить...
- Ишь ты, руки замарать боишься, а я вот не боюсь, давил их, кровососов, и буду давить, сколько сил моих хватит. Тут, брат ты мой, сейчас такая кутерьма пошла, что кто - кого, не мы их, так они нас к ногтю. А уж они не пожалеют, будь спокоен, у меня еще до сих пор отметки на ребрах есть от их ласки. Так-то...

Владимир молчал, уставившись глазами в стену с драными обоями. Мохров прошелся по кабинету, нервно закурил.

- Ты вот чего, тут к нам запрос пришел из двух волостей, ЧК надо возглавить, вот и поезжай туда. Значит так, хочешь в Ставрополь, хочешь - в Новодевичье, на выбор. Говори, куда поедешь? Считай это как приказ.

Владимир вспомнил про друга Кольку Гудова, не раздумывая, ответил:

- Давай в Новодевичье...
- Ну что ж, так тому и быть, в Ставрополь кого другого найдем. Зайди к кадровику, возьми направление, завтра же и поезжай, не мешкая.

На другой день утром попутным пароходом Владимир отправился на свою новую работу. Провожала его мать, долго стояла на пристани, плакала и махала платочком. Потом шла по берегу и скрылась за деревьями набережной, где-то около Струковского сада.

Владимир одной рукой придерживал вещмешок за спиной, другой крепко держался за деревянные перила, смотрел на прятавшийся в дымке свой родной город. Где-то там бредет, сгорбившись, мать, единственный родной человек на всем белом свете. На глаза навернулись слезы, смахнул их рукой, зло заскрипел зубами. "Ничего, мать, все уладится, будет и на нашей улице праздник..."

Новодевичье встретило Казимира поутру громкими петушиными криками да лаем собак. У пристани копошились торговцы, большие старушки да старики, предлагая немногочисленным покупателям семечки, вишню, черную смородину. Владимир прошелся вдоль берега до церкви, спросил у прохожего, где располагается комбей, и пошагал вверх по Красной улице.

Председатель комбета Ермолай Ушаков встретил Казимира сдержанно, долго рассматривал мандат, читал, шевеля губами, потом протянул обратно:

- Так, так, товарищ Казимиров, давненько вас ждем. Ну, вы размещайтесь тут покуда, а завтра о деле поговорим. У вас остановиться-то есть где?

- Да, собственно, нет, впрочем, должны тут жить Гудовы, у них, может?..

- Это какие?

- Ну Дмитрием его зовут. Дмитрий Васильевич вроде.

- С родни что ли?

- Да нет, я с их Николаем знался.

- Дак, это мои шабры. Ладно, шагай пока к ним, а там видно будет. Хочешь, так и ко мне давай, места хватит.

- Нет, спасибо.

- Ну ладно, пойдем.

Вышли на крыльце.

- Значит так, шагай вон через овражек на тот бугор, от колодца, считай, мой-то третий, а их четвертый дом будет. Он дома должен быть, угрось я его видел.

С неделю Владимир жил у Гудовых, потом тот же Ушаков подыскал ему квартиру у одинокой старушки Щербаковой на Садке.

Волостное ЧК разместили в доме Напалкова. Самого же Напалкова подержали для остраски в уездной кутузке недели две и отпустили пока. Жил он с дочерьми теперь у дальней родни в маленьком домике возле беляевских мельниц. Жил тихо, не высывался.

Полновластным хозяином на селе был комбет, который состоял из пяти человек. Кроме Ушакова, в него входили еще Гудов Яков, Шляндин Василий, переправщик Куличкин да переехавший недавно из Мазы крестьянин Петр Рачков.

Вместе конфисковывали хлеб у местных богатеев. Начали с Беляева. В воскресный день утром пришли к нему с Ушаковым вдвоем в дом. Хозяина не было, нашли его на мельнице. Вышел весь в муке, пот в три ручья течет. Изнутри слышен скрежет двигающихся жерновов.

- Здорово, Петр Андроныч, все потеешь, и куда тебе столько надо, не пойму я, - обратился к нему Ушаков, придавив сапогом окурок.

- С чем пожаловали, гости дорогие? - с дрожью в голосе, натянуто усмехаясь и отряхивая со штанов муку, поинтересовался Беляев.

- Ты вот чего, Петр, мы тут постановили, с твоего хозяйства причитается 80 пудов зерна, значит... Распишись в получении резолюции...

- Кто же это постановил-то? Уж не ты ли?

- Ну и я в том числе...

- А я на твое постановление вот плону и разотру.

- Ну вы, гражданин, так не шутите, а то вмиг укорот дадим, - вмешался было Казимиров.

Беляев смерил его уничтожающим взглядом.

- А ты не суйся, тля самарская, без тебя разберемся.

У Владимира рука потянулась к нагану. Его остановил суровый взгляд Ушакова.

- Напрасно ты так, Андроныч, ведь все равно заберут, не мы, так продотрядчики придут, сам ведь знаешь, слыхал, небось, про таких... Ты уж отдай подобру-поздорову, пока мало просим.

Ушаков повернулся и, не оглядываясь, подался со двора мельницы, Казимиров за ним.

- Цацкаешься ты с ним, с контрой, Ушаков, посадить суток на двое в кутузку, вмиг очухается, а то силой взять.

- Никуда он не денется, знаю я его, поерепенится, поерепенится и привезет, как миленький.

За день обошли дворов десять. Дня через три собрали около пятисот пудов зерна, подводами отправили в Сызрань.

Вскоре, однако, Казимирову пришлось на время покинуть Новодевичье.

25

В конце 1918 года вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, охвативший огромную территорию от Средней Волги до Сибири. Продолжалось наступление белогвардейцев и интервентов с севера и с юга. Крупные города Поволжья были захвачены белогвардейцами.

Советским правительством был образован Восточный фронт, объявлена мобилизация большевиков и сочувствующих.

На фронт из Новодевичья ушло человек тридцать и среди них Казимиров, Ермолай Ушаков, Василий Шляндин и многие другие. Казимиров попал в дивизию Г.Д. Гая, входившую в состав Первой армии. В начале сентября войска Восточного фронта перешли в наступление, наголову разгромив белогвардейцев, освободили Казань. Одновременно войска Первой армии начали бои за освобождение Симбирска. Двенадцатого сентября город был освобожден,

далше по суще и по Волге двинулись на Сызрань и Самару. Три батальона Железной дивизии Гая высадились в Новодевичье, Клиновке и скорым маршем двинулись к Сызрани, времяя от времени с высоток обстреливая из пушек отступающих белогвардейцев. В результате ожесточенных боев сначала Сызрань, а потом и Самара были освобождены.

К осени красноармейцы остановили продвижение белой гвардии и интервентов, наступавших с севера на Котлас и Вологду. В сентябре 1918 года там был образован Северный фронт.

Только в ноябре Казимиров вернулся снова в Новодевичье. К этому времени комбед был устранен, на его месте организован сельский Совет, который возглавил Василий Петрович Шацаев, недавно вернувшийся с фронта. После ранения в ногу вернулся также с фронта и балтийский матрос Андрей Гудов.

В первый же вечер по приезду выпили с отцом, Дмитрием да соседями изрядно. Как стемнело, гости разошлись. Андрей, прихрамывая на большую ногу, опираясь на самодельную резную трость, собрался из дома.

- Не ходил бы ты, Андрей, темень-то, повредишь, гляди, ногу где,
- попросила мать.
- Да ладно, чего там...
- Может, я с тобой? - Яков полез было за сапогами на полати.
- Один я... - Андрей скрипнул зубами, вышел из избы.
- Иди, или за ним, Яша, наживем беду-то, ведь это он к Маруське собрался.
- Да ладно...
- Туда, говорю, ай не видишь?

Андрей и правда вышел со двора и прямым ходом двинул через мосточек и на Хохловку, к Марусиной землянке. Яков шел сзади, голоса не подавал. Время от времени Андрей оступался на грязной, скользкой тропинке, матерился негромко. У калитки Львовых остановился, закурил. Стоял долго, как бы раздумывал и решался, потом вошел в палисадник. Света в маленьком окошке землянки не было. Андрей постучал палкой в дверь.

- Кто тама? - раздался голос Маруси. У Андрея перехватило дыхание.
- Я это... - проговорил с трудом, словно камни языком ворочал. Дверь со скрипом открылась.
- Ты... - со свечкой в руке Маруся стояла в проеме двери, на плечи, поверх ночной рубашки, наброшен зипун, - зачем ты, Андрюша?
- Ну, чего в дом не ведешь, ай не рада?..

кого. Вошли в дом. Пахнуло резко керосином, мышами и сыростью. Справа в углу на лежанке спала бабка, рядом с ней у стенки посапывал чумазый мальчуган.

Маруся встала у подтопка, заломила руки, смотрела затравленно. Андрей сел на табуретку у стола.

- Ну, как будем жить теперече, женушка дорогая?

- А как бог велит...

- Хм... - усмехнулся в усы Андрей, - и как же он тебе велит?

- А так, как живу, так и ладно. У тебя своя жизнь, у меня своя.

- Что ж ты за меня решаешь? Я еще пока сам за себя думаю, голова на плечах. Вот нога покалечена, укоротили малость, а голова на месте...

- Значит, не сгинешь тогда, проживешь, а мне решать нечего, за меня вон он все решил, - Маруся показала глазами на спящего сына.

Андрей встал, подошел к лежанке, долго всматривался в лицо малыша. Маруся напряглась вся, с тревогой смотрела на него, готовая каждую секунду броситься на помощь сыну.

- Патретный малец, вроде, как на тебя смахивает...

- Не знаю...

Андрей снова сел на табуретку.

- Ну, вот чего, супруга ненаглядная, богом данная, собирайся, пошли домой.

- Не пойду я...

- А не пойдешь, возьму вожжи, связку и силком поведу. У тебя дом есть, нечего по чужим углам слоняться.

- Пьяный ты, Андрюша, проспись поди, завтра поговорим.

- В общем, вот тебе мое последнее слово - идти, так пойдем сейчас, а нет - живи, как знаешь. Ну?..

Андрей крикнул громко, зло. Бабка заворочалась на лежанке, открыла глаза, испуганно выглядывала из-под лоскутного одеяла.

Маруся собралась. Вышли из землянки, едва успел Яков спрятаться за поленницу дров. Шли молча, Маруся чуть впереди, понуро опустив голову, в руках узелок с бельем. Спустились у Садка в овражек.

- Стой-ка на минутку, - окликнул Андрей, сам чего-то искал в темноте, шарил по земле.

- Чего ты?

- Стой, говорю... сейчас я тебя бить зачину...

- Бей... - Маруся остановилась, обреченно сжалась вся.

Наотмашь, со всей силы Андрей ударил ее кулаком по лицу, раза два хватил палкой по спине и рукам.

"Хек-хек-хек" - раздавалось в темноте, вроде, как дрова колол да прикрикивал. От очередного удара кулаком по голове Маруся упала. Андрей стал пинать ее ногами, в ярости совершенно не чувствуя боли в поврежденной ноге.

- В живо-о-от не бей только, Андрюша, куда я тебе бо-ольная-то ну-ужна буду..., - с расстановкой прокричала Маруся.

"Хек-хек-хек" - слабее уже слышалось в ночи.

- Андрюша, Андрюша, родной мой, хватит поди уж..., больно мне как...

Яков не утерпел, подбежал к Андрею, обхватил его поперек.

- Угомонись, сынок...

Андрей рвался из рук, бился в исступлении головой о грудь отца, потом заплакал громко. Маруся ползала в грязи, пытаясь встать.

- Ну, ну, сынок, смилуйся, матросик мой родненький.

- Да идите вы все..., - Андрей вырвался, прихрамывая, побежал в сторону Волги, стонал то ли от боли, то ли от ярости.

Яков поднял Марусю, у ручья обмыл ее окровавленное лицо, потом повел к своему дому. Маруся плакала навзрыд.

- Папаня, папаня, прости ты меня окаянную, - разбитыми губами целовала руки Якова, прижималась к небритой щеке.

- Бог простит, дочка, всяко в жизни бывает, авось, и уладится все...

Ночь стояла темная, холодная. Изредка сквозь низко склонившиеся снежные тучи проглядывала луна. На Волге темень кромешная. За ночь прошли с верхов две запоздалые баржи, торопясь на зимний покой, освещая тусклым светом неприветливые волжские волны.

Дня через два Яков забрал к себе домой и нареченного внука.

Вскоре Андрей взглянул на селе военный комиссариат. Началась обычная, повседневная работа.

26

Николай Гудов после злополучной ночи, когда он чудом остался жив, с неделю разыскивал свой продотряд, осторожно расспрашивал у людей.

На одной из железнодорожных станций его арестовали уже чекисты, допросили и, не получив вещественных доказательств правоты его слов, отправили под конвоем в Самару.

Пока суд да дело, нагрянули белочехи, так что Колька прямым ходом оказался в губернской тюрьме, где отсидел больше трех месяцев. Освободили уж в октябре только, когда белочехов разгромили. В старой, видавшей виды телогрейке с чужого плеча и драных ботинках Николай пошел было навестить тетку Марфу Казимирову,

но соседи ему сказали, что она арестована и где находится, неизвестно.

Заглянул к сапожнику Маслову. Тот сидел у окошка, подшивал в почерневших от гудрона рукавицах валенки крючком. Кряхтел и тужился, затягивая очередной узел.

- Здрасьте, дядя Сидор, - Николай встал у двери.

Маслов внимательно посмотрел поверх разбитых стекол очков.

- Ты откуда явился не запылился?..

- Да вот к тетке Марфе зашел, а ее нет, говорят.

- И...и, друг любезный, тут сейчас многих кого не досчитаешься, слыхал, небось, дела какие творились, откуда они только свалились на нашу голову, чехи-то? Бают, Марфу с другими многими в поезд посадили и увезли. Куда - неведомо. Может, возвратится... Ну а ты чего?

- Да вот из тюрьмы только вышел...

- И куда ж теперь?

- Не знаю, - Николай, не спрося разрешения, присел на край лавки, задумался.

- Вот чего, паря, думать тут нечего, поезжай-ка, откуда приехал, в деревню, времена сейчас крутые, пережди малость.

Колька изумленно посмотрел на Маслова - как же ему не пришла в голову такая простая мысль. И правда, ну, конечно же, в село, домой, а там видно будет. Колька встал, взялся было за дверную скобу.

- Подожди, подожди, - остановил его Маслов, - голодный, поди, перекуси-ка чего ни на то, баушка-то у меня с девками на работу ушли, дак один командую.

С куском хлеба в вещмешке Колька через час шагал уже по Дворянской улице к пристаням. В кассе ему сказали, что пароход будет после обеда. Присел в зале на лавку, задумался, задремал даже. Очнулся от того, что кто-то тормошил его в бок. Это был военный патруль, два красноармейца и старшой в кожанке.

- Нет у меня документов, из тюрьмы я только, - Колька моргал глазами, озирался по сторонам.

- Пройдите с нами, гражданин...

- Да у меня пароход скоро...

- Ничего, успеешь...

На Панской посадили в каталажку. Тут и бывшие чиновники, карманные воры, человека два по выправке вроде как из офицеров. Утром повели на допрос. Ввели в кабинет. У окна, ссутулившись, стоял человек в кожанке, седые волосы на пробор. Кольке показался он чем-то очень знакомым.

- Так, ну что, Гудов Николай Васильевич. - Человек обернулся, подошел не торопясь к столу. Колька к радости своей признал бывшего секретаря Совета Козлова.

- Рассказывай по порядку все, только без утайки. Я про тебя все знать должен, даже думы твои тайные.

Колька стал рассказывать, Козлов слушал, время от времени засорив папиросу, кивал головой.

- Чудно получается, на тебя уж похоронка пришла, убили вроде тебя кулаки в Елховке в ночь на второе июля, а тут такое дело. Ладно... Ты, браток, посида покуда еще денек, мы тут уточним кое-что, сам понимаешь, время такое.

Через два дня Николай Гудов был направлен в военный комиссариат, откуда прямым ходом последовал в Кинель, где формировалась воинская часть. Так Колька стал бойцом Красной Армии.

27

В первых числах января в Новодевичье нагрянули продотрядовцы, всего человек десять во главе с Курниковым Пантелеем, сорокадвухлетним мрачного вида мужиком из старых коммунистов. Вечером в школе состоялось расширенное партсобрание. Собралось человек тридцать. Вел собрание секретарь сельсовета Шалдаев. Прокашлялся в руку, загудел:

- Прошу прекратить шум и курить бросьте покудова, - окинул всех взглядом, - слово предоставляется представителю губкома Курникову Пантелею Фомичу.

Все притихли. Курников достал записную книжку, вышел к столу, заговорил:

- Значит так, довожу до вашего сведения, что на вашу волость недоимка по сдаче хлеба в полторы тысячи пудов числится.

Все ахнули, загудели.

- Это куда такую прорву, - раздался из задних рядов голос Алеши Трегубова.

- На Новодевичье приходится..., - повысил голос Курников, стараясь перекричать всех. Его не слушали.

- Да тише вы, дайте человеку сказать, - прикрикнул на шумевших Шалдаев.

- ... Так. На Новодевичье приходится пятьсот тридцать восемь пудов да ячменя тридцать, итого - пятьсот шестьдесят восемь пудов.

Встал из передних рядов Ермолай Ушаков, замахал было рукой.

- Что-то я тебя не пойму, товарищ дорогой, мы ж вот только отправили по разнарядке четыреста с гаком, вот и товарищ Казимиров подтвердит. Тут что-то не так. Этот хлеб с кровью вырвали, а тут еще...

- Вы сядьте пока, я поясню, - перебил его Курников, - могу доложить присутствующим, что пришла бумага из Наркомпрода, где ясно указано...

Курников достал из кармана брюк бумагу, развернул.

- Значит так... приказом Наркомпрода устанавливаются для крестьян следующие нормы: на душу населения двенадцать пудов в год, на рабочую лошадь - восемнадцать пудов, на корову - пять пудов... Все остальное должно сдать государству.

Снова все зашумели, задвигали лавками. Слово попросил Андрей Гудов. Слегка подмигивая левым глазом, тик появился у него после контузии, и опираясь на трость, заговорил горячо:

- О чём шумите, земляки, коммунисты? Где ваша революционная сознательность? Рабочие Москвы, Петербурга и других городов получают по осмушке хлеба на два дня и идут на работу, идут строить дома, выпускать сложные и так необходимые нашей стране машины. Голодные горняки под землей добывают уголь, чтоб люди не мерзли, чтоб устояла наша Советская власть назло врагу. А вы вцепились в свое барахло и оторваться боитесь, и это вы, передовые, сознательные крестьяне, коммунисты. Так чего же от других-то ждать?

Казимиров с интересом смотрел на него.

Когда возвращались с собрания, не утерпел, похвалил: "Ну ты прямо Цицерон, всех за пояс заткнул".

- Это кто такой?

- А бес его знает, слыхал где-то... Мастак, мастерак, ничего не скажешь...

- Не впервые...

- Так-то так, - задумчиво проговорил Казимиров, - а вот как взять его, хлеб-то?

- Ничего, возьмем.

- Посмотрим...

Вечер наступил холодный. Завывал пронизывающий ветер, лохматил соломенные крыши. В лицо бил пригоршнями колючий снег.

На другой уже день по селу начались хлебные облавы. Продотряды, сопровождаемые коммунистами и активистами, группами по пять-шесть человек на подводах подъезжали по очереди к каждому дому, лазили по закромам и амбарам, тыкали штыками землю в сараи - не зарыли ли в землю? У Зимина около пятнадцати пудов отборного зерна нашли в бане, когда вскрыли пол. Нашли случайно.

Сам хозяин, Лука Петрович Зимин, пожилой уже, полный и красиволицый мужик, встретил непрошеных гостей с виду спокойно. Жена его было всплакнула, но он прикрикнул на неё, и та смолкла. Два взрослых сына, женатый Павел и холостой еще Конон, сидели за столом, хлебали деревянными ложками щи. Сноха возилась у печки.

Обыскивали все в избе, подполье и сенях. Лука Петрович сам открывал замки, показывал, что и где, приговаривая:

- Мы новой власти не помеха, как сказали, так и сделали. Чего искать, чего искать? Вот своими руками с неделю как свез пять мешков зерна - ешьте, не жалко... Скажи, сосед, - обратился он к Якову Гудову.

Тот подтвердил. В это время один из молодых продотрядчиков захотел по нужде, вышел во двор, осмотрелся. У телеги мальчик лет пяти-шести возился с кутенком - мастерил ему из соломы лежанку.

- Малец, у вас где уборная?

- Тама она, за баней, - мальчик, не оборачиваясь, махнул в сторону.

- Где тама?

Мальчик побежал в сторону сада, продотрядовец за ним.

- Вот баня, только мы теперь тута не моемся...

- Это почему же?

- Туга тятъка с дедом Лукой давеча яму большую рыли. Во-о какую...

Малец развел руки в стороны. Когда толпой пошли к бане, прихватив топор и пару лопат, Зимин обогнал всех, встал у двери, загородил проход.

- Не пущу, чего хотите делайте, а не пущу...

Потом встал на колени, закричал:

- Изверги, погибели на вас нету...

- Ну, ты больно-то язык не распускай, а то прищемим, - пригрозил молодой продотрядовец.

- Я тебе первому прищемлю, сосунок мокрохвостый, ты у меня еще попрыгаешь.

В это время из избы в полушибках выбежали оба сына Зимина, метнулись со двора. Их догнали, связали, вместе с отцом свезли в кузузку при милиции, потом отправили в Сенгилей. Взломали пол в бане, слегка тронутое сыростью зерно свезли в общественный амбар.

Дмитрий Гудов с тестем по совету дяди Якова сами свезли в тот же день мешков по десять зерна, получили от Курникова расписку.

За две недели выгребли почти весь хлеб, даже семенной. Уж давно было отправлено пятьсот с лишним пудов, а Курников не унимался. "Потрясли маленько ваших куркулей, ничего, очухаются, по весне, дай бог, еще приедем, ждите", - пообещал он провожавшему его и обескураженному Шалдаеву.

Полк, в котором служил Николай Гудов, первый бой принял под Царицыном. Вот уже второй раз за два месяца донская казачья армия атамана Краснова пыталась захватить Царицын.

Полк глубоко зарылся в окопы километрах в десяти от города, в степи. Справа держали оборону ополченцы. Большинство заводов города стояли, работали только те, что выпускали что-то для обороны. Город замер в ожидании.

Слева на высотке затаилась дивизионная артиллерия, за ней батальон матросов-речников.

Командир полка, Насонов Павел Иванович, щеголеватый усач из бывших царских офицеров приказал подпустить белогвардейцев поближе. "Без команды не стрелять...", - пронеслось, как эхо, по цепи. Колька уткнулся в землю, смотрел, как ровной цепью, словно на параде, приближались белогвардейцы.

- Красиво идут, стрелять жалко, - произнес сосед, пензенский скорняк Кондратьев, одногодок Кольки.

Цепь приближалась, вот уж можно было явственно различить со средоточенные злые лица.

- Чего они ждут? Стрелять надо, - Колька с тревогой посмотрел в сторону, где только что скрылся командир полка.

- Чего попусту стрелять, пускай идут, встретим...

Кондратьев воевал уже с полгода, считал себя бывальным воякой, да и не хотелось выказывать трусость перед новичком. В это время белогвардейцы, не останавливаясь, дали залп и побежали.

- Пли, - раздалась команда. Колька начал лихорадочно стрелять, почти не прицеливаясь. Белогвардейцы залегли, открыли ответный огонь. Через минуту встали и побежали к окопам, оставалось каких-нибудь пятьдесят метров.

- В атаку, за мной..., - прокричал командир, с трудом вылез из окопа, встал во весь рост, побежал. Один за другим красноармейцы карабкались из окопов, бежали вперед, изредка стреляли.

"Ура-а-а, ура-а-а" - раздавалось с обеих сторон.

Колька бежал что было сил, задыхался, видел, как то справа, то слева падали его товарищи. Подломил колено, словно споткнувшись, Кондратьев. Колька на мгновение остановился, склонился над ним. Из запрокинутой головы, с виска, тонкой струйкой текла темная кровь на примятую и выбитую сапогами траву, промерзлую землю. Влажные еще глаза смотрели, не моргая, в мрачное осеннее небо. Колька осталбенел, хотелось бросить все и бежать куда глаза глядят из этого ада. В это время краем глаза он увидел приближающуюся к нему фигуру. Метрах в двадцати бежал прямо на него белогвардеец, были четко видны его рыжеватые усы, злобные глаза. Белогвардеец вскинул руку, на ходу выстрелил из пистолета, пуля просвистела

около правого уха. Колька упал чуть в стороне от Кондратьева и тут только вспомнил, что в руках у него винтовка. В то время, когда рыжеусый снова вскинул руку, Колька выстрелил, белогвардец схватился за живот, упал, поджав руки под себя, корчился на траве. Страшно было смотреть в его сторону, Колька отвернулся.

Бой в это время заканчивался. Атака была отбита, остатки белогвардейцев скрылись за бугром, их преследовала долго конница.

Царицын остался за красными. Изрядно потрепанный полк перебросили в Саратов, где разместили в казармах неподалеку от железнодорожного вокзала. Полк доукомплектовывали. Ежедневно из-за Волги прибывало пополнение, в основном деревенские мужики и парни. Их в спешном порядке за неделю-две обучали обращаться с винтовкой, к строевой едва приступали - не до того. Саратов после боев выглядел угрюмо, давно уж не освещались улицы, дома обогревались печками-буржуйками. По ночам, в кромешной тьме, местные жиганы грабили и раздевали догола зазевавшихся прохожих, потрошили квартиры. За ночь раза два то тут, то там поднималась беспорядочная стрельба. К этому привыкли и уж не обращали внимания.

Поздняя ночь. Колька дремлет в дежурке. За окном завывает ветер. Холодно, тоскливо, неимоверно хочется спать, глаза слипаются, хоть спички вставляй. Тускло мигает керосинка на столе. За стеной спят красноармейцы - вчерашние рабочие и крестьяне.

Чтоб как-то сбросить с себя сонливость, Колька раза три выходил во двор, переговаривался с часовыми, брал в пригоршни снег и тер лицо. Под утро, когда на востоке чуть забрезжил рассвет, в дежурку вошел посыльный с приказом из штаба армии. Колька побежал через двор к двухэтажному дому, где квартировали офицеры, разбудил комполка Насонова. Тот быстро пробежал глазами бумагу, на ходу одевался, приказал:

- Быстро поднимай ротных. Так, сейчас без четверти пять, в семь ноль-ноль чтоб были готовы к отправлению.

Насонов вырвал из блокнота лист бумаги, что-то размашисто написал.

- Передай это начальнику вокзала. Хоть из-под земли, а пусть раздобудет состав, вагонов в пять.

Через полчаса Колька был уже в маленьком кабинете начальника вокзала. Лысый, средних лет начальник вокзала пробежал глазами бумагу, встал, прихрамывая, подошел к окну.

- Одним - вагоны, этим - паровоз, я их что, рожу что ли?

- Чего мне передать-то? - Колька нерешительно стоял у двери.

- Так и передай, - нету, мол, вагонов и не будет, вон, одна дрезина осталась.

Вскоре прибежал и Насонов, сразу с порога:

- Ты мне слезы не лей тут, скажи лучше, что делать?.. Сам знаешь, если через два часа полк не отбудет в нужном направлении, и мне и тебе головы не сносить.

- Я такие угрозы, дорогой Павел Иванович, на дню по пять раз слышу, у меня от них уж вон голова полысела. Я тебе где их возьму, вагоны-то, вон, они все, почитай, вдоль дороги да под кручами лежат. Ни единого дня без боя не обходится. Я за вчерашний день едва пути наладил и то ладно.

В это время в кабинет вбежал совсем молоденький красноармеец из недавнего пополнения, с перерывами заговорил:

- Товарищ командир, вас там ротный к себе просит, из штаба армии кто-то приехал.

Насонов резко встал с табуретки, подошел к двери, обернулся.

- Вот, оставляю тебе красноармейца Гудова, если нужен буду, пришлешь... И состав достань, иначе разговор короткий.

Молоденький красноармеец убежал, Колька остался в кабинете. Только было Насонов взялся за дверную скобу, дверь распахнулась, в кабинет стремительно вошел рослый сухощавый военный в шинели нараспашку. Черты лица заострены, чуть рыжеватая бородка клинышком и жгучие, пронизывающие насквозь глаза. Колька признал по портрету на стене в казарме Феликса Эдмундовича Дзержинского. Начальник вокзала оторопело встал, вышел из-за стола. Дзержинский сел на его место, устало оперся одной рукой на стол. Комполка и Колька навытяжку замерли у двери.

- Ты получил приказ перебросить полк к Хвалынску? - обратился Дзержинский к Насонову.

- Так точно, получил сегодня в четыре сорок пять, - отрапортовал тот.

- Почему не выполняешь? - Дзержинский смотрел холодно, тяжело.

- Нет транспорта, товарищ Дзержинский, думаем вот с начальником вокзала.

- Фамилия?.. - Дзержинский повернулся к начальнику вокзала.

- Мельников, Семен Федорович Мельников, - проговорил тот с дрожью в голосе.

- Через сколько времени можешь отправить полк?

- Нет вагонов, товарищ Дзержинский, не могу отправить, сами знаете...

Медленно, очень медленно Дзержинский достал руку из кармана. Колька и не понял сразу-то, что произошло. Раздался глухо выстрел, Мельникова отбросило чуть назад и он повалился на бок.

- Зови заместителя, - приказал Дзержинский, доставая папиросы и нервно закуривая. Наган с блестящей рукояткой лежал на столе. В комнате запахло гарью.

Колька выбежал в коридор, лихорадочно стал бегать вдоль кабинетов. "Господи, что же это делается? Как же так можно?"

Заместитель начальника вокзала, широкоплечий мужчина из бывших матросов, с большим красным носом, испещренным ямочками, вошел в кабинет вразвалочку. Однако, разглядев возле стола лежавшего недвижимо своего начальника, растерялся, мял в руках шапку.

- Через сколько можешь отправить полк? - обратился теперь уже к нему Дзержинский.

- Не могу отправить, ни единого вагона в резерве и три паровоза в ремонте. Не раньше, чем дня через три-четыре...

Договорить он не успел, выстрел в грудь оборвал его на полуслове. Он отупело и зло посмотрел на стрелявшего, грохнулся гулко на пол.

- Зови, кто там еще у них есть...

Колька снова выбежал в коридор. "Ну сейчас и меня так же, под горячую руку. Бежать надо... Куда убежишь-то?"

В коридоре никого не было. Колька бросился на улицу, пробежал метров сто в одну сторону, потом в другую. Возле светофора на путях кувалдой и ломом работал пожилой, с седыми обвисшими усами железнодорожник.

- Иди-ка, дядя, тебя там зовут...

- Кто?.. - путеец отбросил лом в сторону, кувалду держал между ног.

- К начальнику вокзала просят, - схитрил Колька.

Вместе вошли в кабинет. Дзержинский и Насонов о чем-то оживленно и громко разговаривали. Рабочий искоса бросил взгляд на лежавшие на полу два неподвижных тела, однако, видимого испуга на его лице и в глазах уловить было нельзя. Рукавицей обтер усы и губы.

- Кто такой будешь? - Дзержинский внимательно посмотрел на вошедшего.

- Путеец Коваль Назар Фомич.

- Давно на железке работаешь?

- Да, почтый, лет тридцать...

- Видишь? - Дзержинский кивнул на лежавших.

- Не слепой.

- Ну, и хорошо. Через сколько можешь отправить полк на Хвалынск?

- Ну, если будут рабочие руки, часа через четыре можно и отправить.

- Батальон солдат в его распоряжение, - приказал Дзержинский Насонову.

Два часа солдаты прямо на руках волокли из-под откоса перевернутые, перекореженные вагоны, ставили на рельсы. Залатали дыру в

топке в одном из трех паровозов в мастерской. Через три часа полк был отправлен на фронт.

- Останешься начальником вокзала, а этих убрать, я давно до них добирался, - приказал Дзержинский Ковалю. Сел в машину и уехал.

29

К первым числам февраля оставшихся у крестьян хлебных запасов, особенно фуражи, стало не хватать, скотину кормили впроголодь. Многие едва наскребли зерна на семена.

Дмитрий оставил только пару овец да корову. Стельную телку-лётчицу пытался продать, да где там, никто даже не приценивался.

- Сведи в Ягодное, Митя, может, там продашь, - посоветовала со слезами на глазах Екатерина, - пусть не деньги, дак хлебушка проси или одежонку какую, поизносился изрядно.

Екатерина, к великой своей и мужней радости, после длительного перерыва была теперь беременная, с трудом носила свой огромадный, как гора, живот. "Господи, - молилась она по вечерам перед иконой Пресвятой Девы Марии, - дай выносить дидяtko, дай порадоваться на родную кровиночку глядючи. Ведь он, Митя-то, добрый, ласковый, а и тоже от бездетной-то меня того и гляди гулять начнет". Дмитрий как узнал, что Екатерина беременная, запретил ей поднимать тяжести, сам ходил в колодец за водой, сам даже корову доил, накинув на плечи женский сарафан, иначе пестрая молодая еще корова Зорька к себе не подпускала.

Собираясь в воскресенье в Ягодное, Дмитрий долго наставлял жену:

- Я там сенца натеребил малость, брось только в козлы, и соломы нарезал. С ведерко в чулане отрубей возьми, присыпь солому-то, это уж вечером. Да я, может, и вернусь к тому времени.

Ехать решили вместе с дядей Яковом - тот повез на продажу овчинный тулуp да пару валенок.

В Ягодном базар оказался тоже небогатым, до обеда к ним и не подходил никто. К обеду проголодались изрядно, проглотили по малому куску хлеба с солью, однако только еще больше засосало под ложечкой.

- Давай в харчевню что ли сбегаем, хоть взвару по кружке выпьем, - предложил дядя Яков.

- Да у меня денег-то намалях..., - отказался было Дмитрий.

- И у меня не густо, - Яков погремел в ладони медяками.

Оставили лошадь с телкой на Павла Беляева, торговавшего тут же постным маслом, пощагали к харчевне, расположенной невдалеке, у церкви.

- Здорово, сватъя, - Яков шумно отряхивал рукавицей соломенную труху с валенок, заглянул в проем кухонного окна, откуда зазывно потягивало жареным мясом, - подай-ка нам взвару по стакану.

- Эт что тут за сват нашелся, - из окна выглянула дебелая повариха, внимательно всматривалась в посетителей.

- Вот тебе раз: три дня гуляли вместе и не узнает, - изумился Яков.

Повариха продолжала смотреть, наморщила лоб, пытаясь что-то вспомнить.

- Ты откуда, дядя?..

- Как откуда, откуда и ты, откуда и все люди берутся...

- Погоди... это у Агафы что ли гуляли-то?

- Ну да... Запамятаю...

- Как они там?

- Да ничего себе живут, не тужат, поклон тебе вот шлют, чуть донес...

Повариха, довольная, улыбнулась.

- Ладно..., ну и им кланяйся.

- Поклонюсь, коль доеду.

- Чего так?

- Да промерзли, как собаки, дай-ка нам, сватъя, чего погреться, чайку что ли стакана по два...

Повариха подала по кружке чая.

- Да вы б щец похлебали...

- И это можно, - согласился охотно Яков.

"Сватъя" подала по большому блюду наваристых щей с баариной, по ломтию пеклеванного хлеба. Яков было протянул ей свои медяки, та запротестовала:

- Да ладно, сват, чай, свои, чего уж там...

Плотно перекусив, мужики вышли на улицу, вроде как и мороз поубавился.

- Это чья такая? - Дмитрий чуть поотстал, доставая на ходу из кармана махорку.

- Кто?..

- Ну сватъя-то?

- А я почем знаю, - Яков громко рассмеялся.

- Ну, ты жук, дядя Яша, - Дмитрий искренне удивился.

- Учись, племяш, пока я жив...

Всю обратную дорогу они вспоминали этот эпизод и весело смеялись.

Только уж далеко после обеда, когда Дмитрий собирался не солено хлебавши в обратный путь, к нему подошел молодой, курносый мужичок с окладистой бородкой, в руках - только что купленный хомут.

- Почем продаешь, дядя?
- Да хоть так бери, на ночь глядя...
- А все ж-таки?
- Сколько не жалко? Говори...
- Да я не себе, братан у меня поговаривал давеча, корову б сменить, говорит.
- Это твоя телка-то иль сторговал у кого?
- Моя, конечно. Бери, дядя, не пожалеешь, ведерница мать-то у нее, спроси у нас в селе любого.
- Ладно... Ты погоди тут минутку, он, брат-то, рядом тут живет, добегу я пойду.

Вскоре пришли уж вдвоем. Брат бородача, выборный сельский судья из бывших царских офицеров, Долинин Алексей Васильевич, высокого роста, видный из себя, с черными как смоль усами, не торговался. Тут же говорились на десять пудов ржи да два мешка овса. Сам же и помог погрузить на сани, напутствовал вдогонку:

- Коли не ко двору, так обратно верну телку-то. Кого ежели искать в Новодевичье?
- Спрашивай Гудова Дмитрия, нас там всякая собака знает.
- Ну, а меня Алексеем кличут, Долинины мы.

Уже по-темному Дмитрий вернулся домой, Екатерина беспокоилась уже, с тревогой выглядывала в окно, на крыльце раза три выбегала, набросив плат.

С приближением весны, однако, убой скота на селе нарастал. Из уезда пришло постановление, требующее прекратить массовый убой скота, проводить разъяснительную работу.

- Я им как объясню-то? - возмущался председатель волисполкома Шалдаев, - животина ведь слов не понимает, ей сенца подавай да хлеба не скучись сыпь, а его и нету, хлеба-то. Вот вам и резолюция...

Пятого марта из уезда прибыл уполномоченный Белов Иван Семенович, средних лет, сухощавый, с портфелем под мышкой.

Предъявил мандат из центра на учет скота. На другой день с утра сопровождаемый Яковом Гудовым да секретарем волисполкома с недавнего времени Василием Шляндина, он приступил к обходу дворов. При наличии у хозяина пяти овец брали сохранную расписку на три головы, при наличии двух коров - на одну голову. Лошадей же вообще изводить строго-настрого запрещалось.

- Вы мне за каждого коняку головой ответите, - страшал он хозяев.
- Я сам над своей животиной хозяин, что хочу, то и делаю, - возмутился было Петр Трофимович, тесть Дмитрия.

- Ты над своей задницей хозяин и то покуда не спиши, так-то...,
- приструнил его уполномоченный.

Белов дня за два сделал свое дело и уехал. В селе начались волнения. Кто-то распространял слух, что вслед за учетом скота последует его реквизиция, то есть, по-простому, отбирать будут, так, как летом отбирали хлеб. Потом уже вспомнили, что первым такую мысль высказал старший Вырыпаев: "Как бы, мол, не отобрали...". Спустя малое время это предположение переросло в полную уверенность. Люди собирались большими группами, громко обсуждали инцидент, грозились показать кому-то кузькину мать. Попытки членов волис-полкома усмирить народ к успеху не привели.

Сам Казимиров ходил от группы к группе, уговаривал, грозил даже. На него смотрели искося, зло. В воздухе чувствовалось напряжение, пахло приближающейся грозой. Казимиров пытался дозвониться с почты в уезд по одному единственному телефону в селе, но безрезультатно, слышался только хрюк.

Уже по-темному люди чуть утихомирились, многие разошлись по домам. Наступила тревожная весенняя ночь.

30

Среди ночи Казимиров проснулся от стука в окно. Хозяйка спала на печке. Стучали тихо, но настойчиво. Владимир, не зажигая свет, достал наган, подкрался к окну, прислушался. В окно снова застучали. Взвел курок, попытался рассмотреть что-то в темноте через замерзшие двойные окна.

- Кто там?
- Открой, дело есть...
- Чего надо?
- Гудов это Яков, открой, говорю.
- Иди в сени, сейчас я.

Казимиров набросил на плечи шинель, обул валенки на босую ногу, зябко кутаясь, вышел в сени, пустил нежданного гостя в избу.

- Бежать тебе, комиссар, надо. Мужики там колготятся у Вырыпаевых, на тебя зуб имеют. Скрыться тебе надо от греха подальше. Он, Вырыпаев-то старший: "Пришить, - говорит, - его, стерву, надо, с него вся пакость идет..." .

- Это чего они удумали, контры, Советской власти не подчиняться, да я их... Ты-то как пронал?

- Меня к Казатину послали, я и...
- Ладно, вот чего, собери-ка членов исполкома, быстро собрались чтоб, с оружием только.

Яков метнулся в дверь.

- Погоди... Андрей тоже пускай придет.

Гудов убежал. Владимир быстро оделся, вышел на улицу, побежал, задыхаясь, к почте, еле достучался до дежурного, старика Безбородова, прозванного на селе Тютей за маленький рост и гнусавый голос.

- Садись на телефон, передай в уезд телефонограмму. - Владимир достал из кармана карандаш, написал на клочке бумаги: "Начальнику Сенгилеевского уездного ЧК. Срочно. В Новодевичье силами местного кулачества организовывается контрреволюционный мятеж. Прошу выслатать подкрепление. Комиссар Казимиров".

- Сиди и звони и смотри у меня, без фокусов, слово в слово чтоб...

Тютя подслеповато моргал, смотрел равнодушно на лист бумаги.

- Э...э, мил человек, да тут не при мне писано...

- Да ты что, неграмотный, что ли?

- Ну, за вечер слова два скулемаю, оно, вить, в крестьянской жизни...

- Ладно, передай на словах: бунт, мол, тут, людей пусть присыпает. Тютя взялся за ручку аппарата, начал усердно крутить. Казимиров выбежал на улицу, направился к исполкому. "Так, двух-трех тут убить, остальные пентюхи вмиг хвосты прижмут. Вырыпаевы там воду мутят, как я их просмотрел, не сослал загодя..."

Проходя мимо своего дома, услышал шум разбитого окна, кто-то ломился в дверь.

- Караул, убивают, люди добрые, - заголосила из дома хозяйка. Вскоре смолкла.

- Нету его тут. - Из дома вышел рослый мужчина в чапане, бараньей шапке на голове. По голосу Владимир признал Беляева-старшего. - Сбежал сука. Владимир перемахнул через забор, садами полез к исполкому. Начинало светать, чуть забелело небо на востоке. Проваливаясь по пояс в сугробы, по рыхлому уже снегу вышел к исполнковскому дому. В окнах было темно. Тихо. "Не пришли еще, значит...". Казимиров опять по огородам направился к дому предисполкома Шалдаева. Еще издали сквозь обледенелые кусты вишениника увидел свет на кухне, заглянул в окно. Там Шалдаев мирно разговаривал с Яковом Гудовым. Не таясь уже, Владимир пошел к калитке. Во дворе на него набросились двое, ударили чем-то тяжелым по голове, потом поволокли в избу.

- Вот, явился сам, голубчик, - как сквозь пелену Владимир увидел в избе сидящего за столом со связанными руками Шалдаева, возле него Яков Гудов, тут же оба Вырыпаевы, Казягин.

Связанных на санях свезли на съезжую, избили в кровь. Чуть позже переловили и арестовали других членов исполкома, закрыли в чулане съезжей, поставили караул. Андрею Гудову удалось скрыться. Наступил первый день мятежа.

В чулане съезжей было темно, сырьо и холодно. Владимир без шапки и шинели съежился в углу, отплевываясь кровью, двух передних зубов во рту не было. Шалдаев сидел на полу, держался обеими руками за голову.

- Чего делать будем, Василий Петрович? - Владимир вытер рукавом гимнастерки распухшие губы.

- Помирать, чего же, - Шалдаев снял с себя полушибок, поправил разорванную штанину, - ты или сюда, хоть шубняком накроемся, закоченел, поди.

- Ну, ты раньше времени не помирай, продержаться нам надо, там в уезд сообщить должны, подмогу пришлют.

- Кто сообщит-то, уж не Тютя ли?

- Ну, сторож дежурный на почте...

- Во-во, он вокурат про тебя и рассказал, прибег. Никуда он не звонил, самому надо было.

- Да я пробовал, не дозвонился...

Неожиданно и тревожно зазвонил церковный колокол.

- Это еще чего, озоруют, что ли кто?

С год уже как церковь не работала. Отца Сергия сослали на Соловки, отца Иоанна поздней осенью, с полгода как, нашли мертвым в луже. То ли с пьяну упал да захлебнулся, то ли кто помог.

- Народ это собирают, должно. Ты вот чего, комиссар, я таклагаю, нас пытать будут, может, к людям выведут. Ты их уж больно-то не путай, не время сейчас, а то и сплепнут сгоряча да попьяну. Чего уж там... Уговорить надо...

С улицы слышны были голоса. Иван Вырыпаев был в набат, сзываая народ. Через малое время на церковной площади собрались сельчане. На середину выкатили две пивные бочки, поставили на "попа", сколотили досками. На сооруженный помост взобрался старший Вырыпаев, снял шапку, поклонился людям, заговорил зычно:

- Народ православный, земляки, доколе терпеть мы будем, как нас насиливают и обирают до нитки, по миру хотят пустить побирушками последними. Хлеб взяли, а теперь скотинешку забирают. Что это за власть, которая, не спросясь, грабит да еще и плакать не велит...

- Не нужна, вон ее..., - раздалось в толпе, - свою власть установим, крестьянскую, мы сами себе...

Вырыпаев, изрядно под хмельком, слегка покачнулся на шатком помосте, однако, устоял, поднял руку.

- Вот и я говорю, всем народом подняться надо, за вилы и топоры и в шею ее...

Вторым на помост взобрался Яков Гудов.

то - Я так скажу, земляки, нам Советская власть дала землю - спасибо и низкий поклон ей за это. Я первый был за нее, обеими руками. Ну а зачем она мне, земля-то, нужна, коли у меня весь хлеб заберут потом? Я на помещика Мешкова батрачил всю жизнь, теперь, значит, тоже все отдай.

- Дай, да не бай, а ты как думал, - отозвался из толпы Алеша Трегубов.

- Свою гниду надо сначала изничтожить, - из толпы пробивался, расталкивая народ локтями, Петр Беляев, - они, власти-то, одно говорят, а тут наши по-своему переиначивают. Казимира в первую голову порешить надо. Так я говорю?...

Толпа молчала. Дело принимало серьезный оборот - к этому были еще не готовы.

- А ну, Ванята, веди-ка его сюда, голубчика, - приказал Тимофей Вырыпаев сыну.

Толпа ахнула, когда увидели окровавленного, в синяках Казимира, в накинутом на плечи шалдаевском полушубке.

- Это кто его так, бабоньки, - запричитала Анна Ушакова, прижала платок к губам.

- Слыхать, он бежать хотел, а тут его мужики и схватили, Вырыпаевы, вроде, оба да Казягин.

- Вот он изверг, - с ненавистью проговорила старуха Беляева, провожая Казимира злым взглядом, потом подбежала, култыхая и тяжело опираясь на костьль, плюнула, стараясь угодить в лицо. Плевок, однако, попал на гимнастерку.

- Чего будем с ним решать? - на бочку снова взобрался Тимофей Вырыпаев.

- Судить надо, - раздалось из толпы.

"Спаси, Господи, люди Твоя... Не введи нас в искушение, но избави нас от лукавого", - причитал Коля Поплевин, бродя среди толпы, неистово крестясь на обезглавленный, без креста купол церкви, где шумно вились вороньи галки.

На него смотрели со страхом, сторонились робко.

В это время Казимиров, наблюдая некоторое замешательство среди людей, со связанными руками одним махом прыгнул на стоящие у коновязи сани с лошадью, встал во весь рост, обернулся к людям.

- Люди добрые, чего же вы делаете? Не слушайте мироедов-кулаков, они вас на погибель манят. Советская власть им встала поперек горла, а вы-то чего?.. Разве для того гибли наши отцы и братья на фронте, чтобы снова установить власть помещиков и буржуев, для того мы громили и громим белогвардейцев, чтобы снова в ярмо влезть?.. Разойдитесь по домам. Я обещаю ходатайствовать перед властями, чтобы вас не притесняли, я...

Договорить он не успел, младший Вырыпаев отвязал лошадь от коновязи, дернул в сторону. Владимир упал на снег, обильно промоченный конской мочой. На него навалились, привязали за ноги к саням лицом вниз, поволокли на Волгу, остановились на льду.

Казимиров сквозь стекающую на глаза кровь еле различал толпившихся вокруг людей, слышал гулкие удары - это долбили ломом прорубь. Разрезали ножом веревку на руках, поставили на ноги. Владимир отер рукавом лицо. Холода он не чувствовал, хотя стоял на льду босиком. Когда бросили в дымявшуюся прорубь, тело сразу же онемело, в голове мелькнула мысль: "Мать-то как теперь, одна со всем... Не такой бы смертью надо..." Уже не сознавая, хватался руками за кромку льда, а его толкали жердью в грудь и плечи. Чувствовал, как бьют чем-то тяжелым по рукам. Хлебнул раз, другой. Ноги затягивало под лед. Последний раз вынырнул, взглянул ввысь. "Вот оно, небо, серое какое-то..."

По льду помела поземка. Вскоре полынья покрылась тонким слоем льда и не различишь сразу-то. Вокруг только долго еще через снег и лед прослеживались явственно капли комиссаровой крови, к полуночью и их не стало видно.

31

Село забурлило, заклокотало. Опьяненные первой кровью, в большинстве своем крепкие мужики из зажиточных искали выход скопившейся ярости. До полусмерти избили пленных исполнковцев. До полуночи не прекращался сход у церкви. Выбрали штаб и совет, в который вошли отец и сын Вырыпаевы, Казатин, Серов, Ушаков, Беляев. К удивлению многих, ярым сторонником восставших стал Яков Гудов, доселе считавшийся активистом Советской власти и даже входивший в свое время в комитет бедноты.

После обеда совет заседал в помещении волисполкома. Сидели за столом, парились, кто в фуфайке, кто в чапане внакидку. Дым коромыслом.

- Ну теперь, ребята, отступать некуда, кровь на руках, Казимирова-то нам в жисть не простят, - старший Вырыпаев плонул на ладонь, погасил самокрутку, бросил на пол, - чего будем дальше делать? Думайте.

- На Урал гонцов слать нужно, к Колчаку, у него защиты просить, одним нам не справиться, - предложил Ермолай Ушаков.

- Э...э, туда беги не беги, пока добежишь, у нас тут все потроха повынимают да сушиль повесят, - возразил старик Казатин. - Я так кумекаю, уж коль пошла такая пьяня - режь последний огурец, надо округу поднимать, нынче многие на власть в обиде, поддержат, поди.

- Оружие надо добывать, куда с голыми руками-то, - Иван Вырыпаев горячо потирал руки, - а Ушаков верно, батя, калякает, сколько

мы тут продержимся, одному богу известно, а к Колчаку послать надо, может, и выгорит что...

- Ну ладно, мужики, так и постановим, - пока суд да дело, надо ружьишки собрать, в кузнях пущай пики да сабли скуют, сколько смогут. Теперь так, собрать к завтрему подводы, поедем к соседям, а пока молчок... Ежели что, друг на друга не валить, все кашу заварили, на всех кровь комиссарова есть. Так-то...

Наступил вечер. В окнах один за другим зажигались огни. В трех кузницах села - на Садке, на Бутырках и у беляевских мельниц трудились кузнецы. Во главе с Алешей Трегубовым ковали ножи, пики, копья. В сумерках на их потных лицах, как зарево от пожара, играли огни, густо сыпались на землю искры. В темноте от дома к дому бегали люди, скрываясь от своих и от чужих, сторожко озираясь.

Дмитрий Гудов далеко за полночь прилег, не раздеваясь, на кровать.

- Чего это будет-то, Митя? - Екатерина качала ногой ляльку, сама сидела подле, на лавке. В ляльке двухмесячный сын пускал пузыри, гукал, никак не хотел спать, встревоженный, по-видимому, всеобщим волнением. Сына назвали Валентином.

- То и будет, перебают нас всех и вся недолга...

- Как же это?.. Покаяться надо, пока не поздно, простят, может...

- Так и жди, простят...

- Ты сам-то не ходил бы с ними, а..., - Екатерина просила жалостливо, - куда я без тебя с дитем?

- А по мне что ни поп, то батька. Что при царе-батюшке шею гнули да землю пахали, что при Советской власти из ярма не вылезаем. Я чему дивлюсь-то, ну Вырыпаевы там, Казягин, Беляев ладно, богачи коренные, они знают, за что горло дерут, ну а дядя Яков-то, голь перекатная, а туда же. Вот ведь ему-то чего надо?

Помолчали. На улице залаяли собаки, видно, кто-то проходил мимо.

- А Андрюшка, говорят, убежал, может, спрятался куда...

- Хорошо, а то б и его, как Казимирова...

- Господи помилуй, чего это деется, верно, видать, бабаня говорила, что-де поднимутся брат на брата, сын на отца. Я все не верила.

Ночью подморозило. Ветер стих. Большиими хлопьями пошел снег, тихо ложился на землю и крыши, покрывал деревья. После первых петухов снова подул из-за Завражной горы ветер, слуяя с деревьев только что опустившийся снег.

32

Андрей Гудов, как признал об аресте и избиении Казимирова и исполкомовцев, по берегу Волги, спотыкаясь и падая на не совсем еще зажившую ногу, побежал в Красный поселок. Еще по-темному

в крайней избе у знакомого крестьянина-середняка Евстафия Рахманова взял лошадь и верхом поехал в Сенгилей. К обеду он был уже в кабинете у уездного комиссара внутренних дел Кирюхина, грузного, седовласого.

- Что ж вы там, так твою мать, одного-двух прищучили, и все б в момент утихомирилось.

- Я думаю, там дела серьезные начинаются, товарищ комиссар.

- Ладно, разберемся.

Кирюхин связался по телефону с председателем губисполкома. Часа через два отряд милиции из двадцати человек во главе с Кирюхиным на конях тронулся к Новодевичью. Ночевали в Подвале в избе крестьянина Петра Кокарева. Хозяин набросал на пол свежей соломы, улеглись вповалку, выставив на всякий случай караул. Среди ночи караульный разбудил Кирюхина.

- Товарищ комиссар, Иван Кузьмич, тут человек из Новодевичья, до вас просится...

- Кто такой? - Кирюхин спросонья протирал глаза.

- Кто его знает, писарь, говорит, исполнкома...

- Васька Шляндин, должно, - Андрей проснулся тоже, привстал на соломе, поправил тельняшку.

- Заводи давай, - приказал Кирюхин.

- Да он уж на кухне.

Васька Шляндин стоял у порога в драной телогрейке и стоптанных валенках.

- Ты как здесь, Андрей? Я думал, и тебя схватили, - обрадовался он, завидя Гудова.

- Убег я, успел. Ну чего они там?

- Смуга там, смута великая. Казимирова убили. Вырыпаевы да Казятин больше воду мутят. Они, значит, как Казимирова потопили, зачали исполнковцев терзать. Ну, думаю, сейчас и за меня возьмутся, как никак я тоже при исполнкоме служу - я на сеновал и склонился, а потом уж сюда деру.

- Ну, ты рассказывай все по порядку, - приказал Кирюхин, застегивая портупею.

- Значит, так... Как прознали мужики, что скотину будут реквизировать, подняли шум, нам, говорят, что ж тогда с голоду погибать?..

- Погоди... Это с чего они взяли, сукины дети, что скотину-то?

- Да как же. Когда от вас приезжал уполномоченный с неделю как, животину описал и вроде как намекнул, мол, скоро могут и реквизировать, не моги, значит, колоть...

- Так это ж липа все... Ладно. Кто у них там главарь?

- Кто... Известно кто... Я и говорю, Вырыпаевы отец с сыном, Казатин, да вот отец его к ним примкнул, верховодит тоже.

- Брешешь, гаденыш, - Андрей, как ужаленный, вскочил со стула, сжал кулаки, шагнул было к Шляндина. Глаза его от ярости налились кровью.

- Может, и брешу, - миролюбиво согласился Васька, - только все, видел, возле них крутился.

"Хитрит чего-то старик", - несколько успокаиваясь, подумал Андрей, - ладно, разберемся.

- Дальше говори, - приказал Кирюхин, доставая из кармана смятую коробку папирос, закурил.

- Ночью, значит, похватали всех исполнковских, закрыли кого на съезжей, кого в исполнкоме, избили в кровь, ну а комиссара порешили.

- Кто? - наливаясь лютой ненавистью, сквозь зубы процедил Кирюхин.

- Много их там было...

- Кто казнил? - глядя в упор на Шляндина, снова спросил, как плетью хлестнул, комиссар.

- Врать не буду, не был там, не знаю.

- Ладно, выясним...

Еще по-темному отряд Кирюхина приближался к селу, стороной обошли Красный поселок. Слышен был уже вдали лай собак. Чуть спустились в низину у Крутника, с ходу нарывались на частую ружейную стрельбу. Несколько милиционеров упали на твердый снежный наст, другие спешились, стали отстреливаться. Кирюхин дал команду отступать, однако выстрелы раздавались уже и сзади. Упал в сугроб лицом Васька Шляндина. Только двум милиционерам удалось скрыться. Они смогли доползти до оврага, скатились кубарем и по нему добрались до берега Волги. Их не преследовали. Все остальные, включая и комиссара Ивана Кузьмича Кирюхина, были убиты, сброшены в ту же прорубь, где сутки назад завершил свой жизненный путь Владимир Казимиров.

Раненного в плечо Андрея взяли в плен, на санях увезли в село.

- Что ж ты, батя, делаешь-то? - гневно спросил он отца, когда его волокли из саней на съезжую Павел Беляев с Ермолаем Ушаковым. Встретились они у крыльца.

- Я, Андрюха, супротив народа не пойду и тебе не велю, - проговорил Яков. Увидев кровь, тонкой струйкой стекающую с правого рукава полушибука, обомлел: - Да ты никак раненый, погоди-ка...

- Да иди ты..., - Андрей зло скрипнул зубами, сам шагнул на ступеньку крыльца съезжей.

Восстание разгоралось с новой силой. Вновь пролитая кровь, как сущняк, брошенный в костер, прибавила сторонников мятежникам. Одного кровь пьянила, другого пугала. Уже насчитывалось несколько десятков ярых мятежников, готовых идти до конца. Неожиданно примкнул к восставшим Алеша Трегубов. Писал списки боевых отрядов и сочинял воззвания к народу дальний родственник Бузина Тяглов. Он первый предложил послать лазутчиков в Сызрань во второй запасной батальон, состоявший в основном из вчерашних крестьян Сызранского и соседних с ним уездов. Среди восставших были и женщины. Одной из первых взялась за ружье А尼斯ья Гудова. С год как секта староверов, в которой она состояла, была разгромлена. Возглавлявшие секту две монашки были сосланы в неизвестном направлении, дом вместе с множеством икон спалили. По селу ходили слухи, что де во время пожара в небе среди дыма был виден лик Пресвятой Девы Марии и якобы плакала она горько, глядя с высоты на суетившихся внизу сельчан.

- К беде это, не иначе, - причитали на посиделках богомольные старушки, - вот так-то тоже накануне японской: ночью за околицей столб белый большущий стоял и по нему, вроде, люди идут, идут, конца края нет, а потом и исчезают, вроде. Так и сейчас... Не к добру это...

К этому времени у восставших на вооружении было уже около тридцати ружей, двадцать стволов винтовок да пять наганов. Патронов маловато, однако рассчитывали раздобыть в Сызрани.

Явного вожака не было, однако больше верховодил старший Вырыпаев, но с оглядкой на мужиков.

После разгрома отряда Кирюхина собрались на совещание в здании исполкома. Сидели за столом, выпивали, закусывали пирожками, солеными огурцами да квашеной капустой.

- Ну, теперь отступать некуда, надо вширь расти, - Тимофей Вырыпаев поставил винтовку к стене, расстегнул чапан, сел к столу, - я так мыслю, пока не очухались, садиться на коней да по округе бить в набат, поднимать людей.

- Ежели Ермолай Ушаков с Алешкой Дубововым до Сызрани доберутся да поднимут батальон, будет это не иначе как дня через два, а то и позже, - предположил Яков Гудов.

- Ну, это еще бабка надвое сказала, пойдут они за нами, ай нет... Самим надо, - остановил Гудова Казягин.

- Чего с пленными делать будем? - Младший Вырыпаев достал из кармана наган, положил на стол.

- Порешить всех, меньше мороки, - Иона Серов только что выпил полстакана самогонки, морщился, нюхал соленый огурец.

- Сына не троньте..., - белый как мел поднялся из-за стола Яков, - Христом богом прошу...

- Всегда успеем порешить, сидят и пускай сидят, - поддержал его старший Вырыпаев, - они, вроде, как в заложниках у нас будут, мало ль чего...

Было решено поделиться на три отряда и выступать на Сызрань и Тереныгу, в сторону Сенгилея и еще через Волгу, в сторону Ягодного, Ставрополя и дальше.

Заседали часа два. Собрались было уж расходиться по домам, как в дверь с шумом ввалились трое мужиков. Один в кожанке, папахе, в руках плеть. Высокого роста, черные как смоль волосы, чуть с рыхинкой от табака усы.

- Здорово, мужики... Слыхать, воюете.

- Воюем, помаленьку, а ты кто будешь? - Тимофея Вырыпаев потянулся за винтовкой, - что-то я тебя не признаю, мил человек.

- Из Ягодного мы... Долинин Алексей Васильевич, волостной судья, а это товарищи мои, Прошка да Федот, - кивнул он на стоявших у порога рослых молодцов.

Все повсакивали с места, хватаясь за оружие.

- Ишь ты, какие прыткие, а я думал, вы в бирюльки играете, а у вас и впрямь, видно, война идет. - Незваный гость явно насмехался. Прошел вперед, сел за стол, набулькал чуть больше полстакана самогонки, гулко глотая, выпил, крякнул, понюхал корку хлеба. Из-под распахнувшейся кожанки показалась кобура нагана. Двое его спутников стояли, переминаясь, у двери.

- Прознали мы про вас, вчера собрались вон у меня мужики, решили подсобить вам. Меня, значит, выбрали атаманом. Возьмете в свою компанию?

- Ай, молодцы ягодники...

- А мы было к вам в гости собирались, а вы сами тут как тут...

Со всех сторон раздались взволнованные голоса. Казягин обнимал Долинина, хлопал его по плечу, на глазах слезы.

- Ну, давайте присядем на минутку, думать будем..., - Долинин достал планшет, развернул карту. Все переглянулись.

Алексей Васильевич Долинин - младший сын ягодинского крестьянина-середняка Василия Долинина, георгиевский кавалер. В первую мировую войну дослужился до ротмистра, гражданскую войну закончил начальником штаба второй бригады тридцать третьей Кубанской кавалерийской дивизии. Служил одно время и в Петрограде, встречал Ленина на Финляндском вокзале. Потом был переведен в Тифлис. Весной 1918 года вернулся на родину, был избран сельчанами председателем собрания демобилизованных солдат, депутатом волисполкома и первым Советским Народным судьей волостного суда. В марте 1918 года под его руководством именем Революционного воен-

нога закона изгнали из волости управляющего графа Орлова-Давыдова. Среди сельчан пользовался авторитетом за ум, крестьянскую сметку и веселый нрав. Именно он станет одним из ярких вожаков восстания, которое впоследствии в народе нарекут "Чапанкой" или крестьянским мятежом Долинина.

После долгих споров решили, не мешкая, двигать по окрестным селам. Когда Долинин сходил с крыльца сельсовета, завидел среди толпы Дмитрия Гудова.

- Ба, годок, и ты тоже воюешь?..

- Куда конь, туда и борона, - уклончиво ответил Дмитрий, узнавая в статном красавце ягодинского волостного судью, кому он не так давно продал телку.

- Отелилась телка-то, во-о... какого бычка принесла, - Долинин поднял большой палец кверху, - баба моя не нахвалится коровой-то, так что за мной магарыч. Так-то, земляк...

Долинин хлопнул весело Дмитрия по плечу, подошел к коновязи, легко и привычно взлетел в седло, поскакал вдоль улицы.

Три отряда восставших, подвод по шестьдесят-семьдесят, в тот же день после полудня двинули от Новодевичья в разные стороны. Отряд в сторону Заволжья возглавлял сам Долинин, лихо гарцуя впереди на вороном жеребце. Шли ходко. Кое-где видны были среди льда проталины и польины. Скоро и нельзя будет на лед ступить, не за горами ледолом.

34

Отряд Казятина, в который входили Яков, Дмитрий и Анисья Гудовы, человек в триста на подводах под вечер въехал в Подвалье. Там узнали, что двое уцелевших милиционеров дозвонились-таки до Сенгилея, вызвали подмогу и только недавно выехали им навстречу. Казягин выслал вперед конную разведку, приказал созвать сельский сход. Арестовали исполнкомовцев. Председателя, пожилого сгорбленного старика, тут же расстреляли. Прихватив с собой подвод двадцать подвальных сторонников, двинулись дальше вдоль горы. В Сенькине их встретила разведка и доложила, что отряд конных красноармейцев штыков в пятьдесят движется от Бектяшки. Наступали исподволь сумерки. Решили устроить засаду сразу за Платоновкой в лесу. Ждали недолго. Едва успели замести следы, спрятаться в кустах, тут и появились всадники.

С первого же залпа полегло человек десять. Дорогу завалили сзади могучей сосной. Красноармейцы спешились, залегли в сугробы, хоронились за валежины. После часовой перестрелки, в кромешной тьме уже, когда стрельба чуть притихла, Яков осторожно высунулся из-за ствола дуба, закричал: "Солдаты, братья, не стреляйте в своих

отцов и братьев. Кто добровольно сложит оружие, того отпустим с миром, вот тебе крест..."

"Врешь, сука, кнут по тебе плачет", - раздалось из темноты, стрельба же однако прекратилась. Яков приободрился, закричал снова: "Земляки-солдатушки, мы за Советскую власть боремся тоже, только без коммунистов...". Раздался выстрел из нагана, как показалось Якову, чиркнуло прямо у виска, в ответ разноголосо, наугад палили мятежники. Часа через три остатки отряда красноармейцев разоружили, их командира Макара Павлова тут же расстреляли.

В это время практически без сопротивления двигались отряды Ионы Серова на Тереныгу, и самый многочисленный Вырыпаева - на Сызрань. Тереныга была захвачена в тот же день, коммунисты расстреляны. Отряд Вырыпаева поочередно врывался в близлежащие села: Кузькино, Мазу, Шигоны, Муранку. Долго не разговаривая, собирали народ, произносили короткие речи, требовали присоединиться. Затем на глазах у всех убивали коммунистов и активистов Советской власти, разгоняли Советы и на их месте создавали свои, крестьянские Советы и исполнкомы.

Утром седьмого марта на ста подводах ворвались в Усолье, разгромили усадьбу графа Орлова-Давыдова, перестреляли коммунистов. В тот же день двинулись самой короткой дорогой на Усинск. Кровавое колесо восстания быстро катилось по правобережью Волги, по Самарской Луке.

Отряд Долинина без единого выстрела и кровопролития захватил Ягодное, Хрящевку, Белый Яр. Исполнкомовцев разоружили и повели через Волгу в Новодевичье. По пути арестованные стали просить конвойных: "Отпустите... Зря вы в это дело влезли... Покарают вас". В ожесточении конвойные набросились на них, избили и живымибросали в полынью. Тем временем повстанцы крупными силами двинулись на Ставрополь.

Вечером седьмого марта на подходе к Ставрополю наткнулись на цепь ополченцев. Началась перестрелка. Долинин на том же вороном жеребце чуть отступил, поднялся на возвышенность, долго всматривался вдали, где средь дыма еле виднелись нестройные ряды залегших ополченцев, а дальше - крыши домов городка. С правого фланга изредка била пушка, снаряды ложились далеко за рядами повстанцев. "Эх, горе-вояки, все тылы открыты, бери голыми руками, только языками воевать горазды", - подумал он, спускаясь с бугра.

- Зови-ка ко мне Андрея, - приказал он вихрастому пареньку Левке, служившему у него вместо ординарца. Старший брат Долинина, Андрей, был чуть ниже ростом, однако в плечах покруче.

- Чего звал, Алексей? - Андрей вылез из-за бугра, отряхивал с шубняка снег.

- Вот чего, Андрюха, тут, видать, надолго мы застряли. Они привыкнут да пристреляются. Ждать нам некогда. Я так думаю, с

тыла их надо брать, пока не очухались. Ты оставайся тут с мужиками, постреливайте для вида помаленьку, а я с ребятами, кои на конях, спущусь к Волге, пройдем до городка под кручей, может, не заметят. Ежели, значит, не получится у нас дело, поднимай людей и вертайтесь домой, хоронитесь, там видно будет.

Десятка три всадников со стороны Волги ворвались в город, в исполнение нашли только старика-сторожа. Через час при поддержке уцелевших и затаившихся до времени ставропольских богатеев ударили в тыл ополченцам, смяли их, часть перебили.

Вечером на заседании штаба повстанцев почти единогласно избрали Долинина комендантом Ставрополя. Утром следующего дня из-под его пера вышло обращение: *"Траждане! Настало время. Православная Русь проснулась. Восстали крестьяне-мужики. Православные граждане, призываю вас к всеобщему восстанию. Наш враг, который надругался над нашей православной верой, бежит. Откликнитесь и восстаньте, яко с нами бог."*

Комендант Ставрополя Долинин А.В."

35

Командующему Восточным фронтом М.В. Фрунзе доложили о мятеже в Новодевичье в ночь с шестого на седьмое марта. В это время он отдыхал, как обычно, в своей комнате в штабе фронта в Самаре. Михаил Васильевич быстро оделся, вышел во двор, часовой у двери штаба отдал ему честь. На улице темно, тихо. Сквозь сумерки еле видны очертания католического костела. С улицы послышалось и вскоре стихло цоканье конских копыт на мостовой, видно, конная милиция совершила свой объезд. Фрунзе в накинутой на плечи шинели, без шапки зябко поежился, прошел в свой рабочий кабинет, покрутил ручку телефонного аппарата.

- Барышня, прошу быстрее соединить меня с военным комендантом Сызрани.

- Слушаюсь, товарищ командующий, - раздался в ответ звонкий женский голос. Фрунзе чуть усмехнулся, пригладил слегка кучерявую русую бородку и усы - никак не мог он, командир Красной Армии, приучить себя обращаться к лицам женского пола с принятым обращением "товарищ", так и вырывалось то "барышня", то "гражданка". Вот и сейчас тоже. Фрунзе закурил, задумался: "Насколько серьезно у них там? Тут с бухты-баракты нельзя, можно дров наломать. Не так давно под Сызранью в Старой Рачейке взбунтовались, в Обшаровке тоже, но, слава богу, удалось довольно легко погасить и вот снова... Колчак рвется к Волге. По сведениям разведки, в последнее время усилился заброс диверсионных групп и провокаторов. Должно, колчаковцы и сработали со своей свободной хлебной торговлей. Прощляпили мы, значит, где-то. Темный народ у нас пока, куда поманят,

туда и пойдет, а может, и нет, может, и мы палку перегибаем да их терпение испытываем. Мало ли и таких случаев было".

Как всегда неожиданно среди полной тишины зазвенел телефон.

- Фрунзе на связи... С кем разговариваю? - громко проговорил в трубку.

- У аппарата военком Сызрани Горгаев. Слушаю вас, товарищ командующий...

- Нет, это я вас слушаю. Что у вас там случилось? Докладывайте...

- Вы про бунт кулацкий, товарищ Фрунзе?

- Почему сразу не доложили? Почему я узнаю о случившемся через третьи руки?

- Я предполагал, товарищ командующий, что ничего серьезного, сами справимся.

- Предполагали или на самом деле справитесь? Сколько людей среди восставших? Кто возглавляет? Каковы лозунги, цели?

- Я пока затрудняюсь ответить, Михаил Васильевич, но думаю, к полудню разберемся...

- Поздно... Жду вашего звонка с подробнейшим докладом сегодня. Так..., - Фрунзе посмотрел на часы, было без четверти четыре, - в десять ноль-ноль. Вопросы есть?

- Я в отношении подкрепления...

- У вас же второй запасной батальон в полном вооружении дислоцируется, распоряжайтесь им.

- Батальон есть, так точно, только там половина бывших крестьян нашего уезда, боюсь, как бы...

- Вас понял, перебросим к вам часть из Хвалынска. Вы должны создать срочно отряд из коммунистов и надежных красноармейцев батальона и двинуть навстречу мятежникам, с тем, чтобы преградить им путь к железнодорожному мосту через Волгу. Скоро организуем подкрепление.

Фрунзе положил трубку, подошел к карте. "Так... Если они не дураки, то будут двигаться в трех направлениях: на Сызрань, Сенгилей и через Волгу на Ставрополь... Дальше события могли развиваться совершенно непредсказуемо. Наверняка, Колчак ускорит удар в направлении Уфа - Бирск, где у него сконцентрированы большие силы. Этот нарыв в тылу нашей обороны ему на руку". С такими мыслями Фрунзе вернулся к себе в комнату, прилег, но уснуть уже не мог, нервно курил одну сигарету за другой. Как всегда после бессонной ночи и натощак заняло под ложечкой. Фрунзе приказал ординарцу принести стакан чаю. После чая с печеньем боли несколько стихли. Фрунзе снова подошел к карте, задумался, глядя на замысловатый волжский изгиб Самарской Луки.

В Усолье мятежники поделились на две группы, одна двинулась на село Усинское, другая через реку Усу - на Печерск и дальше через Волгу на Кануевку. Однако в Кануевке их не приняли. После длительной перестрелки мятежники вынуждены были отступить на горную сторону Волги.

В богатом купеческом селе Усинске встретили их хлебом и солью. Большинство крестьян села зажиточные, издавна занимались кто извозом, кто торговлей. Во главе Советской власти стояли зажиточные крестьяне Хованов Илья, Булкин, Козлов, Приданов-Голоднов, давно выжидающие момента, и которым Советская власть не давала развернуться в полную силу. Мятежники разместились по квартирам, главари заседали в штабе, от имени Советской власти сочиняли обращение к соседним исполкомам с предложением поддержать восстание.

"РСФСР. Исполнительный комитет Усинского волостного Совета крестьянских депутатов Сызранского уезда. 10 марта 1919 года, № 161."

Борлинскому сельскому Совету.

Усинский волостной Совет доводит до вашего сведения, что наша волость, а также вокруг лежащие волости: Печерская, Усольская, Верхне-Мазинская, Новодевиченская, Шигонская и все Сенгилеевского и Ставропольского уездов восстали против коммунистов, которые грабили трудовое крестьянство. Восстание разрастается вплоть до Симбирска и Самары, сформированы отряды и везде коммунисты свергаются и бегут от восставших крестьян в панике. Мы сегодня с подошедшими к нам отрядами намереваемся взять Сызрань, почему просим вас, граждане, присоединиться к восставшему крестьянству, сформировать отряды, известить близлежащие к вам села и деревни и кто с чем может идти на Сызрань".

Такие призывы были разосланы в разные направления.

Заседали шумно, уже давно наступила ночь. В избе накурено, хоть топор вешай.

- Ну, все что ли обговорили? - старший Вырыпаев встал из-за стола.

- Надо б еще в Сызрань послать, разведать, что к чему, из запасного батальона сведений нет, - возразил председатель мятежного исполкома Илья Хованов, коренастый пружинистый мужик средних лет.

- Будут сведения, как подступим к Сызрани, так и переметнутся...

Разошлись по домам, улеглись кто где. Среди ночи Вырыпаева разбудил Иона Серов.

- Вставай, Тимоха, гонец прискакал, от Батраков на нас отряд идет.

- Сколько штыков? - тут же проснулся, словно и не спал, Вырыпаев.

- Да штыков, говорят, в полтораста...

- Поднимай людей, только тихо, без шума.

Отряд в сто тридцать человек из Сызрани и Батраков, собранный второпях из коммунистов и сочувствующих, во главе со старым большевиком Робертом Эдуардовичем Зириным выдвинулся накануне навстречу мятежникам. Двигались тихо, скрытно. Прошли стороной Печоро-Выселки, Губино. Вот уж и речка Тишерек вблизи имения Насокина, видны уж в сумерках крыши домов Усинска. Чуть впереди идут сызранские комсомольцы во главе с Шурой Смирницкой, стройной сероглазой блондинкой. "Ей бы не в войну, а в куклы играть", - подумал Зирин, когда обходил перед выступлением отряд. Однако, приказ есть приказ. Отряд рассыпался цепью. Никто не предполагал, что мятежники по замерзшим болотам и речке обходят их с флангов. Стрельба началась уже тогда, когда передние почти вплотную наступнулись на залегших повстанцев.

- Вперед! За дело революции! - закричал Зирин, устремляясь на врага. Его остановил тупой удар в грудь, он упал на снег, однако еще пытался встать. Рядом вскоре упали друзья-товарищи Максим Кириленко, Иван Савин.

Стреляли редко, винтовок у мятежников недоставало, больше кололи вилами, глушили железными шкворнями. В бою на речке Тишерек мятежники захватили более тридцати пленных и среди них Шуру Смирницкую, оглушенную после удара дубиной по голове во время боя. Пленных повели в село, тех, кто не мог идти, расстреляли у окопицы, других связали и бросили в сарай.

Шуру Смирницкую волокли до колодца, плеснули на голову ведро воды и тут только признали в ней женщину.

- Глянь-ка, баба..., - удивленно вскрикнул известный на селе хулиган и вор по прозвищу Моня. Склонился, внимательно смотрел на побледневшее лицо.

- Чего ты с ней цацкаешься? - проговорил, проходя мимо с ружьем за плечами, Иона Серов.

- Давай, паря, утащим на пару в сарай, побалуемся, глянь, какая краля...

- Не до баловства сейчас, как бы голову на плечах сохранить.

- И то верно..., - Моня гулко крякнул, ударил обухом топора лежащую навзничь у колодца девушки по виску. Слышно было, как хрустнули кости, в разные стороны брызнула кровь. Тело девушки в фуфайке и валенках задергалось в предсмертных судорогах. Даже видавший виды Серов отвернулся, пошагал прочь. Моня, не торопясь, подошел к поленнице дров, вытесал кол и вбил его уже трупу в кровоточащее горло. Обчистив топор об снег, еще раз взглянул на дело своих рук, помочился у забора, матерно ругнулся и пошагал дальше.

Мятежники ликовали.

- Кто еще хочет испробовать силу крестьянской армии?! - кричали они, празднуя победу.

Солнце только-только показалось из-за снеговых туч. Наступал шестой день восстания.

Отряду Казятина под Сенгилеем преградил путь сводный батальон красноармейцев. Только было первые подводы спустились в овражек, за которым виднелись уже крыши крайних домов, как с двух сторон по ним открыли прицельный огонь из пулеметов. Казягин матюгнулся, спрыгнул с саней, залег за валун.

- Ты куда смотрел? - зло крикнул он Якову Гудову, тот только что с Дмитрием и группой других мужиков вернулся из разведки.

- Не было их там, Матвеич, истинный крест, не было...

Пулеметчиков же несколько часов назад хорошо замаскировали на бугре - стояли будто два стожка сена у овражка...

Чуть оправились от первого удара, как сзади раздались залпами винтовочные выстрелы. Мятежники побросали подводы, по оврагу метнулись в сторону леса, человек пятьдесят раненых и убитых полегло.

Отряд был разбит наголову. Казягин с остатками своих людей добрался - таки до леса и там затерялся. Якова ранило в ногу, когда до леса уж оставалось рукой подать. Дмитрий бежал, задыхаясь, чуть поодаль, краем глаза увидел, как дядя упал, будто споткнулся, скватаился за ногу. Дмитрий метнулся к нему.

- Бежать надо, дядька, забывают ведь...

- Не могу я, нога занемела, в ляжку меня садануло. Ты беги, Митья, спасайся, бог не выдаст - свинья не съест.

Дмитрий обернулся: метрах в двухстах нестройной цепью бежали красноармейцы с винтовками наперевес.

- На плечо обопрись, добежим, поди, в лес-то они не сунутся...

Почти волоком Дмитрий дотащил Якова до опушки леса, упал в изнеможении среди кустов орешника. Сердце, клокотало где-то в горле, вот-вот вырвется наружу, в глазах темные круги. Мятежники в это время залегли и начали отчаянно отстреливаться, укрываясь за деревьями. Красноармейцы упали в снег. Часа через два, потеряв до десятка бойцов, они отступили.

Лесами и оврагами, таясь от людей, мятежники добирались до дома. Дмитрий, Яков и Анисья поотстали значительно, домой вернулись уже на третий день на подводе, которую наняли за два мешка зерна у бектяшинского крестьяннина. Яков остался дома, всем остальным было приказано собираться и следовать в Усинск, где назревали важные события.

Под Ставрополем дела у повстанцев складывались удачнее. Разрозненные группы защитников Ставрополя во главе с военкомом

Ингельбергом отступили по льду в Ширяево. Там собралось до сотни красноармейцев, активистов Советов. Не связавшись с Самарой, не организовав должным образом разведку, Ингельберг наутро решил атаковать противника. Редкой цепью пошли по льду на Ставрополь. Впереди семь кавалеристов и сам военком. На их пути к Ставрополю лежала деревня Федоровка, в которой скопилось около двух тысяч повстанцев.

Первый залп мятежников остановил цепь наступавших. Выстрелом в голову был убит военком Ингельберг, ранены двое красноармейцев. Красная цепь попытилась, стала отходить на правый берег к Ширяеву.

- Коммунисты бегут!
- Вперед, православные! - кричали мятежники, преследуя отступающих.

37

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое марта полк, в котором служил Николай Гудов, срочно был переброшен из Хвалынска в Сызрань. Николай вот уже третий месяц командовал взводом. Уже по пути из разговоров на станциях он узнал, что их направляют на подавление кулацкого бунта под Сызранью.

Под стук колес Николай дремал на соломе, завернувшись в шинель, натянув на глаза буденовку. В Сызрань прибыли утром. Немного отдохнули на вокзале от дорожной тряски, перекусили сухим пайком, как была дана команда строиться. Уже совсем рассвело. Перед красноармейцами на привокзальной площади комполка предоставил слово широкоплечему комиссару уездной ЧК Владимиру Неудачину. Тот взобрался на подводу, снял шапку, закричал хрипло:

- Товарищи красноармейцы! В то время, когда Советская власть, не жалея сил и крови, сражается с Колчаком, Деникиным и прочими белогвардейскими прихватнями, в тылу кулачье, подстрекаемое эсерами и белогвардейскими агентами, разжигает клевету и ненависть к народной Советской власти. Неделю назад такой мятеж возник в Новодевиченской волости, и сейчас мятежники двигаются к Сызрани. Город в опасности. Прошу немедля выступить навстречу бандитскому отряду.

Сердце у Николая екнуло: "Может, и мои там?.. Видно, крепко тут схватились, коль сами справиться не могут. Ну, добра не жди...".

Частью на подводах, частью строем выступили по тракту в сторону Усинска. По пути к ним присоединились отряды активистов из Сызрани и Батраков. К вечеру четырнадцатого марта подошли к Усинску.

Бой завязался у моста через речку Тишерек. Мятежники отбивались отчаянно, укрывались среди прошлогоднего камыша в пойме реки. Сам Тимофей Вырыпаев вел с бугра у окопицы прицельный огонь из пулемета по наступавшим. Цепь залегла. Недружно отстреливалась.

Топкая болотистая местность не давала возможности маневра. Комполка Насонов подозвал к себе Неудачина и, присев за корягу, закричал, стараясь перекричать стрельбу:

- Что-то надо придумать, комиссар, эдак мы до утра лежать будем. А говорил, у них винтовки да ружья, глянь-ка как чешет, пристрелялись гады.

Насонов непроизвольно втянул голову, когда после пулеметной очереди от коряги с треском отлетела щепа, упала к его ногам.

- Обойти их надо...

- Далековато это, да и засада там, должно, есть, выждать надо, - осторожно выглядывая из-за коряги, проговорил Неудачин.

- Чего ждать-то?

- Стемнеет скоро... Вот чего... Я возьму ребят пошустрее, попытаемся их обойти да подпалим село, авось, оглянутся, а тогда уж...

- Ну, давай...

Часа через полтора, когда совсем стемнело, в селе то в одном, то в другом месте загорелись дома и постройки. Засуетились, забегали с ведрами люди, замычали коровы, залаяли собаки, заголосили бабы. Завидев пожар, многие мятежники бросились к своим дворам. В это время красноармейцы пошли в наступление. Заметно поредевшая цепь повстанцев не выдержала, бросилась бежать.

Несколько длинной вереницей тянулись отступавшие от Усинска через Шигоны и Муранку к себе домой, кто в Новодевичье, кто в Усолье, а кто и дальше, через Волгу. Комполка дал команду ночью не преследовать. "Притомились солдаты, да и не к чему, куда они денутся, по своим нормам, поди, сейчас попрятутся, - пояснил он Неудачину, - завтра разберемся".

В эту же ночь сводный полк солдат и рабочие отряды из Самары ворвались в Ставрополь. С северной стороны атаковал отряд Андрея Гудова, сформированный им из освобожденных активистов Новодевичья и оставшихся в живых коммунистов Ягодного и Хрящевки.

Перепуганные, одурманенные хмелем мятежники выбегали на улицу в исподнем прямо под пули и штыки наступавших. Яростное сопротивление оказали только в доме купца Баранова, где находился штаб. Красноармейцы залегли, хоронясь во дворах и за стенами домов, открыли массированный огонь. Наступил рассвет. Штаб повстанцев неожиданно замолчал. Когда красноармейцы и отряд Гудова ворвались через дверь и разбитые окна в здание, то обнаружили с десяток трупов, гору гильз. Мятежного коменданта среди убитых не оказалось, не обнаружили его и среди многочисленных, в ранах и кровоподтеках, пленных. Исчез комендант, как в воду канул. Часть пленных, руководителей и организаторов мятежа, повели под конвоем в Самару. 18 марта 1919 года М.В. Фрунзе писал В.И. Ленину:

"Движение носило массовый и организованный характер. Целью его становилось овладение гг. Самарой, Сызранью, Ставрополем. Руководители имели связь с колчаковцами, восстание, несомненно, было приурочено к моменту решительного удара, подготовленного и нанесенного Колчаком в районе Уфа - Бирск. Восстание шло под лозунгами: "Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции! Долой коммунистов и коммуницию! Долой жидов!"

Весной 1920 года в канцелярию ВЦИК поступило заявление от красноармейца Шабанова. Он признавался в своих злодеяниях и просил помилования. При разборе заявления выяснили, что Шабанов - это и есть истинный мятежный ставропольский комендант Алексей Васильевич Долинин. Во время боя, пользуясь темнотой, он вырвался из окружения. Двое суток прятался у брата в погребе, потом, тоже ночью, подался на юг. Там под вымышленной фамилией в Балашове вступил в Красную Армию и сражался с Деникиным. При сдаче красными Ростова-на-Дону попал в плен к белым, однако, освободившись, снова вступил в Красную Армию и воевал на польском фронте. Был ранен и из госпиталя написал во ВЦИК. К заявлению прилагалась автобиография и фотография, на которой в полный рост стоял щеголеватый усач в кожанке. Глаза смотрят смело и даже весело. 20 апреля 1920 года Долинина амнистировали. После гражданской войны он вернулся в родное село, работал на сенозаготовительном пункте. Умер в 1951 году.

38

На второй день после разгрома, именем военно-революционного закона, на берегу реки Усы расстреливали участников мятежа из Усинска и окружных мятежных сел. К расстрелу приговорили каждого третьего. Приговор наполовину уж был приведен в исполнение, когда на горе показался всадник. Он привез приказ Фрунзе о помиловании, приказано было расстрелять только организаторов мятежа. Когда толпе пленных объявили о помиловании, бородатые и, в большинстве своем, седовласые мужики заплакали, потом босиком по снегу и льду бросились бежать, кто куда. Два взвода солдат и группа сызранских чекистов рано утром 19 марта вошли в Новодевичье. Не останавливаясь, по Красной улице, мимо пожарки прошли к зданию исполкома. В селе было зловеще тихо, даже собаки не лаяли.

К обеду начались аресты, всего арестовали более пятидесяти человек. Яков Гудов пришел сам. Заметно припадая на правую ногу и опираясь на палку, с трудом поднялся на крыльце, переступил через порог.

- Кто такой будешь? - обратился к нему, зорко всматриваясь, комиссар Неудачин.

- Гудов я, крестьянин местный, Яков, по батюшке Матвеевич...

- Что же ты, сукин сын, Яшка Гудов, на Советскую власть руку поднял? Она тебе волю, землю дала, а ты...

- Промашка вышла, товарищ начальник, лукавый попутал...

- Ты дурака не валяй, умел гадить, умей и ответ держать. Грамотный?

- Да есть маленько...

- Ну так вот, на тебе бумагу, пиши все как на духу, все одно узнаем, если что...

Яков взял лист бумаги, пошел было в сопровождении солдата в другую комнату.

- Погодь малость, это что же, военком Андрей Гудов не с родни тебе будет?

- Сын старшой, - Яков повернулся от двери.

- Ступай, - хрипло и зло приказал Неудачин.

Военно-революционный суд заседал три дня. К вечеру на четвертый девятых повели на Елшанку. Взводу солдат под командованием Николая Гудова было приказано привести приговор в исполнение. Пленных сопровождал сам комиссар Неудачин. Пока шли вдоль улицы, из окон робко и жалостливо смотрели односельчане, многие плакали. Чуть в отдалении до самой Бутырской горы сопровождали их родственники. Антонину Гудову вели под руки Екатерина и сватья Нина Львова. Дальше Бутырок их не пустили.

Наступал холодный мартовский вечер. Воздух был наполнен сыростью и еле уловимым запахом чуть тронутой весенним теплом тополиной почки. Снег потемнел от времени и солнца, проваливался под ногами. Вот уж за спиной остался Бутырский овраг со злобно бушевавшим в половодье ручьем. Когда поднялись на гору, широко открылась Волга, покрытая еще крепким, но готовым вот-вот вздышнуться льдом, в иных местах виднелись широкие промоины. Впереди шли отец и сын Вырыпаевы, оба в чапанах и без шапок, обросшие щетиной, только у старшего седая борода развевалась по ветру. Чуть сзади сгорбленный Казятин и Владимир Ушаков. От них значительно поотстали Иона Серов, Алеша Трегубов, Тяглов, Беляев. Позади ве-реницы арестованных плелся Яков Гудов. Ему трудно было шагать по ноздреватому и тяжелому снегу, каждый шаг отдавал нестерпимой болью в раненой ноге.

Солдаты шли молча, строй их сбылся. Смотрели исподлобья на арестованных. Неудачин в кожанке и меховой шапке замыкал шествие. Когда стали спускаться к Елшанке, Колька ускорил шаги, пошел к дяде.

- Ты прости меня, дядя Яша, что так получается...

- Бог простит, - машинально ответил Яков, чуть оглянувшись, - не робей, Миколай, служи знай, глядишь и дослужишься до чего...

- Может, передать чего хочешь или сказать кому?

- Чего попусту калякатъ, дело ясное, - Яков чуть не упал было, оступившись на спуске, но ничего, удержался. Колька хотел поддержать его, но тот отстранил.

- Не надо... Вот я тебе чего, Миколька, скажу и Андрюшке со Степкой передай, коль увидишь: ворога бей не жалей, а супротив родной земли не становись. Ну, а ты не майся, прощаю я тебе все, да и нету греха на тебе, нету, так и знай...

Чуть левее показались бузиновские постройки с добротными тесовыми крышами. Подошли к берегу Волги, арестованным приказали раздеться до нижнего белья, выстроили в ряд. Комиссар Неудачин зачитал приговор: "... за организацию контрреволюционного мятежа приговорить..."

Они стояли друг против друга - группа крестьянских мятежников и взвод рабоче-крестьянских солдат Красной Армии, разделяли их каких-нибудь пятнадцать-двадцать метров, но между ними была пропасть, которую уж никто из них не волен был переступить.

- Взвод, готовься..., - хрюплю крикнул Николай и поднял руку.

- Миколька, племянничек, дай лоб перекрестить, запамятовал я... Когда Яков во второй раз потянул было правую руку ко лбу, услышал внятно: "Пли!.." Но это крикнул уже подбежавший комиссар Неудачин. Колька же, шатаясь, отошел в сторону, упал лицом вниз, хватал побелевшими руками мокрый истоптанный снег, громко плакал.

Дальше наступили сумерки. С верховья потянуло холодным, пронизывающим ветром, слегка качало вершины оголенных березок на Бутырской горе. Словно забыв о наступлении весны, к ночи повалил сырой снег большими хлопьями, ложась ровным ковром на крыши домов, изрыгая дороги, пустынный елшанский берег и готовя к обновлению затаившийся в ожидании волжский лед.

г. Октябрьск. 27.12.94 г.

ПОЭМА

THE STATE OF TEXAS

AN ACT

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

(Пoэма в письмах)

Всем нам привычно восторгаться
Любовью прошлюю порой,
А в жизни вольно насмехаться.
Кто же покинул свет - герой.
Тому примеров миллионы
От Гете до Наполеона.
Но слово честное поэта
Доподлинно известно мне:
Жили Ромео и Джульетта
В привольной русской стороне.
Сознаюсь, с ней я был знаком,
Его не знал, но был бы рад
С ним встретиться, он мне как брат
По духу, доброте.
Таких я редко где встречал.
Да и чего теперь скрывать,
Завидую, что то не я
Такие письма получал.
Итак, позвольте мне представить
Моих героев. Кто ж они?
Да просто пленники любви.
"Он" - меломан, к тому ж поэт,
Перешагнувший сорок лет.
Женат, хороший семьянин,
Словом, примерный гражданин
(Я обмануться не боюсь)
Страны с названием кротким Русь.
"Она" - романтики раба.
В шрамах и ссадинах судьба,
В душе тоска. Из недотрог.
Коварства жизненных дорог
Ее терзали. И к тому ж
В наш век огня и лютых стуж
Нельзя на принца уповать,
"С Грином" ложиться и вставать.
Случайно их судьба свела
В дороге. Поезд как стрела,
Минуя села, города,

Минуя речку не одну,
Вез их в прекрасную страну,
Где некогда и я бывал
И в полночь песни распевал
Избраннице, ночной покой
Тревожа. Образ дорогой
И ныне вижу пред собой.
К тому же - то не мудрено,
Сознаюсь честно, без затей,
Тот образ - мать моих детей.
Но речь сейчас не обо мне,
А о влюбленных. Наконец,
Вот встретились - судьбы венец,
А дальше, среди редких встреч
Писали письма. Их сберечь
Она смогла. Я их читал
И вот поэму написал.
Держась за поручни перил,
Свою он книгу подарил.
Оставил надпись в восемь строк
И долго в памяти берег.
Их привожу дословно, пусть
Тревожат сердце, будят грусть,
Кого-то склонят вдруг ко сну,
Благословясь, с них и начну.

(Дарственная надпись)

Тебя украли у меня,
Но ты не сожалей об этом.
Поверь, не так-то просто жить
С безвестным чудаком-поэтом.
Но что-то нас с тобой роднит.
Пройдет зима, наступит лето,
Но боже, пусть тебя хранит моя звезда
С названием кратким "Вета".

Письмо 1

В том поезде, где встретились с тобой
И провели безумный вечер,

Меня пленил весь облик твой,
Я так хотела этой встречи.
И в каждом жесте всю дорогу
Виделась твердая рука,
И голос с хрипотцою строгой
Манил как бы издалека.
Читал ты мне свои стихи,
Я Байрона - плоды раздумий -
И было грустно до тоски,
И радость перешла в безумье.
Под монотонный стук колес
Мы уезжали с ласкового юга
И боль с жемчужинами слез
Искали мы в глазах друг друга.
Ну, а потом ты подарил
Свою мне книгу на прощанье,
И книгой этой озарил
И торжество, и миг отчаяния.

(Ответ.)

Помнишь ли чудо-осень?
Вечер близился к ночи устало,
Облако белое, с просинью
Над землею, как одеяло.
Из соседнего сада словно
Нам слышны были звуки свирели -
Пела иволга радостно, томно,
Пело все, и мы тоже пели.
Бабье лето лишь бабам в радость,
Так ли это, уж я и не знаю,
Но порой словно в детстве сладости
Бабье лето с тоской вспоминаю.
Я не верю в жизнь духа вечную,
Вот уж полночь, а мне не спится,

"Боже милостив, буди мне грешному",
Пусть мне то бабье лето приснится.

Письмо 2

Как радостно сознавать,
Что я люблю и я любима.
Готова недруга обнять
За этот миг неповторимый.
Мне мало нужно для того,
Чтоб превратились будни в праздник,
А ты не ведаешь его
И счастьем, как конфетой дразнишь.
Как часто на исходе дня
Брала цветы и обжигалась.
Счастье бежало от меня
И в руки просто не давалось.
Перенеся разлуку вновь
И обжигаясь на ненастье,
Я дую даже на любовь,
Не ведая, что это счастье.

(Ответ)

Милая женщина,
Как же так сталося,
Мне и побить с тобой
Мало досталось.
Я уж забыть успел
За суетою дня,
Как песни пели с тобой,
Как ты ласкала меня.
Только горят в душе
Светлые лучики,
Что ты зажгла во мне
Нежными рученьками.
Я теперь сильный хожу
В лучах озарения,
Только живу что тобой,
Да и творениями.
Все мы под богом живем

Христа почитатели,
Над головою храни
Лик Божьей Матери.
А я за встречу с тобой,
Видит и слышит бог,
Свечку поставлю ему,
Чтобы он нам помог.

Письмо 3

Упала дева, вода льется из кувшина-
Скульптура дивная великого творца-
Чарующая, нежная картина, -
Дар божий, гения и города отца.
Вот так и я, запнулась и упала
На ровном месте, жизни на краю,
Но почему-то радостнее стало,
Немного больно, а я пою.
Быть может, кто-то бросит в меня камень,
Я не закроюсь - ну и пусть.
Они, наверно, не познали сами
И неги радость, и святую грусть.
О прошлом нет и не должно быть сожаленья,
Любви отправу до конца хочу испить,
Возможно, пала я, но пусть мое паденье
Даст людям силы, чтоб им дальше жить.

(Ответ)

Ты помнишь, как летели журавли
Над куполами Стасова собора?
Их плач едва донесся до земли,
Едва пробился из небесного простора.
А голубые шапки куполов
Словно манили приютиться рядом.
Мы понимали журавлей без слов
И провожали долгим взглядом.
Вот так и мы, придет пора
Покинем безвозвратно землю,
Я все благословил еще вчера
И лишь разлуку не приемлю.

Частенько посещая те места,
Где мы бродили, охраняя нежность,
Готов у каждого кленового листа
Исцеловать желтеющую свежесть.
Все против нас с тобою, и с судьбой
Бороться я уже не в силах,
Не позволяю лишь глумиться над собой,
Ведь не глумятся ж на святых могилах.

Письмо 4

Я прилечу к тебе голубкой
И тихо постучусь в окно,
А ты встречай меня с улыбкой:
Домашние уж спят давно.
Меня приметишь ты не сразу,
Но только загляни в глаза,
В них та же боль и та же радость,
И в уголках блестит слеза.
Ты мне поведай и пожалься,
Я все пойму и помогу,
Пленительные звуки вальса
Послышатся на берегу.
Мелодия любви и тайны,
В ней столько неги и тепла,
Как горький поцелуй прощальный,
Испепеливший нас дотла.
Так просидим мы до полночи,
Воркуя и смеясь слегка,
Душа к душе и очи в очи
И к сизому крылу - рука.
Но ты усни, мой милый, рано
Тебе в рассветный час вставать,
Я залечу ожоги, раны,
Постерегу твою кровать.
Потом, вспорхнув, подамся прочь,
Взмахну крылом с живительною силой,

И будет так кажущимъся
Доколь зовешь ты меня милой.

(Ответ)

От ожидания до торжества
Проходят грустно мои дни,
Но лишь завижу я едва
Застенчивые письмена твои...
Как алчный, жаждущий скопец,
Тщусь вожделения исполнить -
Тайник и сердце наконец
Любовью до краев наполнить.
Счастливый, что могу любить,
Жизнь приравняв любви мгновенью,
Я думал, разучился жить
И лишь дрейфую по течению.
Но вот вновь оседлал коня,
Кровь забурлила в моих жилах,
С утра и до исхода дня
Как вихрь в вальсе закружило.
Все суета: карьера, дом
И славы - звездочка манящая.
Все это можно, но потом.
Любовь - вот счастье настояще.
Как юноша с твоим письмом
Спешу к любимой на свидание,
Живу лишь сердцем, не умом
От торжества до ожидания.

Письмо 5

За окном идет снег,
Завывает разлучница-выюга.
От мороза и скуки
Поют свою песнь провода.
Отчего же тогда,
Если созданы мы друг для друга,
Наш кораблик любви
Плынет, торопясь, в никуда?
Я не выдержу больше

И минуты разлуки,
Упаду и угасну,
Огороженная судьбой,
Или проще того
Наложу на разлуку руки,
Тогда станет мне легче...
Но что будет с тобой?
За окном все метет,
Сыплет снег на соседнюю крышу.
Я не знала, что буду
Снова страдать любя,
Что мне делать, скажи?
Я смогу, и, конечно, услышу,
Только не опоздай,
Умоляю, любимый, тебя.

(Ответ)

Возьми мое сердце, милая,
Душу уже я отдал,
Мы встретимся и за могилою -
Такую судьбу нагадал.
Не хочется думать про это,
Вернемся на шаг назад.
К тому же, душе поэта
Давно уготован ад.
Отдай свою боль мне, родная,
Ее я стерпеть смогу,
Ну нет для влюбленных рая
На этом и том берегу.
Сними с души своей камушек
И в речку забрось его,
Целую от платья краешек
Любимого твоего.
И каждое утро раннее,
Когда восток как в крови,

Твержу я, как заклинание:
"Любимая, только живи..."

Письмо 6

Я была не права,
Что так робко тебя любила.
Как болит голова,
И в душе словно льдинка застыла.
Этот сумрачный вечер
В тиши осеннего сада
Скоротал нашу встречу,
Мне другого не надо.
Приближалось ненастье,
Опадала листва с куста вишни.
Мы мечтали о счастье,
А совсем по-иному вышло.
Вышло с лебяжье перышко
Серединка - наполовинку,
Счастья с малое зернышко,
Да и небо с овчинку.

(Ответ)

"Белая ночь. Елагин остров".¹
Была мечта, остался остов.
Черные жала - людская молва
Гонят и рушат любви острова.
Свои чувства не надо скрывать
Среди ночи и дня,
"Наша жизнь - простыня и кровать",²
Ты послушай меня.
"Я помню чудное мгновенье",³
Помнишь ли ты?
И торжество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и мечты.
"Счастливые часов не наблюдают"⁴

1 Ю.Ф. Халошин.

2 С.А. Есенин.

3 А.С. Пушкин.

4 А.С. Грибоедов.

- В том нега счастья,
От посторонних глаз скрывают
Мгновенья сладострастья.
Молюсь я о твоей судьбе,
А на руках словно оковы.
Уж я готов идти и в мальчики к тебе
Как предлагает Римма Казакова.
Что-то сталося с моей головою,
Ломит сердце, хоть волком вой,
А любовь я признал по боли
"Всего тела вдоль".¹

Письмо 7

Вы так не шутите, бросьте-ка.
"Мне уж не семнадцать, тридцать с хвостиком",²
"Нам ли разливаться слезной лужею?"
Приезжайте лучше завтра к ужину.
Захватите вина бутылку красного,
Ждет душа моя друга ясного.
Не страшась недугов и угара,
Почаевничаем у самовара.
Угошу, как водится, медом с ложечки,
Чтоб несли к милой резвы ноженьки.
Будет все пристойно и чинно,
Ты, мой ягодиничка, молодчина,
Я боюсь, не знаючи, ворона имать,
Хочется лебедушке сокола поймать.

(Ответ)

Прошу я Вас, верните вдохновенье,
Его в глазах Ваших ищу.
Должно, достоин я презренья,
Коль женщину о милости прошу.
В порыве благодарных чувств,
Хочу обнять у Вас колени
За слезы те - вот Вам моя рука
И жизнъ моя, без робости и лени.

1 М.И. Цветаева.

2 В.В. Маяковский.

Я смерти не боюсь, переболел уже,
Должно быть, кулаков не струшу,
Но мысли - потерять случайно Вас -
Тревожат и томят мне душу.
Что мне тогда? Тоска и боль,
Пыль вдоль дороги
И одиночество, доколь
Шагают ноги.

Письмо 8

Все проходит однажды,
Незаметно пройдет зима.
Что сулит мне день каждый?
Я не знаю сама.
Словно с листика пыль,
Наша нежность вдруг опадет,
Но те месяцы были,
И никто память не отберет.
Я сама виновата,
Что любила тебя шутя,
И горька мне уграта,
Но и я не дитя.
Без тебя жить сумею,
И когда вновь придет весна,
Лишь о том пожалею,
Что не выпила чашу до дна.
И кого мне винить,
Коль сама кругом виноватая,
Мне б ту чашу допить,
А потом хоть могила пусть свataет.

(Ответ)

O Sancta simplicis!¹
И ты другая, и я другой,
Как тот Нарцисс,
Смотрелись в жизни зеркало,
А любовались лишь собой.
Давай останемся друзьями,

1 O Sancta simplicis! - О святая простота! (латинский язык).

Вопрос простой.
Не все же восторгаться соловьями
На купол золотой.
Увы: есть проза жизни,
На смену соловьям
Мы предлагаем только дружбу
Подругам и друзьям.
И все-таки мне верится,
Ты вспомнишь про меня,
Доколь в сем мире вертится
Красавица Земля.

Письмо 9

Прости - прощай!
Я даже рада,
Мне дружбу ты не обещай,
Обманываться нам не надо.
Мечтала я и ты мечтал
В наш век ранимый,
И в сердце ты мое запал,
Как миг неповторимый.
Тебя ни в чем я не виню,
Не сгину от тоски
И память в сердце сохраню
До гробовой доски.
И ты запомнишь, как
Прошедшим летом
Затронула любви струна
Душу поэта.

От автора

Эту историю любви
Не в прошлые, а наши дни
Поведала мне "она"-
Не друг, не недруг, не жена,
Его избранница... И вот
Прошло два года. Наперед
Не угадаешь, что нас ждет.
Но как-то брел я средь могил,

Мне этот рай не то что мил,
Но будоражит душу, кровь,
Здесь вспоминаешь вновь и вновь
И жизнь, и предков, и любовь.
... Бродил и словно чего-то ждал
И вдруг я надпись прочитал:
"Над этой мраморной плитой
Витаёт ангел неземной,
Покинул нас в расцвете лет
Российский пламенный поэт."
Чуть ниже, женскою рукой
Каллиграфией расписной
Были начертаны слова:
"Прости... Была я не права..."
И все... Сквозь сумрак и синичек свист
На землю падал желтый лист.

20.02.95 г.

СТИХИ

CLINTON

НЕИЗВЕСТНОЙ

Березка, милая моя,
Тебя люблю я не таясь,
Жемчуг достану с морского дна,
За сотни верст за ним пойду,
Но для тебя его найду.
Как рыба-меч за ним нырну,
Ногой задену о волну,
Быть может - утону,
На дно как камень упаду,
Но все же в памяти людей
Мой узкий и короткий путь
Проявится ясней, ясней
И вспомнится когда-нибудь.
Но, к счастью, я пока живой,
И, верный друг, всегда с тобой,
Я не ходил за жемчугом,
И ты мечтаешь об ином,
Не знаю я твои мечты,
Как прежде, мне нужна лишь ты.
Я подарил тебе цветы,
Сказала ты: "Тебя ценю",
Но от кого-то ты ждала,
Возможно, нежное "люблю".

Февраль 1970 г.

ПОТЕРЯННАЯ ЛЮБОВЬ

Снова в полночь взойдет луна,
Снова вспыхнет вдали восток,
Снова кто-то любимую ждет,
Только я одинок.

Мне теперь не писать стихи,
Алых губ не ласкать,
Ты ушла, позабыв меня,
Свое счастье искать.

Помню, как повстречались мы,
Помню Волги огни,
Помню, как дыханье затаив,
Мы признались в любви.

Снова берег реки родной,
Но грустим мы в тиши.
Ты мне шепчешь: "Милый, прощай,
Только письма пиши".

Я не знал, что в последний раз
Твоих губ прикоснусь,
Что однажды придет письмо,
Сердце ранит мое.

И теперь это только сон,
Ты теперь не моя,
Лишь запомнил волны прибой,
Наши встречи с тобой.

Декабрь 1972 г.

ПАНИХИДА ПО ЛЮБВИ

Что со мной случилось?
Что со мной стряслось?
Испытать измену, горе ль довелось?
Утренней росою пролилась кровь,
Между мной и милой кончилась любовь.
Ветер и метели, перестаньте дуть,
На груди у милой я б хотел заснуть.
Счастье пролетело, не воротишь вновь,
Схороню я с песней счастье и любовь.
Вырою могилу и поставлю крест
Далеко от милой, от родимых мест.
Помолитесь, люди, на дубовый крест
Далеко от милой, от родимых мест.

Декабрь 1972 г.

❖ ❖ ❖

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Дует холодная вьюга,
В небе сияет луна,
Люди торопят друг друга -
К счастью дорога одна.
Счастье приходит не сразу,
Так вот и я свою кровь
Лучше по капле оставлю,
Но не забуду любовь.
Много промчалось ветров,
Я научился жить,
Но лишь вдали от милої
Понял, что значит любить.
Понял - назад не воротишь,
Что же - вперед иди,
Мне же ведь только семнадцать -
Вся еще жизнь впереди.
Время торопит дело,
Жизнь незаметно летит,
Что-то уж сделано мною,
Главное же - предстоит.
Так для чего же тратить
На пустяки свою кровь?
Счастье меня не забыло,
Счастье вернется вновь.

Декабрь 1972 г.

❖ ❖ ❖ ❖ ❖

ВЬЕТНАМ

Мы здесь учимся, а там
Борется за мир Вьетнам,
Не услышишь шум берез
Средь потока женских слез.
Там изранили страну,
Снова разожгли войну,
Снова смерть и дым, и смрад,
Как и тридцать лет назад.
Снова дети без отцов
Из-за кучки подлецов.
Над могилою опять
Плачет сгорбленная мать.
Черной смертью, как град,
Ураганы бомб летят.
Люди, обращаюсь к вам:
Зашитим от бомб Вьетнам
И на выстрелы в ответ
Гневно скажем свое: "Нет!"

Январь 1973 г.

ХОЛОД СЕРДЦА

Сердцу холодно до боли, ну и пустъ,
Что поделаешь, коль Колю гложет грусть.
Чье-то счастье пролетело, не вернуть,
За моря, за океаны держит путь.
Слушал песни до зари не дыша,
Что там сердце, коль разбита душа,
Много девушек хороших, хоть пляши,
Проститутки, те и то хороши.
Бросил трешку, до зари полежал,
Ну а утром домой побежал.
Ни тебе тут лишних слов, ни гу-гу,
Скажешь: "К вечеру еще забегу.
За любовь и ласки заплачу сполна",
Благо, не скучеет отцовская казна.
Ну а дальше что? Что тут за беда?
Венерологи помогут всегда.
Как вы поняли, конечно, я шучу,
Душу с сердцем снова в грудь вколоочу.

Апрель 1973 г.

❖ ❖ ❖

НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Мне ничего не надо, не для того я рос,
Только б речная прохлада трогала кудри волос,
Только бы легче дышалось, только бы голос был,
Только бы в темные ночи ласково месяц плыл.
Только б краюха хлеба, только бы сладость грез,
Только б вдали виднелась стайка кудрявых берез.
Только бы пели птицы, только б журчал ручей,
Только бы милой ресницы не закрывали очей.
Но обреченный навечно мучиться, а не жить,
Вынужден целыми днями разные дряни зубрить.
Что-де однажды Ньютон создал такой-то закон,
Что-де когда-то, где-то, кто-то открыл электрон.
Так и зубришь, как пьяный, всю свою жизнь, весь век,
Что из простой обезьяны произошел человек.
Но кто очутился на пляже или на танцы зашел,
Сразу забудет навеки, от кого он произошел.
Скажете: "Вот, доучился", но если не боитесь,
Приезжайте к нам в Самару, сами убедитесь.
Что-то я боюсь, однако, что к концу века
Свет удивит метаморфоза: шимпанзе - из человека.

Февраль 1973 г.

КРУТИК

Мое село лежит в долине,
За белыми камнями бьет родник,
А за горой и за кустами
Есть маленькое озеро Крутик.
Крутик - мое любимое местечко,
Здесь красотища, со слова не поймешь.
Приятно нежит глаз и речка,
И поле, где шумит густая рожь.
Когда-то во главе мальчишек
Рвался я первым в дикий бой,
И в результате каждый раз
С разбитым носом шел домой.
Но что там нос, когда кругом
Такой галдеж и страшный вой,
Шмыгну я носом, посмотрю,
Булых в Крутик и снова в бой.
Потом я повзрослел, зажил мой бедный нос,
Но снова волны Крутика меня встречали,
И стройный сосен ряд и нежный шум берез
Мне шепчут радость и печали.
Здесь все мне так радостно, мило,
Заветное сердцу вокруг,
Заветная роща и берег,
И клен - мой давнишний друг.
Когда-то под сенью березы
Журчала, играя, вода,
И девушка в синем платочек
Краснея, сказала мне "Да".
С тех пор много выиг проплыло,
Та, в синем, любви не нашла,
Другая ее заменила,
Но скоро и эта ушла.
Как будто и не было детства,
Но памяти я не предам,
Как часто в мечтах улетаю
К родимым моим берегам.
И радостно жить мне на свете,
И луч в мою душу проник,
Коль знаю я, что на планете
Есть маленькое озеро Крутик.

Март 1973 г.

ПРОГРЕСС

Лихо мчать на тройке - эх, задавлю!
Ты послушай только, как ветры поют.
С гиком пронеслася, ну лети, лети,
Эй, ямщик удалый, ты так не шути.
Птицу-тройку Гоголя нам не догнать,
А не лучше ль для того коней поменять.
Тут уж не солома, а бензин,
Заменили, сделали новый лимузин,
Но и тут невзгоды, как назло,
Взорвался и рухнул - не повезло.
Сделали машины, поезда,
Тут уж не оглобля, не узда.
Выпил горькую - и трын-трава,
Руки, ноги где, где голова?

Апрель 1973 г.

КОРАБЛЬ МЕЧТЫ

Волны катят все круче и круче,
Волны грудью вонзаются в небо.
Скрылось солнце за бедрами тучи,
Скрылось, будто его и не было.
Стонет море, швыряет в тучи брызги бусами,
Вскользнулась бездна кипучая,
Непонятная и могучая
Над моей головою русою.
Дует ветер, сметая живь,
По пучине, назло ненастью
Мчит кораблик моей мечты,
Держит путь к счастью.
Что ты ишьешь, кручина моя?
Каково тебе жить на воле?
Видеть земли, леса, моря
И со злою стихией спорить.
И в ответ мне кручина молвил:
- Вот уж годы плыву я туда,
Где младая красавица дремлет
И журчит ручейками вода.
Ее голос мне ухо ласкает,
Манит рученькой-белизной.
- Где ты, где ты, красотка родная?
- Вот я близко, желанный, родной.
Вот уж будет мне скоро двадцать,
Скольких видел я, скольких знал,
Скольких ласково иль без ласки
К сердцу жаждущему прижимал.
Проходили они сквозь руки
Прелесть женской груди и ног,
Только, боже, какая скука,
Как и прежде, я был одинок.
Что за низость обхаживать тело
Грубоватой рукой,
Улыбаться душой опустелой
И мечтать о другой.
Эй вы; те, кто идут за мною,
Мильный цвет,
Не теряйте понапрасну
Лучших лет.

Май 1974 г.

ИЩУ ТЕБЯ

Мое сердце стучит мыслью одной -
Как тебя мне отыскать под луной?
Где найти мне песню ту, что поет
На березах соловей без забот?
Где найти мне твоих рук тепло?
Где найти то, что совсем ушло?
Где поймать мне вороного коня,
Чтоб донес он до любимой меня?
Где найти мне голубой перезвон,
Чтоб за сердце и за душу трогал он?
Для кого мне песни петь? Кого любить?
Разве можно без любви прожить?
Где оставить свое сердце любя?
Где найти мне самого себя?

Апрель 1973 г.

БОКСЕР

Судьба нас колотит,
Пеленою окутывает с головой,
Но сердце стучит, значит, нужно стоять,
Чтоб снова идти в бой.
А если упал, окунулся в ложь,
Затмило глаза от мщения,
То сердце любимой уже не найдешь,
Не будет тебе прощения.
Вот светлый ринг, кругом тишина,
Но гонг, и двое парней
В честном, открытом бою
Скажут, кто - сильней.
Сильный и гордый каждый из них,
Трудно, ручьями пот,
Только победа! Но вот апперкот,
Посланный точно в живот.
Сразу стало темно в глазах,
Только круги впереди,
Страшная боль, навернулась слеза,
Вырвался стон из груди.
Слезы и пот - все смешалось на нем,
Вот он на ринге лежит,
Все кричат, только та молчит,
Та, что им дорожит.
Вот он обводит всех мутным взглядом,
Слышит обрывки фраз;
Много лиц, но вот глаза
Краше всех прочих глаз.
В них та же боль, что в груди у него,
То же лицо загорелое,
Слов не нужно - он и она
- Это одно целое.
Встать, только встать, и вот он встает
Снова в боксерскую стойку,
Точный удар - и противник ложится,
Как на больничную койку.
Он удивлен и пытается встать,
Гневно смотрит на них

И никак не хочет понять,
Что борется против двоих.
Брось, не трудись, тебе ль победить,
Не выбивайся из сил.
Разве есть такой кулак,
Который б любовь победил?

Март 1973 г.

ДЕТСТВО

Играл нам дивного Шопена, Листа, Бетховена и Баха,
А мы сидели как зверьки, не зная красоты и страха.
Такое выпало мне детство.

Должно быть, потому не знал других идей,
Чем ту, что получил в наследство:
"Пером и скальпелем лечить души людей."

Январь 1973 г.

БЕРЕЗА

Я б хотел сегодня видеть синь небес,
Забрести под вечер в золотистый лес,
Увести березку в голубую даль,
Рассказать березке про свою печаль.
Оторвет береза хмельную лозу
И прольет со мною горькую слезу.
И за нашу встречу, глядя на луну,
Я спою ей песню, дернув за струну.
А устав от песен, придержу струну,
Под зеленою крышей до зари засну.

Январь 1973 г.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(Брату Владимиру)

Тополя теряют листву,
Как друзей порой мы теряем,
Мы Россию любим одну
И свою ей жизнь доверяем.
Тополя теряют листву,
И летит листва над землей.
Волга, Волга, берег родной,
Ты всегда, всегда со мной.
На твоем кругом берегу
Встретил я судьбу свою.
Сорок лет - середина пути,
Сорок лет - это мудрости детство,
Но хочу еще я успеть
На красу земли наглядеться.
Сорок лет - середина пути,
Нужно честно в жизни пройти.
В заовражье бьется волна,
Словно мать, шепчет нежное слово,
На висках твоих седина,
Но душою молод ты снова.
В заовражье бьется волна,
Нам про детство шепчет она.
Наши девочки вмиг подрастут,
Вот уж носят модные платья,
А потом и внуки пойдут,
Пусть удача ждет их и счастье.
Наши девочки вмиг подрастут,
С нами вместе по жизни пойдут.
За столом по чарке нальем,
Этой встречи долго мы ждали,
А потом и песню споем
Про речные волжские дали.
За столом по чарке нальем,
До утра мы песни поем.
Волга, Волга, берег родной,
Ты всегда, всегда со мной.
На твоем кругом берегу
Встретил я судьбу свою.

Сентябрь 1988 г.

КРАСНАЯ РЕЧКА

Здесь туман по вечерам клубится,
Соловьи щебечут до утра,
Мне зимою часто берег снится,
Сердцем я с друзьями у костра.
Зимы проходят с веснами,
Скоро мы будем взрослыми,
Не забудем песни у костра.
Звездочкой вспыхнет ясною
Юность над речкой Красною,
Отдохнем душой с тобой
От суеты мирской.
Над рекою звездочки мерцают,
И курлычат в небе журавли,
На губах твоих улыбка тает,
Ярче всяких звезд глаза твои.
Зимы проходят с веснами,
Вот мы и стали взрослыми,
Не забудем песни у костра.
Звездочкой вспыхнет ясною
Юность над речкой Красною,
Отдохнем душой с тобой
От суеты мирской.
У палатки вмиг ушицу сварим,
И костру не гаснуть на всю ночь,
Этот праздник речка нам подарит
И отгонит все тревоги прочь.
Зимы проходят с веснами,
Наши дети взрослые
Не забудут песни у костра.
Звездочкой вспыхнет ясною
Юность над речкой Красною,
Отдохнем душой с тобой
От суеты мирской.
Окести нас теплою водою,
Исцели от мерзости и зла,
Сохрани от лживости и боли,
Дай нам силы только для добра.
Зимы проходят с веснами,

Наши внуки взрослые
Не забудут песни у костра.
Звездочкой вспыхнет ясною
Юность над речкой Красною,
Отдохнем душой с тобой
От суеты мирской.

Сентябрь 1989 г.

❖ ❖ ❖

ПЕСНИ ЮНОСТИ

(О. Калмыковой).

В сельском клубе было первое свидание,
Нас встречали в небе звездочки ранние,
По утрам сияло солнце лучистое,
Было счастье голубое и чистое.
У березки на лугу стать особая,
Почему родилась ты недотрогою?
Почему в заветный час расставания
Целовала ты меня на прощание?
Упадет листва на землю, закружится,
Запорошит все тропинки и лужицы,
Но придет весной тепло со снами весчими,
Все исполнится, что было обещано.
Снова я тебя зову на свидание,
Снова встретят нас с тобой звезды ранние,
Над землею тихо полночь кольщется,
Где-то песни нашей юности слышатся.

Октябрь 1989 г.

❖ ❖ ❖

ВОСПОМИНАНИЯ

Я не верю в гаданье и ворожбу,
Не стыжусь своих слез, если грустно мне,
Но сегодня к цыганке я подойду,
Погадать, где подруга моя.
Падал снег, заметая чуть видный след,
Поспешил он оставить тебя в беде,
Где найти те тропинки и те пути,
Чтоб они помогли мне тебя найти?
Помнишь выlogout, когда мы брали с тобой?
Ты пуховым платком прикрывала грудь,
Знали мы, что наступит разлуки час,
Разнесет как пушинки по ветру нас.
Падал снег, заметая чуть видный след,
Поспешил он оставить тебя в беде,
Где найти те тропинки и те пути,
Чтоб они помогли мне тебя найти?

Январь 1990 г.

НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ

Горит ярко над речкой рябина,
От рябины в глазах зарябило,
От тревоги забилось сердечко,
Ну скажи на прощанье словечко.
Я не буду роптать да судачить,
Как прожить мне на свете иначе,
Как забыть мне любимого друга,
Как мне выйти из этого круга.
Распушу золотистые косы,
Брошусь в речку с крутого откоса,
Я не в силах терпеть свое горе,
Видно, в речке уснуть - моя доля.
Не рыдай ты по мне, мать родная,
Не держите, подруги, печали,
Брат, отец, не терзайтесь от горя,
Что прошло, не вернешь, не догонишь.
Видно, встретил мой друг губы слаше,
Голос нежный и сердце родное,
Пусть любуется сю, пусть ласкает,
Ну а мне отдохнуть под волною.

Декабрь 1990 г.

180

R

ДУМЫ ПОЗДНЕЙ НОЧЬЮ

Ночь. Над моим окном облако вешнее,
К нам постучали в дом люди нездешние -
Божие странники: "Здрасте, пожалуйте,
На перекрестке дорог я вам пожалуюсь.
Силою и умом бог меня наградил,
Волосом светлым как лен тоже не обделил,
Делаю дело руки - правая, левая,
Ну, а кому не хорош, в том не виновен я.
Вот уж какую ночь думы печальные,
Все нам примеры не впрок, как обнищали мы,
Хлеб, что поссеем, не жнем, с сумкой наперевес
Просим мы милостыню, стыд-де глаза не ест".
Старцы трясли головами, не приступали к еде.
Косы до пояса, слезы на бороде.
Самый плешиивый себе руки вывихивал.
Я такой ругани сроду не слыхивал.
"Что же вы, мужики, как не зазорно вам?
Ждете, что Рюрики в помощь приедут к вам,
Дело наладят и выишут самую суть,
На перекрестке дорог верный подскажут путь.
Да, вы умели колоть вилами и штыком,
Но для отчизны родной мало заслуги в том,
Кровью своей и чужой густо полита земля
И утонула в крови Родина, слава твоя."

Декабрь 1990 г.

ПРО СПИД

Говорят, что жить осталось нам совсем немного,
Говорят, что господь бог СПИД послал на люд,
За грехи и пакости даже недотроги
Пусть не спят, да не едят, в тряпочку плюют.
Захотел я отдохнуть в прошлую субботу,
Взял газеты почитать, а там, едрена мать,
Нет, чтоб Клинтона ругать иль пугать Хусейном,
Пишут все про группы риска, чтоб не рисковать.
Разольем на троих все, что горит,
Нам не страшен серый волк и черный СПИД.
На обложках Спид-инфо женщины зубастые,
Зубы огромадные, как у лошадей,
Мол, заманит ласкою, а потом попробуй
От него избавиться, - никаких идей.
Телевизор тот вообще я включать боюсь,
Показали такой страх, я аж пропотел,
Уж на что мила мне моя жена Маруся,
Но и с ней не то, что спать, есть не захотел.
Разольем на троих все, что горит,
Нам не страшен серый волк и черный СПИД.

Декабрь 1990 г.

ГОРОД ЮНОСТИ

Поброжу я по городу, где притронулся к мудрости,
Где за поворотом затерялся твой строгий след,
От друзей и товарищей, от тебя и от юности
В каждом звоне трамвая слышу я для себя привет.
Есть у осени этой роковая примета,
Есть у нашего времени роковая черта,
Все, что нам обещало прошедшее лето,
Было только начало и не видно конца.
Над Самарою ночь тихо крылья смыкает,
Но не гаснут огни на седьмом этаже,
Наши дети украдкой от нас подрастают,
Неужели и мы повзросли уже?
Снова осень придет. У речного вокзала
Кто-то будет прощаться, кто-то будет встречать.
Что-то грустное ты мне на прощанье сказала,
Что-то важное я позабыл рассказать.

Октябрь 1991 г.

В БОЛЬНИЦЕ

Один год Ильин день я встречал в больнице,
Чуть полегче - от тоски ходишь сверху вниз.
Среди больных есть мнение, для выздоровления
Ресторан бы там открыли и стриптиз.
Я б сестричку Свету одарил конфетами,
А у сестрички Оли еще б лежал дней шесть,
Но в наших магазинах пусто на витринах,
А в аритмичном сердце Оля уже есть.
Я б Глазкова Колю напоил бы вволю,
Языкова Саню попотчевал икрой,
Но в коопeraçãoции полная прострация,
И иду с пустой авоськой я домой.
Шурику Антонову я б написал поэму,
Овчинникову Юре роман сообразил,
Но в голове прострация, как в той коопेации,
И на пустой желудок роман писать нет сил.

Август 1991 г.

Я ИДУ ПО ТРОПИНКЕ

Я иду по тропинке домой.
Мирно дремлет в кустах летний вечер,
На мои на уставшие плечи
Смотрит холодно с неба луна.
Серебрится в изгибах река,
В отражении звезд как в веснушках,
Запоздалое стадо с пастушкой
Ищет на ночь приют и покой.
Слыши я, шелестит как листва,
Лижет щеку мне ласковый ветер,
Может, я это в розовом цвете
По тому косогору иду.
За рекой на крутом берегу
Копы топчут траву луговую,
В эту ночь ни за что не усну я,
Растревожилось сердце до слез.
Еле слышно поет соловей,
Мне и сладко и грустно немножко,
Где-то тихо играет гармошка,
Невзначай вспоминая весну.
Я иду по тропинке домой,
Мирно дремлет в кустах летний вечер,
Может, я свою молодость встречу
Где-то близко на том берегу.

Март 1991 г.

ДЕВЯТЫЙ "Б"

Мис ветер бьет в лицо, огни на волнах качаются,
Но не удержит нас домашний уют,
Как хорошо, что люди однажды повстречаются
И под гитару песни над речкою поют.
Мы молоды еще, хотя уже не дети,
И кругозор у нас, возможно, не так широк,
Как хорошо, что мы живем на этом свете,
Вдыхая полной грудью прохладный ветерок.
Зимою будем грезить мы прошедшим летом,
Помнить дыханье гроз и тишину полей,
Как хорошо, что есть любовь на свете этом,
И от нее земля становится милей.

Июнь 1993 г.

ПИСЬМО К ИНОСТРАНЦАМ

Милые Кризетты, Хельмы и Гансы,
Порастрятьте свои марки на подарки,
У вас жизнь, говорят, не жизнь, а чудо,
Вы б прислали мне бананов с полпуда,
А к бананам бы еще шоколада,
Мне не так сго уж много и надо,
Да говядины одну тушу.
Не пришлете, пожалуюсь Бушу.
Дорогие лорды, сэры и леди,
Мы живем здесь, как в берлоге медведи,
Не поверите, бреемся шилом,
Туговато с трикотажем и мылом.
Не на кого бедным нам опереться,
Коньячку бы хоть прислали погреться,
Да к нему б балычку, женам - ваты.
Не пришлете, протест пошли в НАТО.
Уважаемые Рональды и Джоны,
Слышиш я, вы из пижонов пижоны,
Посочувствуйте на наши муки,
Шлите пару мне рубашек и брюки.
Не забудьте отрезы на платья,
Коль уж братья все мы, так уж братья.
Это раньше, что ни Джон, то шпион.
А не то депешу шло я в ООН.
Сосед Федя - врун, алкаш и дурила -
Говорит: "Отдаем мы японцам Курилы,
Но не просто так, а за "тойотты"
И резину японской работы".
"К Рождеству, - говорит, - в продуктовом магазине
Дадут каждому по три резины,
По талонам - "на колбасу", -
Чтобы не было морщинок на носу.
Шлите вы нам вдохновенье, если есть,
Шлите совесть, а также и честь,
Шлите верность, надежду и смех,
Не забудьте отправить успех.
В две посылки вложите любви,
(Все приборы у нас к ней свои),
За труды мне - электронные часы
Да еще кило копченой колбасы.

Декабрь 1991 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ПОТОМКАМ

Мне привиделся сон, или то была явь,
Словно по небу я как птица летаю,
Много дней уж прошло после жизни моей,
С высоты на потомков своих я взираю.
Я не знаю имен их, вижу только глаза
Да в разрез облаков их веселье лица,
И несется Россия через груды вскок,
Как у Блока в степи летит кобылица.
Кто-то жизнь прожигает, а кому-то, как мне,
Не хватило всей жизни, чтобы сделать полдела.
Одна милая женщина с серебристой косой
Целый вечер мне песни чудесные пела.
Был средь них баянист, был известный поэт,
Один - скальпель склонил над раскрытою раной,
В знаменитом театре шел чудесный балет
И прекрасно звучало фортепиано.
Закричал я, от крика зашелся на плач
И руками показывал разные знаки,
А в ответ я услышал хррап загнанных кляч,
Да с дворов хрюплю лаяли злые собаки.
Мне хотелось сказать им: дорогие мои,
Что есть силы один вы грызите гранит,
И душою и помыслом будьте честны,
А от прочей напасти господь вас хранит.

Декабрь 1991 г.

ЗАРЯ НАД ВОЛГОЙ

По-над Волгою гаснет зарница,
По-над Волгою воронье,
От чего же мне, милая, сегодня не спится,
Растревожилось сердце мое.
У мосточка притихла тальянка,
Загрустил я на берегу,
Не напрасно моя северянка
Уронила платок на лугу.
Мне не жалко утраты нисколько,
Кто-то топчет черемухи цвет,
Как вчера это было, но только
Не вернуть уже прожитых лет.
По-над Волгой играет зарница,
По-над Волгою перезвон.
Пусть мне милая сегодня приснится,
Может, сбудется этот сон.

Январь 1994 г.

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Над осинами и над сосновами,
Словно капли росы, звезды застыли.
И глаза твои с поволокою
Голубые, как лед, голубые.
И июньское небо без облачка
Отражается в них, как в зеркале,
Почему же печалью непрощеной,
Как росою, лицо запорошено?
Миг удачи и миг огорчения
Нас встречают хоть бейся, хоть выбейся.
Не прону у судьбы я прошения,
Не пристало солдату ниц кланяться.
Мои руки винтовку держали не зря
И сейчас, видя точку последнюю,

Вспомнил я вас, солдаты-друзья,
Нашу дружбу, как юность, беспечную.
Ни за что, ни про что горько умирать,
Но и жить без мечты еще грустней,
Только жаль мне свою постаревшую мать
И глаза, моих глаз еще голубей.
Я б, наверное, смог, я б сказал: "Андрей,
Победи ты ту боль, что под ложечкой,
На черта погибать - жить же веселей,
Если можешь, крепись понемножечку".

Июнь 1991 г.

ЮЛЯ

В позапрошлый год в июле
Повстречал на Волге Юлю,
С той поры мне нет покоя,
Что произошло со мною?
Мама головой качает,
Подает конфеты к чаю,
Подает для сна пилюли,
А мне бы повидаться с Юлей.
Я не сплю, не ем неделю,
Говорят, что похудел я,
Вот что происходит в июле
С тем, кто повстречает Юлю.

Июнь 1991 г.

ОДНОКЛАССНИКАМ

Это время любви и грез
Навсегда к нашим детям уплыло,
Словно облачко над головой,
То ли не было, то ли было.
Помню бал в школе выпускной
И закат, словно ленточка алая,
И ту девочку, которой тайком
На уроках записки писал я.
И не верится, что все прошло,
Что не будем встречать мы рассветы,
Будто солнце для нас зашло
В то короткое жаркое лето.
Но нам было дано сполна,
И не стоит грустить и отчаиваться,
Точно так же светит луна,
И не будем с вами печалиться.
Вот прошло уже двадцать лет,
И полжизни, наверное, пройдено,
Но, друзья мои, дайте ответ
Те, кто живы, и те, кто верен нам.
Я во сне вас всех видел не раз,
Голос каждого слышался мне,
И я рад, что встречаю всех-вас
В полном здравии и на коне.

Декабрь 1991 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ВЗРОСЛЫМ

Взрослые дяди и тети,
Что вы с собою несете?
Тоненький кустик рябины?
Или безводье в пустыню?
Дяденька с видом угрюмым,
Зачем ты Чернобыль придумал?
Зачем мою жизнь отнимаешь?
Мне страшно, понимаешь.
Я видел смерть в глаза не один раз,
Судьба рисует жизнь не в розовом мне цвете,
И все же призываю, люди, вас:
Пусть никогда не умирают дети.
Тетенька в белом халате,
В чем пред тобой виноват я?
Из-за твоей "доброй" воли
Я от рождения болен.
На побережье Аракса
Вас бы морозом пробрало:
Среди крестов - колыбели
Горькую землю одели.
Терниста и трудна моя дорога,
Не устрашусь ни розог, ни плетей,
Но каждый день молю я бога:
"Не доведи мне видеть смерть детей".

Декабрь 1991 г.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

(Д. И. Калмыкову)

Сколько крови ты можешь принять,
Пресвятая землица-мать?
Сколько можно вдыхать эту тленную гарь?
Мне того не понять.
Нам геройство не по душе,
Это поняли мы уже,
Что геройство, когда всколыхнула беда,
Это все ерунда.
Доброволец по слушаю я,
Добровольность - судьба моя,
Добровольно на пир,
Добровольно домой,
Добровольно на смертный бой.
Утром был еще молодым,
А до полудня стал седым,
Седина на висках, седина на душе.
Юность в прошлом уже.
Этот танк, что нам стал родным,
Видел стужу, огонь и дым,
Мы его как могли от огня берегли
И он выручил нас.
Доброволец по слушаю я,
Добровольность - судьба моя,
Добровольно на пир,
Добровольно домой,
Добровольно на смертный бой.

Июнь 1991 г.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

У Сергея Есенина есть такие слова,
Что деревни последний он поэт.
И склонилась на плаху его голова,
И молчала его лира столько лет.
Но не прав ты, Серега Есенин, не прав -
Жить деревне и жить без оков,
И споют люди песни за добрый твой нрав
Ныне, присно и во веки веков.
Да, пытались деревню сломить и стоптать
И подсечь становую ей жилу,
Но деревня - святая кормилица-мать
Людям верой и правдой служила.
И я сам, путник грешный, с деревенской в ладу,
Что есть силы ее воспеваю
И прожить без деревни, хоть убей не могу,
Ни на что ее не променяю.

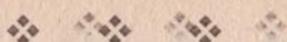
Декабрь 1991 г.

О СЕБЕ

Моя поэзия меня спасет,
От бед и горестей унесет,
И среди ночи и среди дня
Спасет меня моя поэзия.
Обороняет песня меня
От злобы, холода и от огня,
От хитрой лести, лихих людей
Обороняюсь песней своей.
А моя проза меня хранит
От сладкой жизни и от обид.
Душой и сердцем пишу строку я,
И друг и совесть проза моя.

Октябрь 1994 г.

КТО Я?

Кем я был для тебя, Родина?
Песней выплакал мысли свои.
Все тропинки, казалось бы, пройдены,
Даже выбиты в прошлые дни.
Кто я есть для тебя, Родина?
Прошли годы, не несколько дней,
Напрягаю все силы вроде бы,
А не вижу отрады твоей.
Кем я буду тебе, Родина?
Сыном или как падшая мразь.
Иль в счастливой семье юродивый,
На которого выплеснут грязь?

Октябрь 1994 г.

МОЛИТВА

Нам, русским, роптать негоже,
Пожалей нас, боже.
Все терпят и я тоже,
Потерпи и ты, боже.
И в рай, и в ад мы вхожи,
Помоги нам, боже.
За лень и праздность наказывай строже,
Полюби нас, боже.
Кровью запачкавших руки и рожи,
Покарай их, боже.

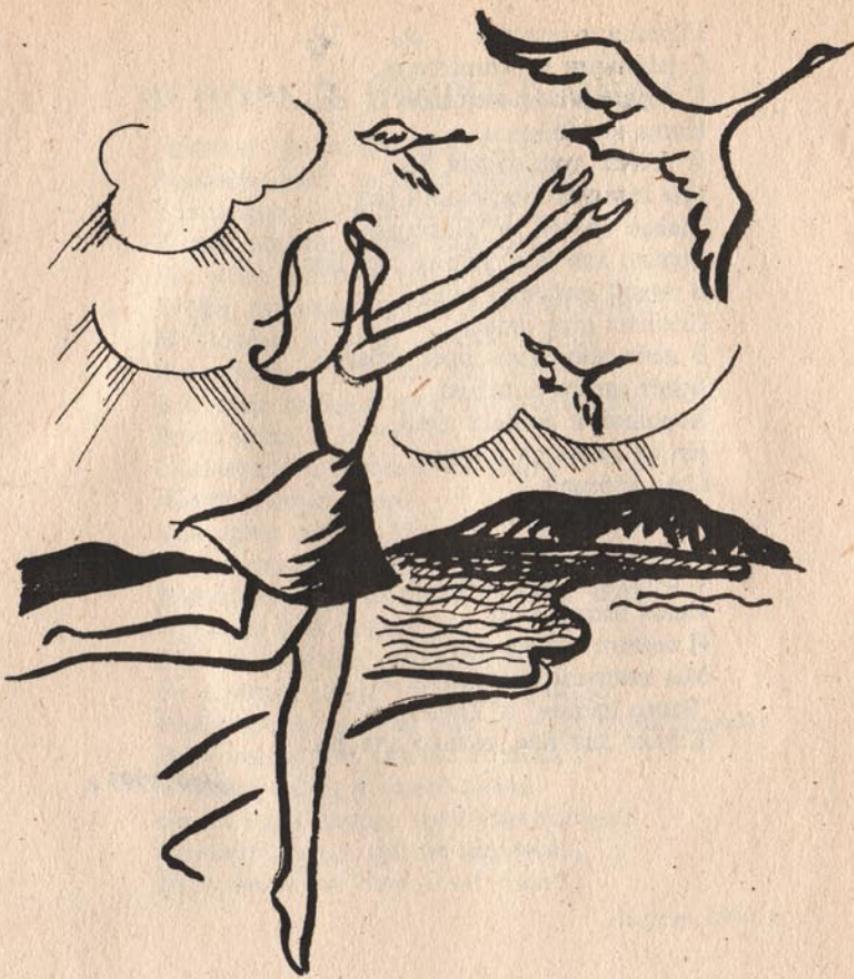
Ноябрь 1994 г.

ПИСЬМО В ООН

Господин хороший, секретарь ООН,
Шлют вам с Волги жители рыбку и поклон.
Сообщаем новость: на брегах реки
Появилась новая страна Батраки.
Нам резону нет всем шалманом жить,
Тоже ведь охота сладко есть и пить,
Пообложим пошлиной вокруг все пути,
Будет не проехать вам и не пройти.
Городок наш небольшой и народ толковый,
Принарядим мы его к Рождеству Христову,
На мосту и Волге поставим караул,
Не дай бог, бесплатно чтоб кто не прошмыгнул.
Долго нечего нам тут разводить дебаты,
С Пасхи вводим свои деньги под названьем "баты",
С языком повременим, он у нас особый -
Больше мать да перемать, разберись попробуй.
К государствам прочим кланяйся с речами,
Шлите, мол, своих послов, только, чур, с харчами,
Да кого не попадя к нам не посыпать,
Это вам не Замбези, мать вас, перемать.
Шлем вам нашего посла Васю Огурцова,
Дипломата лучшего не найти такого.
Просим быстро рассмотреть предложение наше.
Вице-президент Макаров, президент Евграшин.

Январь 1993 г.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

(О. А. Ершовой)

Люди встречаются разные,
С малой мечтой и большой,
Сильные, гордые, страстные,
С пламенною душой.
Видел я и другие,
Среди лесов и полей,
Как из птенцов неуклюжих
Вырастили лебедей.

Строгая и нежная,
С родными чертами лица,
С сердцем окрыленным
Наша наставница.
И сейчас только для Вас
Мы танцуем последний раз
"Вальс цветов" и "Падеграс"
Только для Вас, только для Вас.
В тихий майский вечер,
Слышал я от людей,
В небе закружила стая лебедей.
Будет много ошибок,
Хороших и добрых идей,
Но не сбьется с курса
Стая лебедей.
Строгая и нежная,
С родными чертами лица,
С сердцем окрыленным
Наша наставница.
И сейчас только для Вас
Мы танцуем последний раз
"Вальс цветов" и "Падеграс"
Только для Вас, только для Вас.

Май 1993 г.

ИСПОВЕДЬ ВТОРОГО МУЖА

Лучший друг оказал мне услугу -
Однажды умер, оставив мне жену,
Благодарю я дни и ночи друга,
В дейп памяти цветы несу ему.
Его жена теперь мою стала.
Добра, душевна, просто ангел во плоти,
Но почему-то от ее улыбки шалой
Я тороплюсь забыться иль уйти.
Все чаще кажется мне, что улыбка эта
Зовет меня, а ждет его,
Словно душа безвестного поэта
Живет у дома моего.
Как часто путаем, где друг, где недруг,
Потом страдаем горько от тоски,
И лучший друг, склонив лицо от ветра,
Пройдет и не подаст руки.
Еще не холодно, но скоро осень,
Ну а потом мороз посеребрит виски,
Мы лишь мгновенья счастья у фортуны просим,
Ну а потом хоть голову в тиски.
Я много видел и много знаю,
Но на один вопрос хочу узнать ответ;
Скажите мне, я сам не понимаю,
Быть может, я умер, а он - нет?

Август 1994 г.

ЯМЩИК

По ухабистой, зимней дороге
Среди ночи и бури кругом,
Средь снегов, среди волчьего воя
Мчится тройка гнедых с седоком.
Вот мелькнула на взгорке избушка,
За плетнем кустик вишни в снегу,
На крыльце в зипуне мать-старушка,
Спрыгнул с саней ямщик на ходу.
Ну-тка, здравствуй, родная мамаша,
Будь здоров и ты, родный отец.
Рад вас видеть, а где моя Даша,
Та, с которой я шел под венец?
У отца с плеч шубняк повалился,
Опустилась его голова,
Снял он шапку, сынку поклонился
И промолвил такие слова:
"Ты прости нас, сынок ненаглядный,
Что жену твою мы не спасли,
Вот уж месяц, как в полдень студеный
На мазарки ее унесли".
То не ветер гуляет по полю,
Не метель свои песни поет,
То ямщик, кляня свою долю,
У могилы родной слезы льет.

Декабрь 1994 г.

❖ ❖ ❖

МОИ МЕЧТЫ

Живу я как в сплошном тумане, -
Вчера нашел, сейчас отдал.
Кто-то меня в трясину тянет,
Возможно, я кого предал.
Мечтаю я о том, чтоб человек,
В тоске мятежной теряя жизни пыл,
Взял в руки мою книгу нежно
И как от элексира вновь ожил.

Я когда-то умру - все живое лишь раз умирает
И, возможно, пойму того, кто тысячу раз был прав,
Тот лишь к жизни людей призывает,
Кто сам смертию смерть поправ.
В мокрый апрель или летнюю сушь
Выпью я жизнь до дна.
Упокойте мою грешную душу
Доброю чаркой вина.

Декабрь 1994 г.

❖ ❖ ❖

ВЕРА В ЖИЗНЬ

Мне каждый день грозит потерей,
Я жду известий и боюсь,
Во что-то верю и не верю
И через боль души смеюсь.
Что будет завтра, я не знаю:
Кого любить? Кого встречать?
Пойду на картах погадаю,
Чтоб хоть немного правды знать.
Увы, гадать я не привык,
Иная ведома мне сила,
Мой поэтический язык
Как ветер по земле носило.
И там, где только я бывал,
Страшась напастей и недуга,
Влюблялся, мучился, страдал,
Оставил недруга и друга.

Декабрь 1994 г.

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Как быстро изменилось все вокруг,
Сегодня изменил мне лучший друг.
Мы были с ним как братья, как родня,
Но он сейчас уходит от меня.
Еще вчера он клялся мне в верности
И улыбался кротко, до нежности,
Ну а сегодня взял да и спасовал,
Меня на сыр и водку променял.
Мы ели с ним одною ложкою,
Бродили одними дорожками,
Он знал мои тайны, давал совет,
Привык к нему я кровно за столько лет.
Я звал его с надеждою: "Друг, верниесь..."
Он плакал, а глазами смотрел все ниц.
"Может, моя ошибка, к тебе приду,
Скажи и снова будем в одном ряду".
Но друг с тоскою в голосе ответил так:
"Толкать людей на подвиги ты мастак,
А я устал от жизни и от борьбы
И не волнуют больше слова твои.
Могу я просто жить, любить и дышать,
Могу спокойно женщину я обнимать?"
"Да, можешь у фортуны поискать приют,
Можешь дышать и нежиться, если дадут..."

Октябрь 1992 г.

❖ ❖ ❖

ЦЕНА ЖИЗНИ

В наше время, лихое очень, просто убить человека,
Еще проще не видеть его корчи в дорожной пыли.
От начала истории и до скончания века
На всех перекрестках маются дети земли.
Говорят, что жизнь каждого можно измерить монетой,
Могут жизни и души - все оказаться в золе,
Сколько стоит жизнь Пушкина, Гете, другого поэта?
Сколько стоит однажды убить саму жизнь на земле?

Январь 1995 г.

ОСЕНЬ

Ранняя осень, чуть дремлет природа,
Воздух прозрачен и чист.
Пахнет навозом, ботвой с огородов,
Солнечный зайчик лучист.
Кустик калины взгрустнул у окошка,
Ветер прохладный с полей,
Чу, у забора соседская кошка
Мышкует у коноплей.
Борозду режет норовистый трактор -
Не за горами зима.
Тройка машин по сызранскому тракту
Хлеб везет в закрома.
Скоро закружатся снежные вихри,
Ходят за плугом грачи,
Сосенки две среди поля притихли,
Точно две хрупких свечи.

Январь 1995 г.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Ой ты, зорька, зоренька, начала играть,
Не даешь мне молодцу милой целовати.
Рано утром, зоренька, мне во путь-дорогу,
Не видать долгонько мне милого порога.
Налетели со горы вороньи лихие,
Собирают на убой силы молодые.
Я надену медный крест и мешок с харчами,
Будет милая тайком слезы лить ночами.

Декабрь 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
"Чапанка" (роман)	3-172
Осенние листья (поэма)	173-188
Стихи	189-243

Н.В. Будылин
"Чапанка" (роман)
Осенние листья (поэма)
Стихи

Редактор С. Джанзакова
Художник Л. Пальчик
Корректор Е. Шкердина